

*Труды теоретико-лингвистической школы
в области общего и русского языкознания*
Воронежский государственный университет
Центр коммуникативных исследований
Кафедра общего языкознания и стилистики

Текст - дискурс - картина мира

Вып. 5

Продолжающееся научное издание

**Воронеж
2009**

Очередной (пятый) выпуск межвузовского научного сборника «Текст – дискурс - картина мира» (предыдущие выпуски 2005-2008гг.) посвящен теоретическим и прикладным проблемам изучения взаимодействия текста, дискурса и картины мира. В сборнике представлены статьи ученых Борисоглебска, Волгограда, Воронежа, Ирака, Новокузнецка, Новосибирска, Санкт-Петербурга, США, посвященные исследованию текста в традиционном, функциональном, прагматическом и когнитивном аспектах.

В некоторых случаях концепция присланных статей отличается от общепринятой трактовки анализируемой проблемы и расходится с мнением редакционной коллегии. Однако редколлегия считает возможной публикацию таких работ в порядке научной дискуссии.

Сборник предназначен для филологов, преподавателей русского языка и иностранных языков, литературоведов, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области текста, дискурса, когнитивных исследований, культурологии и межкультурной коммуникации.

Редакционная коллегия:

д.ф.н. Вахтель Н.М., д.ф.н. Попова З.Д., д.ф.н. Стернин И.А.,
д.ф.н.Чарыкова О.Н. - научный редактор

Компьютерная верстка и оригинал - макет –
О.Н.Чарыкова, И.А.Стернин

© Коллектив авторов, 2009

Текст - дискурс - картина мира. Межвузовский сборник научных трудов.
- Вып.5. / Научный ред. О.Н.Чарыкова. Воронеж: «Истоки», 2009.
200 экз., 208 с.

От редколлегии

Предлагаемый вниманию читателей сборник продолжает тематическую серию публикаций, посвященных проблемам соотношения текста, дискурса и картины мира.

Сборник формируется в русле основной научной проблемы кафедры общего языкознания и стилистики «Язык и национальное сознание», но ориентирован на изучение национальной специфики текста и дискурса.

Редколлегия приглашает к сотрудничеству всех исследователей, занимающихся проблемами соотношения текста, дискурса и языкового сознания.

Электронный адрес редколлегии: sternin@phil.vsu.ru.

Вопросы теории

М.В. Влавацкая

О терминологической базе комбинаторной лексикологии

Под *комбинаторной лексикологией* понимается отдельный раздел лексикологии, имеющий собственный предмет описания – сочетаемостные свойства слов. Базисом комбинаторной лексикологии следует считать теорию сочетаемости.

Теория сочетаемости тесным образом соотнесена с синтагматикой. Под этим термином понимается, во-первых, направление в описании языка, изучающее линейные связи языковых единиц, а во-вторых, один из способов организации самого языка. В лингвистической литературе *синтагматика* рассматривается как анализ особых (линейных) отношений знаков языка, возникающих между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте.

Изучение синтагматических характеристик играет значительную роль в лексикологии. Слово рассматривается как единица, которая наряду с парадигматической ценностью обладает и другим видом значимости – синтагматической, или смысловой, возникающей на основании индивидуальных значений слов при их сочетании в линейном ряду.

Синтагматический аспект изучения языковых единиц часто соотносят с термином *валентность*. Данный термин был введен в отечественную науку С.Д. Кацнельсоном и означал «свойство слова определённым образом реализоваться в предложении и вступать в определённые комбинации с другими словами» (1948, с.132). Формирование так называемого *принципа валентности* произошло вследствие необходимости понимать язык как органичное целое (Лосев 1977). Суть этого принципа заключается в том, что каждый языковой элемент не может быть изолированным, – он наполнен всевозможными смысловыми отношениями с другими элементами языка и, следовательно, понимается строго динамически.

Исследователи выделяют различные уровни валентности, однако большинство останавливается на трёх: 1) *логическом* (экстралингвистическом); 2) *семантическом* – выявляется на основе совместимости и сочетаемости семантических компонентов (признаков, сем); 3) *синтаксическом* – предусматривает облигаторную или факультативную заполняемость открытых позиций определённого числа и вида, различную в разных языках (В. Флеминг, Г. Хельбиг, Х. Херингер, М. Д. Степанова и др.).

Очевидно, что понятие валентности соотносится главным образом с семантикой и синтаксисом, т.к. означает способность лексемы

синтаксически подчинять себе слово или предложно-именную группу слов, которая соответствует его семантическому актанту (участнику ситуации).

Говоря о типах валентности, многие исследователи выделяют их по принципу обязательности / факультативности и активности / пассивности.

Существует несколько точек зрения относительно обязательной и факультативной валентности, но одна из наиболее авторитетных принадлежит Ю. Д. Апресяну, который утверждает, что «валентности слова обязательны в том смысле, что устранение хотя бы одной из них, меняет его лексическое значение; однако они могут сильно отличаться друг от друга по степени обязательности-факультативности реализации в тексте» (Апресян 1995, с.149). Валентность *i* слова А называется *синтаксически обязательной*, если предложение, содержащее слово А с незамещённой *i* валентностью, неправильно. Следовательно, валентность *i* слова А является *синтаксически факультативной*, если предложение, содержащее слово А с незамещённой *i* валентностью, правильно. Существенно, однако, что валентность с любым содержанием может быть синтаксически обязательной для одних слов и синтаксически факультативной для других.

Чтобы определить состав семантических валентностей слова, необходимо провести границу между валентностями, связывающими значение слова с его актантами, и более слабым типом семантических зависимостей, соединяющих значение слова с его сирконстантами (Теньер 1988). Эта проблема усложняется тем, что помимо синтаксической факультативности существует ещё и *семантическая факультативность* валентности. Вопреки самому определению семантической валентности, основанному на выделении в ситуации обязательных участников, в ряде случаев признаётся, что состав таких участников может варьироваться в определённых пределах.

На «активные валентности – управляющего слова и пассивные – зависимого слова» впервые указали В. П. Берков и И. Н. Засорина (1961, с.133). В лингвистической литературе можно встретить аналоги данных типов, например, центрипетальная / центрифугальная (Абрамов 1967), левая / правая (Moskalskaya 1971, с.75-76). Другими словами, валентность, которая заполняется выражением, синтаксически подчинённым валентному слову, называется *активной*. Если выражение, заполняющее валентность данного слова, не подчиняется ему, а само его подчиняет, то такую валентность называют *пассивной* (Богуславский 1996, с.14).

Активная сочетаемость (правая интенция) – это сочетаемость грамматически главенствующего слова с грамматически зависимым словом (распространителем), *пассивная сочетаемость* (левая интенция), наоборот, отражает сочетаемость грамматически зависимого слова (распространителя) с главным словом. При данных связях слов возникают совершенно разные соотношения, или обратно направленные связи. Активная синтаксическая сочетаемость понимается как синтаксическая

парадигма слова, в то время как пассивная сочетаемость понимается как грамматически зависимое слово (распространитель), представленное в виде определённой синтаксической формы, и грамматически главенствующее слово (лексема), представленное во всём объёме форм.

Суммируя вышеизложенное, подчеркнём, что грамматика, благодаря своей природе в большей степени по сравнению с лексикой «обладает» типовыми валентностями, которые без труда образуют эквивалентные классы. В лексике же, наоборот, больше индивидуальных валентностей, их изучение и описание связано с немалыми трудностями.

Валентность выступает как потенциал языковой синтагматики. В свою очередь, реализацией валентности является *сочетаемость*, т.е. информация о требованиях, которые предъявляет определённое слово к другому слову (распространителю), синтаксически связанному с этим словом для наиболее полного раскрытия его значения.

По определению Н.З. Котеловой, *сочетаемость слова* – это совокупность его синтагматических потенциалов, принадлежность которых слову характеризует его как определённое свойство, иначе говоря, – это набор и условия реализации распространителей слова (связанных с данным словом слов и форм), парадигматика синтагматических свойств слова, его связеизменение (Котелова 1975, с.81).

Анализ литературы, посвященной сочетаемости, показывает, что существует немало терминов, относящихся к данной сфере, которые понимаются лингвистами далеко не однозначно: нередко они подменяют друг друга или используются как синонимы. Частые пересечения и подмены понятий обуславливали разногласия среди исследователей, затрудняющие создание единой теории сочетаемости.

Значительное влияние на развитие данной теории оказали исследования в области уровня членения языка, определяющего типы сочетаемости (Ю.Д. Апресян, Н.З. Котелова и др.), изучение проблем устойчивости и идиоматичности (В.Н. Телия, И.А. Мельчук и др.), анализ взаимоотношений лексического значения слова и его сочетаемости (В.И. Зимин, Н.Г. Архипова и др.), а также взаимодействия семантики и синтагматики (Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак и др.).

Сочетаемость слова представляет собой многоаспектную проблему. Выявление сущности данного феномена связано с решением следующих задач: во-первых, толкование лексического значения в зависимости от сочетающихся слов, во-вторых, разграничение лексико-семантических вариантов полисемичных слов, в-третьих, системное описание лексики и др.

Рассуждая о сочетаемости слов, в первую очередь необходимо определить, в какой степени эта сочетаемость диктуется предметно-логическими связями самой действительности и в какой степени она ограничена определёнными правилами и закономерностями сочетания лексических единиц, существующими в языке. *Предметно-логическая сочетаемость* слов находится вне собственно языковых законов, и всякое

бессмысленное сочетание кажется бессмысленным именно потому, что оно не соответствует определённым предметно-логическим связям отображаемой в нашем сообщении действительности (Шмелёв 1967, с.95). Однако в рамках комбинаторной лексикологии в лингвистических исследованиях, принимаются в расчёт практически все типы сочетаемости.

Анализ показал, что в настоящее время в лингвистической литературе выделяются следующие типы сочетаемости: *семантическая* (Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, Э.М. Медникова и др.); *синтаксическая* (Ю.Д. Апресян, Т.М. Дорофеева, Г.А. Золотова, Н.З. Котелова, М.Н. Лебедева и др.); *лексическая* (Ю.Д. Апресян, В.Д. Аракин, Н.З. Котелова, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелёв и др.); *морфо-синтаксическая* (Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, С.Г. Тер-Минасова и др.); *фразеологическая* (А.И. Смирницкий, В.Н. Телия); *понятийная* (Э.М. Медникова); *стилистическая* (Л.Г. Барлас) и т.п. Как уже отмечалось, данные термины толкуются лингвистами далеко не однозначно.

Конкретный набор сочетающихся единиц в речи обусловлен различными причинами, т.к. каждый тип сочетаемости имеет только ему присущие дифференциальные особенности. Рассмотрим основные типы сочетаемости.

Сочетаемость слова может быть ограничена не отдельными словами (лексическая сочетаемость), а рядом слов, однородных семантически (Жукова 1971, с.6). В этом случае, по утверждению Ю.Д. Апресяна, в силу вступает *семантическая сочетаемость* – способность данного слова синтаксически связываться с любым словом, в значение которого входит определённый семантический признак: им может быть одушевлённость / неодушевленность, физическое состояние предмета и т.д. (Апресян 1969, с.81). Таким образом, семантическая сочетаемость (в отличие, например, от лексической) объединяет классы слов, связанные определённым признаком (отвлечённость и конкретность, люди и животные и т.д.).

Семантическая сочетаемость слов как лингвистический феномен соотносится со следующими понятиями: *семантическая совместимость* (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, Э. М. Медникова); *смысловая совместимость* (В. Г. Вилюман); *семантическая конгруэнтность* (Ш. Балли, Э. Лейзи); *семантическое согласование* (Е. Г. Шендельс, А. Греймас, Л. Вундхеймер, А. Вундхеймер, В.Г. Гак); *семантическая избирательность* (Б. А. Абрамов). Инвариантным для данных терминов является значение «смысловая совместимость компонентов (сем)». Добавим, что для понимания семантической сочетаемости слова следует учитывать не только семантику сочетающихся слов, но и так называемый реальный контекст.

«В естественных языках синтаксис – семантичен, т.е. его категории и элементы соотносятся определённым образом с внешними объектами, а семантика – синтаксична, т.е. она отражает отношения между символами-обозначениями» (Гак 1972, с.367). Отсюда следует, что семантика и синтаксис тесно взаимодействуют и являются двумя гранями одного

языкового явления – сочетаемости. По утверждению В.В. Морковкина, совокупность имеющихся при слове синтактико-семантических позиций составляет его *синтаксическую сочетаемость*. Под *распространителем* значения слова понимается другое слово или сходная с ним по функциям языковая единица, которая либо определяет, дополняет, восполняет, конкретизирует значение данной лексико-семантической единицы, либо обеспечивает её включение в речь (Морковкин 1990). Особенно значимыми являются характеристики синтаксической сочетаемости при дифференциации лексического значения слова.

Информация, содержащаяся в предложении, бывает двух типов: обязательная, т.е. информация о ситуации, обозначаемая глаголом, называющим данную ситуацию, и необязательная, т.е. об атрибутах, наличие/отсутствие которой в предложении не определяется ситуацией, называемой глаголом (Кретов 1978, с.28-31). Исходя из этого, различают обязательную и необязательную синтаксическую сочетаемость. *Обязательная синтаксическая сочетаемость* – сочетаемость, при которой вероятность появления распространителя при условии появления лексемы приближается к 1 (Дорофеева 1986, с.24). Иначе говоря, это определённая способность лексемы иметь при себе обязательные зависимые синтаксические формы – обязательные распространители, которые предсказываются словом и выступают в предложении по его требованию.

Обязательная синтаксическая сочетаемость, как и валентность, противопоставлена необязательной (факультативной) сочетаемости. *Необязательная синтаксическая сочетаемость* – это определённая способность лексемы употребляться как с распространителями, так и без них. Распространители, употребляющиеся с лексемами данного типа, являются для них необязательными. Необязательная синтаксическая сочетаемость реализуется в речи только в связи с коммуникативной направленностью высказывания, в связи с необходимостью обозначать различные отношения: объект, совместного участника действия, различные обстоятельства, сопровождающие действия.

Некоторые лингвисты выделяют *грамматическую*, или *морфологическую* сочетаемость, которая определяется принадлежностью слов к частям речи (Чеснокова 1968). Однако большинство исследователей склонны считать, что данный тип сочетаемости входит в понятие синтаксической сочетаемости и не требует особых разъяснений.

Синтаксическая сочетаемость слов является одним из наиболее важных критериев в описании сочетательных свойств языковых единиц, но строго говоря, не относится непосредственно к синтаксису, а принадлежит к области межуровневых взаимодействий и требует комплексного подхода к отражению сочетательной способности слова с учётом семантической, синтаксической и лексической сочетаемости в их взаимосвязи.

Учитывая различные концепции лексической сочетаемости, следует отметить большúю неоднозначность подходов представителей разных лингвистических школ к данной проблеме (см. например, работы

Ю.Д. Апресяна, Н.Н. Амосовой, Н.З. Котеловой, И.А. Мельчука, А.К. Жолковского, В.В. Морковкина, И.Г. Ольшанского, М.М. Копыленко, З.Д. Поповой, А.А. Уфимцевой и др).

В лингвистической литературе существует немало определений лексической сочетаемости. По утверждению Н. З. Котеловой, *лексическая сочетаемость* – способность слова как лексемы сочетаться с другими словами (лексемами), совокупность его лексических валентностей. Выявление лексической сочетаемости слова предполагает определение круга слов, с которыми оно может сочетаться в связной речи, и условий реализации сочетаний. Обладая относительной самостоятельностью, лексическая сочетаемость связана вместе с тем разнообразными отношениями и взаимодействиями с его значением, синтаксической сочетаемостью, морфологической структурой и другими его свойствами (Котелова 1975, 81).

Отсюда следует, что и лексическая, и синтаксическая сочетаемость слова зависят от его значения, но зависят по-разному. Синтаксическая сочетаемость определяется общими семантическими признаками, связанными с частеречной принадлежностью слова и обеспечивает грамматическую правильность речи. Лексическая сочетаемость определяется конкретными семантическими признаками слова, т.е. зависит от его индивидуального лексического значения и обеспечивает смысловую правильность речи.

В отличие от семантической сочетаемости, лексическая сочетаемость не выводится из значения и не может быть описана как регулируемая некоторыми общими правилами, т.е. ограничение относится не к семантическому классу, а к конкретным словам. Она мотивируется не столько правилами соположения смыслов, сколько узусом, который по определению непредсказуем и изменчив. Так, основанные на узусе свойства (к которым относятся, в частности, феномены лексической сочетаемости) оказываются наименее жестко «вмонтированы» в систему языка. С течением времени они могут меняться, не оказывая существенного влияния на смысл высказывания. С другой стороны, они оказываются достаточно устойчивыми. Таким образом, существуют две противоположные тенденции в области лексической сочетаемости: принципиальная допустимая изменчивость vs фактическая стабильность (Добровольский 2003, с.125-138).

Неоспорим тот факт, что в языке действует механизм, регулирующий лексическую сочетаемость, которая в свою очередь включает:

- 1) предметно-логические связи предметов и явлений реальной действительности;
- 2) собственно лексические ограничения;
- 3) обусловленность укрепившейся нормой употребления слов в определённом языке;
- 4) заданность смысла, т.е. необходимость употребить слово в определённом значении;
- 5) обусловленность употребления слова в рамках того или иного функционального стиля.

Помимо основных (рассмотренных выше), выделяют и иные типы сочетаемости, являющиеся комплексными и имеющие свои дифференциальные признаки. Н. Г. Архипова при описании сочетаемостных свойств слова указывает на необходимость учитывать такие типы сочетаемости: *предметно-ситуативную, собственную, несобственную, семантико-синтаксическую, лексико-грамматическую, логико-смысловую, экспрессивно-стилистическую, лексосинтаксическую* и др. (Архипова 2000).

Таким образом, многообразие явления сочетаемости, различные подходы к описанию лексической и синтаксической сочетаемости, расхождения в теоретических позициях исследователей по проблемам описания семантики слова и его отдельных компонентов свидетельствуют о том, что комбинаторная лексикология, являясь, несомненно, важным и актуальным лингвистическим направлением, не имеет пока более или менее устоявшегося теоретического аппарата, без чего ее развитие в настоящее время не представляется возможным.

Подчеркнем также, что в современной лингвистике интерес к комбинаторной лексикологии угас, практически нет новых теоретических работ в этом направлении. Лингвокультурология, психолингвистика, когнитивная лингвистика, теория межкультурной коммуникации лишь косвенно и фрагментарно затрагивают проблемы сочетаемости. Вместе с тем актуальность теоретической разработки комбинаторной лексикологии и практики описания сочетаемости слова в словарях разных типов представляется нам несомненной.

Необходима прежде всего унификация многочисленных терминов, используемых для описания сочетаемости слова как лексической единицы, выработка принципов описания сочетаемости как принадлежности семантики лексической единицы, что является актуальной задачей современных исследований в области комбинаторной лексикологии.

Абрамов Б. А. Синтаксические потенции глагола в сопоставлении с потенциями двух частей речи // Филологические науки. 1967. № 2.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1995.

Апресян Ю. Д. Синонимия и синонимы // Вопросы языкознания. 1969. № 4.

Архипова Н. Г. Сочетаемость слова в лексикографическом описании. Диссертация... кандидата филол. наук. М., 2000.

Берков В. П., Засорина И. Н. Понятие валентности в языке // Вестник ЛГУ. Серия ИЯиЛ. 1961. № 8. Вып 2.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. Предисловие. 1996.

Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.

Добровольский Д. О. Лексическая сочетаемость в диахронии (к динамике узуальных норм) // Русский язык сегодня. Вып. 2: Активные языковые процессы конца XX века. М., 2003. С. 125-138.

Дорофеева Т. М. Синтаксическая сочетаемость русского глагола. М., 1986.

- Жукова Л. К. Синтагматические отношения в лексике и их отражение в двуязычном словаре // Вопросы лексикографии и стилистики. Самарканд, 1973.
- Кацнельсон С. Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948. № 2.
- Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975.
- Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975.
- Кретов А. А. Об одной схеме анализа синтаксической сочетаемости глагола // Методы и приёмы научного анализа в филологических исследованиях. Воронеж, 1978.
- Лосев А. Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 1.
- Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1990.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- Чеснокова Л. Д. Грамматическая сочетаемость слов в простом предложении и факторы, обуславливающие её // Сочетаемость языковых единиц. Ростов, 1968.
- Шмелев Д. Н. Сочетаемость слов в русском языке // Материалы 7 международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. М., 1967.
- Moskalskaya O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М., 1971.

А.А. Припадчев

Речевая системность текста в данных смыслов

(на материале произведения жанровой формы «житие»)

В теории речи существенно разграничение понятий «семантика» и «смысл». Системообразование в речи, выявляемое через понятия «факторы» и «принципы», и речевая системность конкретных текстов, выявляемая через понятие «модели», в данных **семантики** уже были предметом нашего внимания и демонстрировались на материале текстов жанра «плач» и жанра «молитва» (Припадчев, 2006, с. 117–121; 2007, с. 66–76; 2008, с. 58–67; 2008, с. 13–24; 2008, с. 3–15). В новой серии статей системообразование в речи и речевая системность определенных текстов, в частности жанровой формы «житие», рассматривается уже в другом аспекте, а именно: в данных **смыслов**.

Потребность в разграничении семантики и смысла возникла не сегодня. При изучении текста и речи ученые разных направлений стали особенно настаивать на этом в конце XX века.

Необходимость разграничивать понятия «денотат» и «смысл» прослеживается по многим положениям Н.И. Жинкина: «Речевые знаки по требованию значений, вырабатываемых в процессе коммуникации, перестраиваются в эквивалентные для партнеров формы, в которых должно происходить быстрое узнавание и разборчивая реализация языковых единиц. Интеграция этих единиц образует предметный **смысл денотата** (выделено нами – А. П.) и тем самым возможность выразить его содержание в разных словах, в чем и состоит акт понимания» (Жинкин, 1982, с. 68).

«Проблема текста мало разработана, поэтому существенные вопросы речевой коммуникации остаются еще неясными. К таким вопросам

относится, например, роль денотатов, различие между **значением и смыслом** (выделено нами – А. П.)» (Жинкин, 1982, с. 80).

Углубляя разграничение понятий «значение» и «смысл», Н.И. Жинкин не исключает наличия в тексте не только семантических моделей (идентификация денотатов), но и определенно говорит о присутствии в нем иных – смысловых моделей: «**Денотаты** (выделено нами – А. П.) интегрируются по ходу развития темы речи, и единство темы держится на идентификации денотатов. <...> **Смысловые** (выделено нами – А. П.) связи в отличие от грамматических не заданы заранее, их надо найти, открыть и интегрировать в модели. Тогда модель <...> будет смыслом отрезка речи. Иначе говоря, смыслом будет то, что предметно тождественно в разных лексических оформлениях» (Жинкин, 1982, с. 80–81).

Сосредоточиваясь на понятии «смысл», Н.И. Жинкин предлагает практические пути обнаружения смысла текста – наблюдать за смежными предложениями, постепенно расширяя радиус смежности до кристаллизации смысловых отношений структур: «Текстовый **смысл** (выделено нами – А. П.) – это интеграция лексических значений двух смежных предложений текста. Если интеграция не возникает, берется следующее смежное предложение, и так до того момента, когда возникает смысловая связь этих предложений» (Жинкин, 1982, с. 84–85).

К прозрению и предсказанию когнитивной лингвистики (Попова, Стернин, 2007; Попова, 2009) можно отнести высказывание Н.И. Жинкина о том, что смысл, формируясь до языка и речи, соотнесен не только с речемыслительной деятельностью, но и прежде всего с ментальностью в широком смысле этого слова: «Говоря о **смысле** (выделено нами – А. П.), мы попадаем в компетенцию интеллекта. <...> Интеллект сохраняет за собой только самую общую, но универсальную функцию управления – это кодирование в виде универсального предметного кода (УПК)» (Жинкин, 1982, с. 88).

Итак, по Н.И. Жинкину, смысл является интегралом значений. Смысл – это внутренняя форма языка, которую старался обнаружить В. фон Гумбольдт (Жинкин, 1982, с. 89, 96).

Непосредственно на понятии «смысл», без акцентирования понятия «значение», сосредоточивает свое внимание и нейролингвистика, осмысляя этот термин применительно к тексту. А.Р. Лурия отмечает, что смысл текста – величина бóльшая, нежели смысл отдельных предложений и их последовательности: «Было бы неправильно думать, что **смысл** (выделено нами – А. П.) воспринимаемого текста исчерпывается смыслами отдельных предложений. Процесс понимания смысла целого текста несравненно сложнее. <...> Анализ понимания смысла целого текста так же не может сводиться к анализу последовательности предложений, <...> как и понимание предложений не сводится к пониманию просто следующих друг за другом отдельных слов» (Лурия, 1975, с. 173).

Уводя исследователей от искушения разбить смысл текста на кусочки смыслов, Р.А. Лурия предлагает понятие «модель» в приложении к смыслу: «Быть может, лучше всего <...> сложность **смысловой** (выделено нами – А. П.) структуры текста проявляется в басне (притче), процесс понимания которой может быть оценен как модель любого сложного процесса понимания текста» (Лурия, 1975, с. 174).

Для того, чтобы в поисках смысла текста переход от смысла отдельного элемента произведения к смыслу текста как целого был органичным, Р.А. Лурия советует предусмотреть «скрытые смыслы» в любом тексте, а не только в художественном: «Подлинное понимание **смысла** (выделено нами – А. П.) текста предполагает сначала интерпретацию скрытого смысла отдельного фрагмента, а затем – и общего смысла всего текста в целом» (Лурия, 1975, с. 175).

Обращая внимание на сложность процесса интерпретации смысла текста, Р.А. Лурия рекомендует учитывать многослойность смыслов текста, его «внешнее содержание» и «внутренний смысл»: процесс понимания текста «выходит далеко за пределы декодирования отдельных грамматических структур, включенных в текст; он требует абстракции от частного значения, выраженного отдельными элементами текста, и от сообщения, которое является его «внешним содержанием»; наиболее существенным звеном понимания текста становится его внутренний **смысловой** (выделено нами – А. П.) анализ» (Лурия, 1975, с. 176).

Во избежание претензий на единственно возможную интерпретацию смысла текста Р.А. Лурия допускает разные версии его смысловой структуры, предлагая понятие «глубина прочтения текста»: «Нет сомнения в том, что глубина прочтения текста может быть различной и что она варьируется от одного субъекта к другому, вероятно, в значительно большей степени, чем анализ «внешнего», грамматически оформленного значения предложений» (Лурия, 1975, с. 176).

Констатируя состояние дел в психологии и лингвистике в области изучения смысла, Р.А. Лурия пишет: «Мы не можем сказать больше о сложном психологическом процессе декодирования общего **смысла** (выделено нами – А. П.) текста. Эта проблема <...> еще очень мало изучена психологами. <...> Лишь в самое последнее время она стала тщательно изучаться некоторыми <...> лингвистами; однако здесь делаются только первые шаги» (Лурия, 1975, с. 177).

И далее: «В отличие от <...> изучения понимания отдельных предложений, понимание целых **смысловых** (выделено нами – А. П.) отрывков, их общей мысли и их внутреннего смысла, почти совсем не располагает сколько-нибудь достаточной литературой» (Лурия, 1975, с. 181.)

Обращаясь к тексту, авторы «Основ теории речевой деятельности» не используют понятий «семантика» и «смысл», но прибегают к терминам «универсалия речи», «психолингвистическая модель»: «При попытке психолингвистических объяснений речевых явлений необходимо, по-

видимому, учитывать три аспекта: сам лингвистический факт, который может быть обнаружен на основе анализа текстов одного языка, его проверку на универсальность и его психологическую интерпретацию» (Основы, 1974, с. 139).

«Однако несмотря на некоторые успехи, достигнутые в психологической интерпретации извлеченных из текстов фактов, особенно фактов речи, большинство универсалий до сих пор не нашло психолингвистического объяснения» (Основы, 1974, с. 142).

И далее: «Рассматривая текст как материал для психолингвистических исследований, необходимо иметь в виду, что один и тот же текст <...> может интерпретироваться по-разному. <...> Вряд ли можно утверждать априорно, что в основе порождения данного типа высказывания лежит та или иная психолингвистическая модель. <...> В то же время нельзя недооценивать возможностей, которые предоставляет текст для психолингвистических исследований» (Основы, 1974, с. 144).

Так долго кристаллизовавшееся различие понятий «семантика текста» и «смысл текста» в увлеченности моделированием процесса понимания текста стало снова уходить на второй план. По существу текст снова исключен из проблематики «язык – речь». А если это так, то потеряны и предметы лингвистики – язык, речь.

Но нет текста вообще. Есть конкретный текст с временными, ареальными, жанровыми и авторскими параметрами. Текст – это единство языка и речи. Основной механизм перехода языка в речь – нейтрализация языкового различительного означивания денотатов сходным речевым означиванием денотатов и смыслов денотатов. В каждом тексте этот процесс словесно проявляется по-разному. Поэтому и язык, и речь в тексте – величины искомые. Главное для текста – речь. Основное ее доказательство – системность.

Не бывает системности на пустом месте. Речевая системность текста выявляется или в данных семантики (пространство, время, оценка и др.), о чем мы говорили в других работах, или в данных смыслов (универсальный – энциклопедический; национальный – контекстуальный и ситуативный; уникальный – прагматический, образный).

Если данные о речевой системности текста претендуют на статус научных, они должны предъявляться, как писал Ф. де Соссюр (Соссюр, 1977, с. 133), через понятия «факторы» и «принципы». Используемые нами ранее, при обсуждении речевой системности текста в данных семантики, эти понятия применимы и при описании речевой системности текста в данных смыслов, что подтверждает их сущностность и универсальность. Рассмотрим это на конкретном примере.

В лето 7119 [1611 г.], июля в 17 день, в пятое лето царства царя Василия, паки мятежницы злу и велику посреди народа крамолу воздвигнуша, безстудно же и сурово на Василия царя усремишася, и нападоша нань, и немилосердыми руками, аки птенца, восхитиша, и по обнажении царския дядимы введоша его в монастырь Чюдо

архистрати́га Михаила, и облекши его во иноческое одеяние, и предаша во злостражнѣя руце и християноубийственнѣя полским людем и литовским. Они же его емише, и абие иноческое одеяние свергоша с него, и во изряднѣя ризы паки облекоша его, аще и не хотящему ему, но нравом пленническаго обычая содеяша о нем, и тако отведоша его в Литву и со единопутробными братьями его, со князем Дмитрием Ивановичем да со князем Иваном Ивановичем, к Жигимонту королю. И тамо нужным страданием прियाша кончину жития сего, и к вечному царствию, невечернему свету преселися (Иное сказание // Русское историческое повествование XVI – XVII веков. – М., 1984. – С. 74–76).

Типология смыслов текста

Энциклопедический смысл: Россия и Смутное время (1598–1613) (*в лето 7119 – 1611 г. – июля в 17 день*). После смерти Ивана Грозного в 1584 году наследником престола стал его второй сын Федор. У Федора Ивановича не было детей. С его кончиной в 1598 году династия Рюрика на московском престоле прекратилась. Началось время междуцарствия и Смуты. Правил Борис Годунов, Лжедмитрий I, Василий Шуйский, боярская дума во главе с Милославским. После Лжедмитрия I царем был «выкрикнут» боярами князь Василий Иванович Шуйский (*царя Василия*). Он был на престоле пять лет (*пятое лето царства*).

Контекстуальный смысл: борьба за власть (*мятежницы – крамолу – воздвигнуша*). Боярскому князю Василию Ивановичу Шуйскому не верили. Начались восстания. 17 июля 1611 года Василий Иванович Шуйский был пленен (*восхитиша*), пострижен в монахи (*облекши во иноческое одеяние*) и отведен с братьями в Литву (*отведоша его в Литву со братьями*), где умер (*страданием – кончину – прियाша*).

Ситуативный смысл: свержение Василия Ивановича Шуйского. В ситуации участвуют князь Василий (*царства Василия – Р.п.*), его братья Дмитрий (*с Дмитрием – Т.п.*), Иван (*с Иваном – Т.п.*), король Сигизмунд (*к Жигимонту – Д.п.*), совокупные субъекты-мятежники (*крамолу воздвигнуша мятежницы – И.п.*), поляки и литовцы (*предаша полским и литовским людем – Д.п.*).

Прагматический смысл: в сравнении с древнерусским житием не нейтральный. Автор оценивает ситуацию и ее участников, осуждая анархию при нестабильной власти. Бунт жесток (*крамолу злу*), арест Шуйского вероломен (*безстыдно и сурово на Василия устремишася*), мятежники беспощадны (*немилосердыми руками*), поляки и литовцы злы (*злостражнѣя руце*), страдание Шуйского незаслуженно (*нужным страданием*).

Образные смыслы: в отличие от древнерусского жития тоже не нейтральные. Сравнениями (*аки птенца*), эпитетами (*крамолу – злу, руками – немилосердыми, руце – злостражнѣя, страданием – нужным*) создается образ мученика.

Итак, речевые функции текстообразующих средств жанровой формы жития в данных смыслах: 1) выражение энциклопедического смысла;

2) выражение контекстуального смысла; 3) выражение ситуативного смысла; 4) выражение прагматического смысла; 5) выражение образных смыслов.

Партитура текстообразующих средств жанровой формы жития в данных смыслах в сравнении с древнерусским житием иная: 1) серия имен с семантикой времени, числа, лица (*в лето 7119 – июля в 17 день – царя Василия – пятое лето*); 2) серия глагольных форм негативных действий, прилагательных и существительных (*восхитиша – облекши – отведоша – иноческое – одеяние – в Литву*); 3) серия существительных со значением единичного и совокупного лица в косвенных падежах (*Василия – Р.п. – с Дмитрием – Т.п. – с Иваном – Т.п. – к Жигимонту – Д.п. – людям – Д.п.*); 4) отдельные существительные с семантикой совокупного субъекта в И.п. (*мятежницы*); 5) серия прилагательных и наречий отрицательной оценки (*злостражняя – немилосердыми – нужным – безстыдно – сурово*).

Как и в древнерусском жанре жития, в старорусской жанровой форме жития текстообразующий потенциал больше обнаруживают формы косвенных падежей лица, находящегося в пространстве. Текстообразующие возможности форм именительного падежа лица, действующего во времени, погашены. В тексте всего одна форма номинатива. Следовательно, категория пространства сохраняет прочные текстообразующие потенции.

Факторы речевой системности текста

Фактор центрации речевого смыслового пространства

(одновременность, параллельность, совмещенность смыслов денотатов)

Данный фактор проявляется в том, что множество смыслов текста объединяются смысловым «фокусом» (доминантным смыслом). В жанровой форме жития доминантный смысл – «смута – крамолу».

Фактор формирования смыслового «разреза»

(смысловой вертикали, смысловой модели)

Данный фактор проявляется в том, что при вертикальном разворачивании текста (сверху вниз) смысловой «фокус» (доминантный смысл) многократно соотносится с одним и тем же денотатом.

В жанровой форме жития доминантный смысл «смута – крамолу» и его конкретизаторы – смыслы «плен – восхитиша», «смерть – кончину» соотношены с одним и тем же денотатом «Василии».

Обнаружением вертикального разворачивания текста в аспекте смыслового пространства является смысловая модель «смута» – «плен» – «смерть».

Компоненты данной смысловой модели связаны отношениями «общее – частное». Поэтому перед нами логоцентрическая смысловая модель.

Фактор не векторности речевого времени

Данный фактор проявляется в том, что смыслы денотата «Василии» не отнесены к прошлому, настоящему или будущему.

Невекторность обнаруживается в распределенности смыслов денотата «Василии» по имплицитным модусам речевого времени – модусам последовательности – «сначала» – «затем» – «потом» или модусам перечисления «во-первых» – «во-вторых» – «в-третьих»: «сначала» – смута, «затем» – плен, «потом» – смерть; «во-первых» – смута, «во-вторых» – плен, «в-третьих» – смерть.

Фактор тема-рематической модификации синтагм

Данный фактор проявляется в том, что смысловой «разрез» (смысловая вертикаль, смысловая модель) по положению денотата может соотноситься с темой синтагм (слова до предикатной синтаксемы) или с ремой синтагм (слова после предиката, включая и его).

Тема синтагм темпоральна и абстрактна (*наки – крамолу воздвигнуша; и – восхитиша; и – прияша кончину* = «сначала» – смута, «затем» – плен, «потом» – смерть). Рема синтагм локальна и конкретна (*отведоша – его в Литву со братьями*).

По положению денотата «Василии» смысловая модель «смута» – «плен» – «смерть» соотносится с темой синтагм (*в лето царства Василия крамолу – воздвигнуша; на Василия – устремишася*). Поэтому и модель отличается абстрактными смыслами: «смута – крамолу», «плен – восхитиша», «смерть – кончину».

Фактор сходного означивания

Данный фактор проявляется в том, что на основе первых четырех факторов в словесных рядах текста обнаруживаются речевые серии полнозначных слов со сходным означиванием смыслов денотата «Василии»: «смута» как исторический период, энциклопедический смысл, серия: *в лето 7119 – пятое лето царства – царя Василия*; «смута» как восстание, контекстуальный смысл, серия: *мятежницы – крамолу – воздвигнуша*; «смута» как нестабильность власти, прагматический смысл, серия: *злу – безстыдно – сурово*; «смута» как мученичество Василия Ивановича Шуйского, образный смысл, серия: *аки птенца – немилосердыми – злостражныя*; «плен» – контекстуальный смысл, серия: *восхитиша – облекши – отведоша*; «смерть» – контекстуальный смысл, серия: *нужным страданием – прияша кончину – к вечному царствию – преселися*.

Принципы речевой системности текста

Принцип нейтрализации локальных значений слов темпоральными смыслами

Например, конкретность пространственного значения лица слова «Василии» нейтрализуется абстрактностью темпорально организованных смыслов: «сначала» – смута, «затем» – плен, «потом» – смерть. Аналогом наречий времени «сначала» – «затем» – «потом» в тексте выступают наречие «*наки*» и союзы «*и – и – и*» в теме синтагм.

В связи с этим на основе конкретности локальных значений (*Василии*) и абстрактности темпоральных смыслов (*наки – и – и*) между сериями

полнозначных слов и релятивов выявляются речевые системные отношения функциональной иерархии.

*Принцип нейтрализации разных смыслов
единым содержательным «мотивом»*

Например, под влиянием текста смысловая нетождественность слов «*в лето 7119*» (исторический период Смуты), «*царства*» (нежелательное правление страной), «*Василия*» (боярский князь) из-за их отнесенности к разным денотатам нейтрализуется на речевом уровне функцией выражения ими смысла «смута» (энциклопедический смысл).

В связи с этим между элементами одной серии полнозначных слов выявляются речевые системные отношения функционально-речевой синонимии.

*Принцип нейтрализации языковых значений полнозначных слов
речевыми релятивными значениями (смыслами)*

Например, серия «*мятежницы*» – «*восхитиша*» – «*отведоша*» с контекстуальным смыслом «плен» появилась благодаря нейтрализации языковых значений слов (имя – предметность, глагол – действие) речевым релятивным значением (смыслом) активности – денотат не лишен жизненных циклов; антоним – инактивность: денотат лишен жизненных циклов.

В связи с этим между элементами одной серии полнозначных слов выявляются речевые системные отношения нейтрализации.

*Принцип нейтрализации языкового различительного означивания
(языковых значимостей) сходным речевым (речевыми значимостями)*

Языковые значимости (совокупность различающих признаков) отделяют одно слово от другого. Речевые значимости (совокупность отождествляющих признаков) уподобляют одно слово другому.

Например, языковые значимости слов серии «*мятежницы*» – «*облекши*» – «*отведоша*» различны: категориальные значения – предметность, признак по действию, действие; грамматические признаки – И.п., мн.ч., м.р.; сов.в.; 3 л., мн.ч., прош.вр.; синтаксические функции – подлежащее, обстоятельство, сказуемое.

Языковые значимости слов нейтрализуются в тексте речевой значимостью, то есть значением (смыслом) активности и выполнением словами серии одной и той же речевой функции – функции выражения смысла «плен» (контекстуальный смысл).

В связи с возможностью слова входить в разные серии (полифункциональность) между сериями полнозначных слов выявляются речевые системные отношения пересечения, объединения, дополнения.

Итак, факторами системообразования в речи как в данных семантики, так и в данных смыслов являются:

а) центрация и семантического, и смыслового речевого пространства; различие заключается не в сущности процесса речеобразования, а в явлениях: доминантным значением в тексте выступает семантика лица,

времени, факта действия, а доминантным смыслом – смысл «смута»; на уровне значения текст может быть полицентричным, а на уровне смысла – всегда моноцентричным в конкретной интерпретации;

б) формирование как семантического, так и смыслового «разреза»: семантические «разрезы» в тексте – антропоцентрический, темпоцентрический и фактоцентрический, а смысловой «разрез» – логоцентрический; на уровне значения текст может быть полимодельным, а на уровне смысла – всегда мономодельным в конкретной интерпретации;

в) не векторность речевого времени и в данных семантики, и в данных смыслов: семантика времени распределяется в тексте не по трем векторам языкового времени, а по множеству векторов речевого времени, что говорит о его не векторности; смысл «смута» тоже распределен в тексте не по трем векторам языкового времени, а по множеству векторов речевого времени, что также говорит о его не векторности;

г) тема-рематическая модификация синтагмы как на уровне семантики, так и на уровне смысла: антропоцентрическая и фактоцентрическая семантические модели в тексте приурочены к рематической зоне синтагм и отличаются конкретностью, а темпоцентрическая семантическая модель в тексте приурочена к тематической зоне синтагм и характеризуется абстрактностью; логоцентрическая смысловая модель в тексте по положению денотата лица тоже соотносится с темой синтагм и также отличается абстрактностью;

д) сходное означивание и на уровне семантики, и на уровне смыслов: в данных семантики выявляются серии релятивов – местоимений со значением замещенного лица, наречий и союзов со значением замещенного времени и серии полных слов – именных темпоративов и глаголов факта действия, а в данных смыслов – серии полных слов, имен и глагольных форм, прежде всего энциклопедического, контекстуального, прагматического и образного смыслов; серия слов ситуативного смысла важна больше для семантики.

Принципами системообразования в речи как в данных семантики, так и в данных смыслов являются:

а) нейтрализация локальных значений слов темпоральными; различие и тут не в сущности процесса речеобразования, а в явлениях: на уровне семантики локальные значения релятивов нейтрализуются темпоральными значениями и устанавливаются системные отношения функциональной иерархии между разными сериями релятивов; на уровне смысла нейтрализуются локальные значения полных слов темпоральными смыслами и устанавливаются речевые системные отношения функциональной иерархии между разными сериями полных слов и релятивов;

б) нейтрализация разных смыслов единым содержательным «мотивом»: в первом случае нейтрализуются смыслы релятивов и полных слов и между ними устанавливаются речевые системные отношения функционально-речевой синонимии; во втором случае нейтрализуются

смыслы полнзначных слов и устанавливаются системные отношения функционально-речевой синонимии между элементами одной серии полнзначных слов;

в) нейтрализация языковых значений полнзначных слов речевыми релятивными значениями (смыслами): в первом случае устанавливаются речевые системные отношения нейтрализации между элементами одной серии полнзначных слов, индуцирующих релятивы, во втором случае устанавливаются речевые системные отношения нейтрализации между элементами одной серии полнзначных слов, не индуцирующих релятивы;

г) нейтрализация языкового различительного означивания (языковых значимостей) сходным речевым (речевыми значимостями): на уровне семантики речевые системные отношения пересечения, объединения, дополнения устанавливаются между сериями релятивов и полнзначных слов, на уровне смысла – между сериями полнзначных слов.

Речевая системность именно текста «Иное сказание» XVII века в данных семантики выявляется через семантико-структурные «разрезы» (модели) – антропоцентрический (*нань – его – ему*), темпоцентрический (*в лето 7119 – июля в 17 день – в пятое лето; паки – и – и*), фактоцентрический (*и – нападоша «это было» – и – предаша «это было» – и – отведоша «это было»*), а в данных смысла – через смысловой «разрез» (модель) – логоцентрический («смута» – *крамолу воздвигнуша* – «плен» – *восхитиша* – «смерть» – *прияша кончину*).

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – С. 68; 80; 81; 84–85; 88; 89; 96.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – С. 173; 174; 175; 176; 177; 181.

Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева / Основы. – М.: Наука, 1974. С. 139; 142; 144.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2009. – 209 с.

Припадчев А.А. Теоретические основы исследования речевой системности текста / А.А. Припадчев // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 117–121.

Припадчев А.А. Системный аспект речи / А.А. Припадчев // Идеи Фердинанда де Соссюра в современной лингвистике. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2007. – С. 66–76.

Припадчев А.А. Семиотический аспект речи / А.А. Припадчев // Текст – дискурс – картина мира. Вып. 4. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 58–67.

Припадчев А.А. Речевая картина мира / А.А. Припадчев // Культура общения и ее формирование. Вып. 20. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 13–24.

Припадчев А.А. Модели речи / А.А. Припадчев // Коммуникативные исследования. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 3–15.

Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – С. 133.

Когнитивная картина мира и тип сознания

Под когнитивной картиной мира понимается комплексная база знаний человека, которая обеспечивает ему восприятие, понимание окружающей действительности и целесообразную деятельность в окружающем мире.

Когнитивная картина мира человека во многом определяется типом его сознания. В современной науке укрепилось представление о сознании как двуслойном явлении – единстве образного и рационального слоя. Эти идеи высказывались И.П.Павловым, Л.С.Выготским, А.Н.Леонтьевым, Н.И.Жинкиным, И.Н.Гореловым, в последние годы они глубоко разработаны В.П.Зинченко.

Нейролингвистические, психологические, психолингвистические и когнитивные исследования свидетельствуют, что сенсорный и рефлексивный слои сознания взаимно предполагают друг друга: «... наглядный, чувственный образ есть знание о действительности, сформированное на сенсорном материале. ... Без требования интеллекта нельзя выбрать из бесконечного континуума ту информацию, которая необходима для знаний о вещах и путях поиска. Любое требование интеллекта осталось бы пустым без сенсорной информации. Следует признать, что интеллект и сенсорика являются комплементарными механизмами для приема и обработки информации – без одного нет другого» (Жинкин 1982, с.128).

За последние 20 лет в отечественной психолингвистике был сформирован концептуальный подход к исследованию языкового сознания. Единицей анализа признается *образ языкового сознания* (это то же самое, что *ментальные репрезентации* в когнитивной лингвистике). В Московской психолингвистической школе образ сознания анализируется по модели, предложенной в свое время А.Н. Леонтьевым и затем дополненной В.П. Зинченко. Согласно взглядам этих ученых, образ сознания представлен четырьмя «образующими»: чувственной тканью, биодинамической тканью движения и действия, значением и личностным смыслом. Структура образа сознания рассматривается как двухслойное образование: чувственная и биодинамическая ткани составляют бытийный слой, а значение и личностный смысл – рефлексивный.

Таким образом, выделяются два основных слоя (уровня) сознания – образный и рефлексивный.

Образный слой – первичный в фило- и онтогенезе. Рефлексивный слой формируется позже и на его основе.

Н.В.Уфимцева подчеркивает, что бытийный слой сознания включает биодинамическую ткань движения и действия и чувственную ткань образа, а на их основе развивается рефлексивный слой сознания, включающий значение и смысл.

«Формирование сознания начинается с бытийного слоя, точнее, с биодинамической ткани движения и действия. Как это прекрасно показал Ж.Пиаже (Piajet 1979), появление языка у ребенка подготавливается развитием сенсомоторного интеллекта. Символическая или семиотическая функция формируется в течение второго года жизни ребенка. Язык, по представлению Пиаже, возникает на базе семиотической функции, но является лишь ее частным случаем. Суть символической функции состоит в дифференциации означающих (знаки или символы) и означаемых (объекты или события в виде схем или концептуализированные). Возникновение символической функции знаменует начало формирования рефлексивного слоя сознания... Таким образом, мы видим, что за телом знака (означающим) стоит сложная структура образа сознания, который включает в себе не только рефлексивные знания (значение и смысл), но и биодинамическую ткань живого движения и действия и чувственный образ, возникающий на его основе... Знания, которые стоят за телом знака, формируются в действии с культурным предметом, не сводятся только к вербальным значениям, принадлежат не языку, а культуре и присваиваются конкретным индивидом в процессе аккультурации. Хочется еще раз подчеркнуть, что далеко не все знания, которые стоят за телом знака, овнешняются с помощью языка» (Уфимцева 2007, с.112).

Как в фило-, так и в онтогенезе образный слой сознания может существовать самостоятельно, рефлексивный – нет. У детей – сенсомоторный интеллект (Ж.Пиаже), то есть преимущественно образное сознание. Оно же преобладает у малоразвитых в интеллектуальном плане взрослых.

Рефлексивные признаки отражают опыт социализации человека, его опыт деятельности с предметами и явлениями внешнего мира, результаты умственного обобщения им своего разностороннего опыта, они приходят к человеку в процессе получения образования и его самообразования. Рефлексивные признаки добавляются к образным признакам концептов, которые сами также претерпевают изменения в процессе формирования личности человека, его социализации, накопления жизненного опыта – они пополняются, обогащаются, корректируются.

«А.Пейвио (Pavio 1972, 1978) развивает теорию двух форм кодирования (a dual coding approach), согласно которой невербальные перцептивные знания трактуются как репрезентируемые и перерабатываемые двумя отдельными, но взаимосвязанными символическими системами. Пейвио полагает, что в долговременной памяти представление знаний о мире осуществляется преимущественно с помощью перцептивных аналогов в том смысле, что их активация обеспечивает модально-специфическую (то есть зрительную, слуховую и т.д.) информацию о перцептивных характеристиках объектов. Такие единицы репрезентации Пейвио называет имагенами (от англ. image — образ). Вторая – вербальная – система включает репрезентации, которые соответствуют языковым единицам и которые только по уговору соотнесены с объектами восприятия.

Как указывает Пейвио, эти вербальные репрезентации функционально эквивалентны логогенам Дж. Мортонa (Morton 1969). Уточним, что понятие логогена было предложено Мортонa в связи с разработкой функциональной модели узнавания слов. Речь идет о получении от анализаторов сенсорной информации некоторых наборов семантических, зрительных и акустических признаков, достаточных для опознания того или иного слова. Пейвио рассматривает обе символические системы как связанные с явлениями внешнего мира и друг с другом таким образом, что невербальные перцептивные стимулы, например картины, активируют систему образов непосредственно, а вербальную — опосредованно. Со словами происходит обратное: они активируют логогены прямо, а имагены — опосредованно.

Идеи Пейвио поддерживает ряд авторов. Например, в работе Klix & Hoffman 1976 постулируется наличие в памяти двух форм представления и хранения информации: иконической репрезентации типа образов объектов и событий в недискретной форме и концептуально-логической репрезентации классов объектов и событий в недискретной форме и концептуально-логической информации классов объектов и отношений между ними в дискретной форме» (Залевская 2005, с.117-118).

Согласно другой точке зрения, «все знания в памяти кодируются и хранятся в пропозициональной форме — и языковая, и неязыковая информация (Anderson 1976, Anderson & Bauer 1973, Clark 1976, Clark & Clark 1972,1977; Kintsch 1974, Norman & Rumelhart 1975). Даже если допускается, что информация может быть представлена в других формах, то все равно высказывается уверенность, что далее эти формы должны трансформироваться в пропозиции. Приводятся следующие аргументы: необходимость такой формы репрезентации знаний, которая не зависит от специфики естественного языка и позволяет аналогичным образом представлять и использовать во всех ментальных процессах информацию, полученную как через язык, так и через перцепцию, независимо от первоначального источника этой информации (Anderson & Bauer 1973; с.152, Norman & Rumelhart 1975, с.8; Залевская 2005, с.118).

С.М.Шалютин (1960, с.41) указывает, что понятия интерпретируются в конечном счете через чувственно-наглядные образы; при этом чувственное познание имеет свой «язык», свою семиотическую систему. В пользу двух форм кодирования высказываются Б.М.Величковский и В.П.Зинченко: «...образы и символы могут организовываться в устойчивые, динамические подвижные системы, которые функционируют наряду с вербальными категориальными системами в процессе решения разнообразных практических и познавательных задач» (Величковский, Зинченко 1979, с.77).

Экспериментальные работы тоже свидетельствуют о двух слоях сознания — чувственно-образном и вербально-рефлексивном.

И.Н.Горелов на базе многочисленных экспериментальных исследований приходит к выводу: «восприятие и запоминание вербальной информации

сопровождается декодированием ее в системе наглядного кода» (Горелов 1974, с.234); «результаты известных нам исследований, с одной стороны, свидетельствуют о наличии по меньшей мере двух систем кодирования, а с другой – подтверждают сводимость языка восприятия и вербального языка к некоторой «глубинной» семантике» (Залевская 2005, с.120), то есть к единому невербальному коду.

Подчеркнем, что теория пропозиций как формы кодирования знаний не противоречит концепции универсального предметного кода – концепт есть совокупность пропозиций (утверждений), «привязанных» к некоторому образу как ядру единицы УПК. Пропозициональный характер имеют рефлексивные признаки, пропозиционально могут быть осмыслены и образные признаки концепта – в таком случае они становятся рефлексивными.

Таким образом, сознание двуслойно и оба слоя обеспечивают осуществление мышления как концептуальной деятельности; при этом концепт выступает как функциональная единица мышления, объединяющая оба слоя сознания.

Как отмечает Лакофф, «главная часть наших концептуальных систем непосредственно основана на восприятии, на движении нашего тела и на физико-социальном опыте человека; мысль образна: концепты, не прямо основанные на опыте, используют метафору, метонимию и «ментальную образность», что выходит далеко за рамки зеркального отражения, или репрезентирования, внешней реальности» – (Цит по: Кубрякова, Демьянков Словарь 1996, с.57)

Именно концепт – общая для двух уровней сознания единица мышления: он формируется в онтогенезе как образная единица, а потом к образу в процессе предметной и когнитивной деятельности человека постепенно добавляются рефлексивные энциклопедические и интерпретационные признаки (подчеркнем – при условии, что личность начинает рефлексировать).

Образное содержание концепта в процессах мышления выступает как его *функциональная база* – концепт может существовать и функционировать как единица мышления, только будучи образным или будучи «прикреплен» своими рефлексивными признаками, рефлексивным содержанием к чувственному образу. Образы и рефлексивные признаки находятся в разных участках нейронных сетей мозга, но в процессе мышления функционируют согласованно. В процессе концептуального мышления, т.е. мышления концептами, могут участвовать и актуализироваться как образы, так и рефлексивное содержание концептов в разном их сочетании в зависимости от ситуации и цели мыслительного акта.

При выражении мысли при помощи естественного языка в конкретном коммуникативном акте происходит то же самое – может актуализироваться образ, может актуализироваться рефлексивное

содержание, могут актуализироваться образ и рефлексивное содержание в различном объеме.

Как отмечает Е.С.Кубрякова, ментальные репрезентации активизируются под влиянием внешних стимулов, которые могут возбудить как «образы, так и языковые репрезентации: для выполнения когнитивной задачи могут быть использованы как те, так и другие» (Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с.11).

Таким образом, в концепт входят как образная, так и рефлексивная часть. Это два основных мегакомпонента структуры концепта. При этом, подчеркнем еще раз, именно концепт выступает как единица мышления, осуществляющая единство, синтез чувственного и рационального в процессах когниции и коммуникации.

Если мы формируем концепт о ненаблюдаемом или том, что мы еще не видели, чувственно не воспринимали, содержание концепта формируется из значений сообщающих о них слов, и он возникает в сознании в тот момент, когда он назван, когда о нем сообщено. Возникает ментальная репрезентация, например, «необразованный подросток из стран Азии, подрабатывающий в магазине соседней страны», но сразу возникает вопрос: Как он выглядит? Что он делает? и т.д. Пока нет чувственного образа, нет конкретизации, чувственного «заземления» концепта, он остается чисто умозрительным, то есть концептуально бедным. Без образа концепт не сможет закрепиться в УПК как единица мышления. Образ появится из образных компонентов слов, используемых для его дефиниции, образов-прототипов, может быть, и из литературных источников – ср. концепт *маленький человек* – образ Акакия Акакиевича.

Еще раз подчеркнем, что наличие в концепте образного компонента предполагается самым нейролингвистическим характером универсального предметного кода: чувственный образ выступает как единица УПК и одновременно выступает ядром концепта как единицы мышления.

Концепт может исчерпываться образным содержанием (кодирующим образом), а может содержать еще и рефлексивные признаки, выступать как образно-рефлексивное явление, обеспечивающее единство первой и второй сигнальных систем в мыслительном процессе и коммуникации.

Образ в структуре концептуального знания может быть очень ярким, оттесняя рефлексивное содержание концепта на второй план. Как справедливо отмечает Е.С.Кубрякова, «мы, например, знаем различие между елкой и сосной не потому, что можем представить их как совокупности разных признаков или же как разные концептуальные объединения, но скорее потому, что легко их зрительно различаем и что концепты этих деревьев даны прежде всего образно» (Кубрякова 2007, с. 91).

Как образное, так и рефлексивное сознание – характерная черта сознания человека, но в ментальной сфере разных людей они могут быть представлены в разном объеме. С сожалением приходится констатировать, что взрослых лиц с преимущественно образным сознанием

(сенсомоторным интеллектом) в современной действительности становится все больше, что затрудняет их воспитание, обучение, творческое взаимодействие с ними и снижает интеллектуальный потенциал нации. Это явление требует пристального внимания и определенных социально-педагогических мер по общественному противодействию ему.

Формирование адекватной когнитивной картины мира предполагает формирование прежде всего рефлексивного уровня сознания, на что должны быть направлены специальные усилия общества.

Величковский Б.М, Зинченко В.П. Методологические проблемы современной когнитивной психологии //Вопросы философии.—1979.-№7.- С.67-79

Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.

Горелов И., Енгальчев В. Безмолвной мысли знак. М.,1991.

Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М., 2003.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.

Залевская А.А. Слово. Текст. Избранные труды. М, 2005. –

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина. - М., 1996.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. О ментальных репрезентациях. // Сб. Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. - М., 2007. – С.18-27.

Уфимцева Н.В. Слово, значение, языковое сознание. // Концептуальный анализа языка: современные направления исследования. – М., 2007. – С.109-119.

О.Н.Чарыкова

Имплицитные категории в языковой картине мира

Языковая картина мира помимо прочих параметров характеризуется и набором определённых лингвистических категорий, варьирующихся или различающихся в языках разных этносов. Вместе с тем можно говорить и о существовании категорий универсального характера. Как известно, категории – это предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания. Являясь формами и устойчивыми организующими принципами процесса мышления, категории воспроизводят свойства и отношения бытия и познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме.

На основе анализа трудов античных философов, в которых предпринимались попытки выделить наиболее общие понятия о мире и способах его познания, Аристотель в трактате «Категории» дал их первое системное описание. Составленная учёным таблица включала такие категории, как сущность (субстанция), количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и страдание. Эта таксономия

оказала определённое воздействие на развитие учения о категориях вплоть до нового времени, когда были предприняты попытки изменить её состав в связи с достижениями философии и конкретных наук.

В логике к категориям относят предельно широкие по своему объёму понятия, то есть такие, для которых нельзя найти более широких родовых понятий. Классическая модель категории становится исходным пунктом лингвистических теорий, используемых при описании всех уровней языка. Однако в лингвистике категория совмещает две функции – категоризирующую и признаковую, что обуславливает увеличение количества феноменов, трактуемых как категории. Лингвистический энциклопедический словарь даёт категории такое определение: «Языковая категория - в широком смысле – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака (ЛЭС 1990, с. 215).

Такое понимание лингвистической категории даёт основания утверждать, что применительно к структурной модели языка следует говорить о категориях разных уровней: категоризирующий признак может быть собственно семантическим, синтаксическим или общекатегориальным. В связи с этим выделяются категории семантические, понятийные, грамматические, семантико-синтаксические, классифицирующие, лексические, лексико-семантические и т.д. Все названные категории находятся в отношениях соподчинения и включения.

Таким образом, в настоящее время термин «категория» является многозначным и может употребляться в следующих значениях: а) общее понятие, отражающее наиболее существенные признаки лингвистических объектов (категории вида, времени и т.д.); б) предельно общее понятие, отражающее существенные закономерности связи между языковыми единицами (категории синонимии, антонимии и др.); в) название некоторой совокупности единиц, связанных общим значением или общими семами (категории оценки, эмотивности, образности и т.д.).

Следует также отметить, что, поскольку наиболее ярко выраженные языковые явления уже заняли своё место в таксономии лингвистических категорий, во второй половине XX века учёные обратились к тем единицам, которые по тем или иным причинам до сих пор не получили определённого статуса в установившейся классификации. Трудность причисления их к той или иной из существующих категорий обуславливается либо нетипичностью таких явлений, либо невозможностью однозначного отнесения к определённому ярусу языковой системы.

Такое положение вещей приводит к возникновению идеи функционально-семантического поля с ядерно-периферийной структурой, и понятие лингвистической категории получает новое осмысление. При

всём разнообразии концепций современные представления о лингвистической категории включают такие параметры, как размытость границ внутри языковых образований и между ними, ядерно-периферийный характер структуры, неравноправность членов и разная значимость признаков внутри категорий.

Признание главенства семантики и всеобщности семантических правил ставит в центр научных изысканий *семантическую* категорию. Такие категории объединяют единицы разных языковых уровней с общей для данной категории семой. Рассмотрение подобных семантических полей, обладающих большой функциональной нагрузкой, является очень перспективным.

Особую актуальность приобретает исследование так называемых скрытых категорий. Идею явной и скрытой грамматики в русском языкознании развивали А.А. Потебня, А.А. Шахматов, Л.В.Щерба. Согласно этой идее языковое содержание оформляется не только с помощью внешних грамматических средств, но и с помощью внешне не выраженных семантических категорий, выполняющих в определённом смысле функцию грамматических значений. Как указывает Л.М.Васильев, в русском языке имплицитно, то есть с помощью лексических значений и контекста выражаются, например, значения результативности / нерезультативности (искать – находить), каузативности / некаузативности (есть – кормить, идти – гнать), произвольности / непроизвольности (бросать – ронять) и другие (Васильев 1990, с. 94).

В настоящее время в отечественной лингвистике работа по выявлению скрытых категории ведётся достаточно активно. Как указывает Р.Н.Порядина, эту семантическую категорию нового типа в отечественном языкознании открыл А.Б.Пеньковский, который обосновал правомерность интерпретации признака «чуждости» как семантической категории и указал на синкретичный характер этой категории, который состоит в разноплановости составляющих её единиц и в том, что они обслуживают одновременно несколько категорий (Порядина 2003: 22). Сама Р.Н.Порядина выделила две скрытые категории – желательности (Порядина 2002) и свойственности (Порядина 2003).

В свете всего выше сказанного можно предположить наличие в системе языка и других скрытых категорий. Анализ показал, что имеются достаточно веские основания для выделения такой скрытой семантической категории, как «оппозитивность». Данная категория находит выражение на всех уровнях языковой системы, начиная с низшей ступени иерархии. На уровне фонем она осуществляется через противопоставление их дифференциальных признаков: *был* – *бил* (твёрдость – мягкость), *был* – *пыл* (звонкость – глухость). На уровне морфем – через противопоставление выражаемых ими сем (*войти* – *выйти*, *собрать* – *разобрать*, *приехать* – *уехать*). Обращает на себя внимание тот факт, что в отношении оппозитивности могут вступать различные морфемы. Наиболее наглядно это свойство проявляют приставки, однако его можно обнаружить и у

суффиксов (например: *любящий* – *любимый*, *читающий* – *читаемый*), и у корневых морфем (*переписчик* – *перебежчик*).

На уровне лексем категория оппозитивности выражается через противопоставление выражаемых ими семем (*легкий* – *тяжёлый*, *ночь* – *день*, *создать* – *уничтожить*). В основе антонимических отношений лежит естественная поляризация, контрастность бытия. Нельзя не согласиться с мнением Ю.С. Степанова (Степанов 1981, с.62), что антонимия денотатных слов (так он называет лексические единицы, обозначающие предметы, явления и процессы внешнего мира) в значительной степени определяется экстралингвистическими факторами.

Выражаемые антонимами противопоставления можно, вероятно, разделить на объективные и субъективные. Первые существуют в окружающем мире, вторые – только в сознании конкретного носителя языка. Объективные в свою очередь могут быть разделены на абсолютные и относительные. К абсолютным, несомненно, следует отнести противопоставления, наличие которых обусловлено противоположной сущностью называемых ими денотатов (*горячий* – *холодный*, *жизнь* – *смерть*, *начать* – *кончить*). Относительными можно считать противопоставления, которые обусловлены географической средой, социальной средой, возрастом и профессией говорящего, его положением во времени и пространстве в момент речи. Так, по данным Л.А.Новикова, у детей в возрасте 3 - 4 лет как антонимы отмечаются слова *дядя* – *тётя*, *рука* – *нога*; для горца антонимом к слову *гора* оказывается *долина*, а для жителя равнинной местности – *равнина*; для крестьянина являются антонимами *сев* и *жатва*; антонимом к слову *целый* для стекольщика будет *разбитый*, для портного *распоротый*, для мясника – *рубленый* (Новиков 1973: 17).

Что же касается противопоставлений субъективного характера, то они наиболее ярко представлены в художественной речи. Объективные противопоставления выражаются языковыми антонимами, субъективные – контекстуальными. Появление контекстуальных антонимов является следствием не закреплённого общенародным употреблением индивидуально-авторского использования того или иного слова. Такого рода антонимы выражают не полярную противоположность референтов, а всего лишь релевантное для определенной речевой ситуации противопоставление. Например:

Люди, в общем,
Мало просят,
Но дают довольно много.

.....

Люди, в общем,
Мало знают,
Но они прекрасно чувствуют,
Если где-то распинают
И кого-нибудь линчуют (Л. Мартынов).

Узуальным антонимом глагола *давать* является глагол *брать*, глаголы *знать* и *чувствовать* тоже не противопоставлены в системе языка, но в данном контексте выражают противоположные значения. Это становится возможным потому, что в семантической структуре лексемы *просить* в качестве потенциальной присутствует сема «приобщение объекта» (получать, приобретать), вступающая в отношение оппозиции с интегральной семой глагола *давать* – «отчуждение объекта». А глаголы *знать* и *чувствовать* противопоставлены по семантическому признаку «рациональное / эмоциональное».

Возникают, стираются лица,

Мил сегодня, а завтра далек.

Отчего же на этой странице

Я когда-то загнул уголок (А.Ахматова).

Языковым антонимом глагола *возникать* является глагол *исчезать*, а глагол *стираться* не имеет в системе языка полярно противопоставленной ему лексической единицы. Но в данном контексте стало возможным их противопоставление по семам «появляться / исчезать».

Возникновение контекстуальных антонимов становится возможным потому, что нерелевантные для данной ситуации признаки репрезентируемых этими лексемами денотатов нейтрализуются, а на первый план выходят и вступают в отношения противоположности наиболее значимые для мировосприятия художника признаки.

Категория оппозитивности находит своё выражение и в синтаксисе:

а) на уровне фрагментов высказывания – через противопоставление компонентов его пропозиции (*Не ты, но судьба* виновата была, что скоро ты мне изменила...);

б) на уровне простых предложений в составе сложного – через противопоставление выражаемых их структурными схемами предикативных отношений (*Ты богат, я очень беден, ты – прозаик, я – поэт*);

в) на уровне самостоятельных высказываний – через противопоставление выражаемых ими пропозиций (*Можно написать, какой яркий тёмный след остаётся, если пройти по седому росному лугу, и как красив осыпанный росой, в лучах солнца обыкновенный хвощ, и многое, многое другое. Но нельзя передать* на словах того состояния души и тела, которое охватывает человека, когда он ранним утром идёт по росистому цветущему лугу). Особенно часто такие противопоставления используются в поэзии. Например:

Вся жизнь твоя – ещё свиданья

со мною, с осенью, с зимой...

А у меня – уже прощанья

с природой, с юностью, с тобой! (И.Шкляревский)

Категория оппозитивности находит своё выражение и на уровне целых фрагментов текста, выступая как особый приём его целостной структурно-смысловой организации. Например, Виктория Токарева в рассказе «Уж как

пал туман...» именно по такому принципу даёт описание внешности двух подруг.

***Ирка** обладала тем типом внешности, о котором говорят: «Ничего особенного, но что-то есть». У Ирки было все: она работала в Москонцерте, в нее были влюблены все чтецы и певцы, ездила за границу – то за одну, то за другую. Собиралась замуж – у нее было наготове три или четыре жениха.*

***Наташа** обладала тем типом внешности, о котором говорят: «Вроде все хорошо, но чего-то не хватает». То, что все хорошо, - считала Наташина мама и еще несколько доброжелательных людей, остальная часть человечества придерживалась мнения, что чего-то не хватает. Со временем доброжелательные люди примкнули к остальной части человечества, верной осталась только мама. Она говорила: «У тебя, Наташа, замечательные волосы, к тебе просто надо привыкнуть».*

В ходе повествования об их жизни читатель понимает, что девушки противопоставлены друг другу и по характеру, и по образу жизни, и по системе жизненных ценностей. Именно принцип противопоставления выполняет в данном рассказе структурно-организующую роль, служит основным средством воплощения авторского замысла, подводя читателя к необходимым выводам.

Приведённый контекст – только один из многочисленных примеров того, что контрастная семантика, смысловые оппозиции, отражающие специфику художественного осмысления действительности, играют доминирующую роль в организации художественного текста.

Можно найти примеры и противопоставленности целых текстов, например, в случае полемики.

Всё выше сказанное свидетельствует о всеобъемлющем характере представленной категории. Более того, хотя исследование проводилось на материале русского языка, можно утверждать, что выявленная категория представляет собой языковую универсалию, поскольку её существование обусловлено двумя онтологическими факторами: 1) спецификой человеческого сознания, его дихотомичностью, связанной с особенностями анатомии и физиологии мозга; 2) спецификой отражаемого в языке объективного мира, основой существования и развития которого является единство и борьба противоположностей.

Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике / Под ред. Д.П.Горского. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 289 с.

Порядина Р.Н. О семантической категории «свойственности» в русском языке // Картина мира: модели, методы, концепты. Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых учёных «Картина мира: язык, философия, наука» (1 – 3 ноября 2001 года) / Под общей редакцией проф. З.И. Резановой. Томск: Издание ТГУ, 2002. – С.74 – 80.

Порядина Р.Н. О семантической категории желательности // Миромоделирование в языке и тексте / Под общей редакцией проф. З.И. Резановой. Томск: Издание ТГУ, 2003. – С.19 – 31.

Порядина Р.Н. О семантической категории желательности // Миромоделирование в языке и тексте. – Томск : Издание ТГУ, 2003. – С.19 – 21.

Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). – М.: Изд-во «Наука», 1981.- 360 с.

Философский энциклопедический словарь / Гл.редакция: Л.Ф.Ильичев, П.Н.Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г.Панов. – М.: Сов.энциклопедия, 1983. – 840 с.

Национальная картина мира и её языковая репрезентация

С.А. Быкова

Символические значения паремий в лингвокультурной картине мира (русские и немецкие паремии с наименованиями одежды)

По мнению Е.Ф. Тарасова, язык включен в культуру, так как «тело» знака является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека. Значение знака понимается как культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности. Культура также включена в язык, так как вся она смоделирована в тексте (Тарасов 1987).

Язык и культура взаимосвязаны в коммуникативных процессах в онтогенезе (формировании языковых способностей человека) и в филогенезе (формировании человека социального). Язык отражает действительность, неотъемлемым компонентом которой является культура, создаваемая человеком. В словах и их значениях отразились и дошли до наших дней отзвуки давних времён, факты жизни наших далёких предков, условия их труда и отношений, борьба за свободу и т.д.

Каждая культура содержит свои ключевые слова, отражающие базовые ценности народа-носителя языка. Общеизвестно, что для немцев это порядок, точность и педантизм. Для русских – широта души, доброта, отзывчивость. Ключевые слова культуры выражают сформированные в сознании представителей той или иной культурной общности особые ментальные структуры – концепты, содержащие в себе ценностные

представления людей о познанной действительности. Безусловно, одним из таких концептов в русской и немецкой культуре явилось «шитьё» как компонент ментальной области «швейное дело».

Жизненный цикл человечества неотъемлемо связан с созданием одежды и несёт в себе своеобразную ритуальную окраску, сопровождающую все структурные компоненты этого процесса. В речевой практике обеих языковых общностей нашли отражение верования и приметы, связанные с процессом шитья и стадиями подготовки к нему, а также с предметами, выполняющими роль основного инструментария, они закрепились в языке в виде пословиц и поговорок, календарных песен и побасок. Пословицам и поговоркам обычно суждена долгая жизнь. Народ не только создает пословицы, но и активно использует их в речи, расширяя их смысловую сферу, «привязывая» их к новым ситуациям.

Анализ пословично-поговорочного фонда в русском и немецком языках выявил ряд контрастных расхождений и значимых сходств в употреблении паремий в области «швейное дело» и переносе значений в другую сферу деятельности.

Так, на Руси считалось:

В воскресенье шить – слепыш родится.

На Заговенье не шьют — ногтед пристанет.

Если на Рождество Христово шьют, то в доме слепыш родится.

На Параскеву (Параскева Пятница) шить – озлить (не видать её милости в ткачестве и вышивании), так как она являлась покровительницей женских работ на Руси.

Особый запрет на работу в праздники блюла богиня Мокошь, которая отвечала за рукоделие и прядение. С течением времени, когда славяне приняли православие, Мокошь трансформировалась в другое божество Параскеву Пятницу. Со сменой имени этой языческой богини ее функции не изменились. Как и прежде, люди почитали свою покровительницу, просили ее об урожае и плодородии земли. Забрала Параскева Пятница и способность Мокоши управлять водой и источниками. Женщины верили, что Параскева Пятница принесет им удачу в домашних делах.

Корни соблюдения всех выше перечисленных канонів кроються в релігії і почитанні як християнських святих, так і язических божеств, які існували в народному свідомості, часто змішуваясь між собою. Несоблюдення їх предписаній каралося свйше. «Рукоделие», сприймає як созидання, символізувало «родження», оттого і виникло повір'є, що за совершєнный гріх, як правило, буде наказан не його непосредственный виновник, а новорожденный.

В немецком языке наблюдается следующее:

die Zwölf Nächte - ночи с 25 декабря по 6 января (букв. двенадцать ночей) - нельзя шить и заниматься рукоделием. По народному повір'ю, в это время нельзя стирати простыни, так как иначе в следующем году кто-нибудь умрет. А сны в этот период имеют совершенно особое значение.

Am 6. Januarabend nicht nähen – шить вечером шестого января (заключительный день праздников) - не выйти замуж (грех несоблюдения праздников).

Таким образом, в немецком языке также отмечены рамки возможного и невозможного времени, отведённого для процесса шитья (рукоделия), касающиеся соблюдения праздничных дат и связанных с ними верований и наказаний.

Особый интерес представляет группа верований, связанная с изготовлением одежды особого назначения: изготовлением приданого и одежды новорожденным и маленьким детям, погребальной, подвенечной или свадебной одежды.

Создание одежды для новорожденных и маленьких детей:

На сносях не везти (от гл. «везти, свезти») – вязать) — дитя оплести (обовьётся пуповиной ребёнок).

Долгой ниткой шить – дитя обвить («долгая» – длинная).

Ребенку до году рубахи из нового холста не шить.

Нить, как связующее звено ассоциируется в двух первых случаях с пуповиной, олицетворяя «связь» как единство матери и ребёнка. Нарушение канонического поведения будущей матерью грозит карой, переносимой на ребёнка как наивысшую ценность. Обвитие пуповиной, грозящее смертью, есть результат переноса признаков нити – «спутанная», «непригодная» – как исход неправильного поведения женщины «на сносях» – обращения с нитью. «Созидание» как функция соединения наблюдается и в рамках «скрепления», «усиления» связи между матерью и ребёнком в ассоциации «нити» и «пуповины» как связующего, соединяющего.

Третье выражение связано с верованием славян в сверхъестественные силы, способные погубить дитя. Ребёнок до года считался стоящим на границе между миром настоящим и потусторонним. С этим верованием часто связано и «не называние» его по имени, древние считали, что имя должны знать только домашние, часто его называли именем вымышленным или просто временным. Одежда же принимала на себя функцию покрова, символизируя «принадлежность к семье». Чтобы «показать», что ребёнок «свой» и принадлежит к роду давно и «не сглазить» его жизнь, ограждали тем самым от нечисти, одевая в ношенный холст.)

В немецком языке было зафиксировано следующее.

Den Kindern mit Nadelstich nähen – маленьким детям шьют, уколов перед этим палец иглой, чтобы предотвратить «отъём» потусторонними силами младенца, маленького ребёнка. Игла ассоциирует «тонкую грань», а одежда – «вторая кожа», близко носимая к телу. В этом случае наблюдаются схожие символические характеристики и в русском, и в немецком языках: символика созидания «шить», «создавать» – «жизнь», «уколоть», «боль» – «ограждение», «оберег» – как и в русском «от сглаза».

Kinderkleid am Morgen nähen – шить по утрам детскую одежду. «Утро» как «начало» рассматривается в рамках того же процесса «созидания», отождествляемого с «жизнью», где утренние часы ассоциируются с началом «жизни».

И в русском, и в немецком языках спектр опасений схож: потерять новорожденного ребёнка или в первые годы его жизни, чем и продиктованы «обереговые действия», породившие приметы в обоих языках.

Изготовление погребальной одежды:

Смёртное шить – вспять иглой (смёртное – приготовленное к погребению заранее).

Новг. На смерть шить – вспять иглой (стежки класть в обратную сторону).

Шить в обратную сторону, «неестественным» путём, так, как не делают в мире живых, – своеобразное причисление к миру мёртвых.

В немецком языке:

Das Leichtentuch hat keine Tasche – саван без карманов шить (просто не пригодятся). Существует и ещё одно опасение: чтобы «не захватил» умерший ничего с этого света, что даст ему возможность нарушить границу и вернуться, чтобы мучить живых.

Ein Leichtentuch eingefaßtig (Naht) nähen – саван плотным (прочным) швом шить – дабы оградить живых от умершего, заключив его в «рамки» потустороннего мира, где саван – «хранилище».

Способ изготовления погребальной одежды связан с попытками «обмануть» потусторонние силы и предотвратить возвращение мертвеца в мир живых. Считалось, что мир живых и мир мёртвых существуют как два пространства, зеркально противоположных: если для живого человека шьют «прямо» – «правильно», «верно», то для мёртвого необходимо шить «в обратном порядке» – «неверно». Причисляя мёртвого к его миру, ограждая его в рамках теперешнего пространства существования от живых, чтобы не мог навредить живым, маркировали две пространственные зоны более прочным швом в немецком варианте, что олицетворяет «окружение», «черту», через которую не способен проникнуть умерший.

Изготовление подвенечной и свадебной одежды:

Кто на невесту шьёт, помолодеет.

Невесте шить, себя молодить.

Оба выражения реализуют главный признак перехода из жизни «старой» – холостой, девичьей, в жизнь «новую» – замужнюю, часто маркированную как «богатую», «счастливую». Приданое полагалось всё новое, без единой старой вещи, так как «одежда» как «личина» рассматривается в рамках смены жизненных условий и статуса. Пословица *одёжа, что вторая кожа* как нельзя лучше характеризует в данном контексте переход от одной стадии жизни к другой.

Подобные верования существуют и в немецкой культуре:

Bricht einem heiratsfähigen Mädchen beim Nähen eines Kleides die Nadel, so näht es an einem Brautkleide – дайте девушке на выданье иглу для шитья платья, и она сошьёт свадебное платье – скрытый мотив – «уготовит», «поторопит» свою судьбу, перешагнёт черту и перейдёт в другую жизнь.

В современном языке существует ряд примет, связанных с платьем невесты:

Жених не должен видеть его до свадьбы.

Мерить и показывать нельзя.

Отдавать венчальный наряд – отдать своё счастье.

Покрыть кого-то фатой – к скорой свадьбе.

Верования, связанные с платьем невесты есть и в немецком языке:

Man muss das Brautkleid nicht eher kaufen (machen, zuschneiden), bis die Hochzeit bestimmt ist – нельзя шить или покупать платье свадебное заранее (непосредственно к торжеству) – не выйти замуж.

Man muss das Brauthemd nicht eher nähen, als bis sich ein Freier gefunden hat – не нужно раньше шить свадебную рубашку невесте, нежели когда жених нашёлся.

Таким образом, как в немецком, так и в русском языке, представлены верования и приметы, связанные со способами и временем изготовления одежды для особых случаев. Нить, игла, шов, время шитья и его способы несут в себе обереговую нагрузку от «зла» и «потустороннего мира». Локализация человеческого бытия определена извне, и несоблюдение верований и традиций несёт в себе кару. Желание избежать негативного воздействия в обоих случаях приводит к соблюдению всех канонов.

В рамках рассмотрения русских и немецких паремий тематической области «швейное дело» было выявлено, что процессы «шить», «ткать» олицетворяют «созидание», «жизнь». Ассоциативное восприятие признака «созидание» как «жизни» тесно связано с рождением нового человека, его смертью или переходом в новую стадию жизни.

Особый способ изготовления погребальной одежды «вспять», «шить в обратном порядке» – противоположность «жизни», а также одежда из «старого холста» несут в себе обереговую функцию и маркируют пороговую стадию существования человека – «на границе» мира живых и мёртвых. В первом случае – это необходимость уберечься от мира мёртвых, во втором – сохранить ребёнка и оставить в мире живых. Стремление человека самому контролировать этот переход отражено в паремиях о свадебном наряде: «помолодеет» – коснётся «новой» жизни, «so näht es an einem Brautkleide» – «сама» сошьёт себе платье, где «платье» предстаёт как «жизнь».

«Шов», его плотность – «eingefaßtig» – граница между мирами, желание её упрочить. «Игла» и «нить» – способы её пересечь или нарушить. Итогом является «одежда». Символическое разделение одежды на «новую» и «старую» активно используется в ритуалах рождения и первых месяцах жизни маленького ребёнка. Так, рождённого ребёнка мать должна завернуть в подол венчального наряда – чтобы был счастлив. Положить на

шубу – чтобы был богат. Завернуть в отцовские вещи – чтобы осуществить преемственность (отец кузнец – кузнецом сыну быть), закрепить задатки.

В процессе создания одежды при обязательном соблюдении последовательности определенных действий формировались ассоциации, обуславливавшие табуированность некоторых жизненных ситуаций.

Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей. М., Наука, 1980.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем., М., Прогресс, 1971.

Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник в двух томах. - М., Художественная литература, 1984.

Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. - Л., Наука, Ленинградское отделение, 1977.

Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. - М., Русский язык, 1978.

Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. - М., Наука, 1987.

Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. Сборник в двух томах. - Новосибирск, Наука, 1995.

<http://content.mail.ru/arch/3001/188588.html>

<http://www.webbaby.ru/sueveria5.htm>

<http://www.operone.de/spruch/sprsearch.php?search=nähen&operator>

Н.М. Вахтель, Али Хади

Русская и арабская картины мира в устойчивых сравнениях

Устойчивые сравнения в русском и арабском языках представляют собой обширный материал, который требует серьезного изучения, поскольку они являются не только изобразительно-выразительными средствами, но и формируют субъективную или объективную оценку предмета, процесса или явления и служат регулятивной базой в интерактивном общении. Кроме того, присущая каждому языку специфика компонентов устойчивых сравнительных оборотов отражает специфику национальной картины мира, является свидетельством особенностей культуры и менталитета народа. Анализ компаративных устойчивых сравнений, в которых закреплены сложившиеся стереотипы, помогают узнать историю народа, его культуру, традиции и обычаи.

Данная статья посвящена стереотипным устойчивым сравнениям, которые имеют общий и различный индивидуальный образ-эталон.

Основным предметом сравнения в рамках исследуемого материала является человек и его свойства: манера поведения, внешность, черты характера и психофизиологические состояния. Признаком, на основании которого осуществляется сравнение, в структуре компаративных оборотов называются по-разному: основание сравнения, признаковое слово или

модуль сравнения. Термин «модуль» понимается как величина, характеризующая какое-либо свойство предмета (от лат. *modulus* – мера).

Национальный характер устойчивых сравнений, проявляется в выборе говорящим образа-эталона, составляющего конструктивный центр всего оборота.

Модуль сравнения может быть выражен существительным (глаза как угольки), глаголом (извивается как змея) и прилагательным (неуклюжий как медведь).

Основной сферой функционирования устойчивых сравнений является разговорная речь, где особенно широко используются выразительные, экспрессивные средства языка.

В русской лексикографии до 90-х годов не было специального словаря образных сравнений русского языка. Первым таким словарём следует считать «Словарь устойчивых сравнений русского языка» В.М.Огольцова (2001). Он насчитывает около 1500 употребительных сравнительных оборотов. Самым полным можно назвать «Словарь сравнений русского языка» В.М.Мокиенко (2003), ценность которого заключается в том, что он содержит 11000 единиц и предназначен для самой широкой аудитории.

Как и всякий словарь, указанное издание, наиболее полно отражающее разновидности образов-эталонов, включает стереотипные компаративные единицы, сложившиеся в русском языке к концу XX века, а значит, уже не отражает тех изменений в структуре компаративов, которые происходят на наших глазах сегодня. Чтобы получить данные о характере и причинах происходящих процессов в сфере устойчивых сравнительных оборотов на рубеже веков, было предпринято исследование, заключающееся в использовании метода направленного ассоциативного эксперимента, на наш взгляд, способного помочь выявить конкретные сдвиги в выборе говорящим новых образов-эталонов по сравнению с теми образами-эталонами, которые зафиксированы указанным словарём. Поскольку в стереотипных сравнениях отражается национальная картина мира, можно утверждать, что изменения, происходящие в окружающем мире, неизбежно приводят и к некоторой смене стереотипов.

Под картиной мира З.Д.Попова и И.А.Стернин предлагают понимать «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном сознании (а также групповом, индивидуальном) сознании» (Попова, Стернин 2003, с.4). Язык является такой знаковой системой, которая материализует существующую непосредственную картину мира, превращая её в опосредованную языком картину мира, то есть в языковую картину мира.

Языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его развития. Она создается номинативными средствами языка, к которым принадлежат и устойчивые компаративные обороты, относящиеся к фразеологическому фонду любого языка. Изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке и

отражённых в словарях, позволяет в некоторой степени судить о том, каким было представление людей о мире на определённом этапе развития языковой общности.

Что касается устойчивых сравнений, то в них, как в зеркале, отражаются ценности того или иного народа, поэтому стереотипные образы-эталоны, зафиксированные в них, имеют важную национальную коммуникативную значимость, а сами компаративные структуры становятся речевыми актами похвалы или порицания, аргументами для отказа или упрёка и т.д.

Свою исследовательскую задачу мы видим в том, чтобы отразить процесс появления новых образов-эталонов в компаративных структурах, употребляемых в современной разговорной речи. Для решения указанной задачи поэтапно проводился ряд исследований. Первый этап был связан с выявлением стереотипных образов-эталонов, например, в модуле с прилагательным. Для этой цели из словаря были выбраны все устойчивые сравнения с данным модулем.

Второй этап работы представлял собой проведение направленного ассоциативного эксперимента, заключавшегося в следующем: испытуемым предлагалось дополнить компаративную конструкцию, последовательно подбирая слова, называющие объекты, которые могут быть эталоном для сравнения по предложенному в эксперименте признаку. Информантами были студенты филологического и химического факультетов Воронежского государственного университета – 100 человек и 50 человек – представители арабской диаспоры в Воронеже.

Результаты направленного ассоциативного эксперимента показали, что в большинстве случаев выбор информантами эталона для сравнений осуществлялся на основе субъективного восприятия признака сравнения и его оценки. Кроме того, на этот выбор влияли следующие факторы:

- национально- культурные ценности;
- национально-культурные традиции;
- время и современная действительность.

Новое время рождает не только новых героев, но и новые стереотипы устойчивых сравнений, разрушая, предавая забвению старые. На наш взгляд, эти процессы обусловлены влиянием СМИ, телевидения, кинематографа и рекламы. Появились новые известные лица, ставшие новыми эталонами человеческих качеств. Родились новые литературные герои, рекламируются новые предметы быта. Это обусловило изменения в лексическом составе устойчивых компаративов. Например:

грациозная как Алина Кабаева, как фотомодель, как кинозвезда;
трусливый как Вицин (видимо, под влиянием роли Труса в фильме);
красивый как Бред Питт, как Мисс Вселенная;
мягкий как «Зева плюс» (туалетная бумага, широко рекламируемая);
сильный как Кинг Конг;
умный как Путин;
храбрый как Питер Пен.

Интересно отметить, что в Словаре сравнений русского языка вообще отсутствует пример устойчивого компаративного сочетания с прилагательным *смешной*. В нашем эксперименте получены следующие образы-эталоны этого качества человека:

Смешной как юморист, как Галкин, как Петросян

Таким образом, можно констатировать некоторое разрушение устойчивости и стереотипности в области компаративных сочетаний, которое обусловлено иным информационным полем, соответствующим новому времени, влиянием нового культурного пространства.

Данные направленного ассоциативного эксперимента, полученные в результате опроса информантов – представителей арабской диаспоры города Воронежа, показали, что число совпадений образов-эталонов в компаративных устойчивых оборотах с данными, полученными у русских, составило –51:

большой: гора, мир

глупый: осел

горячий: огонь, чай, сердце

грациозный: газель, лебедь, лань

жирный: свинья

красивый: роза, цветок

мягкий: пух, вата, шелк

пугливый: заяц, мышь, кролик

пунктуальный: часы, немец

румяный: яблоко

сильный: медведь, лев, муравей

слабый: ребенок

смелый: тигр, лев

смешной: клоун, обезьяна

твердый: железо, камень, дуб, сталь

терпеливый: верблюд

трусливый: заяц

умный: черт, ученый

упрямый: осел, козел

хитрый: лиса

холодный: снег, лед

храбрый: лев, воин, солдат, волк

чистый: вода

элегантный: аристократ, джентльмен, модель, президент.

Различия же в использовании образов-эталонов у русской и арабской группы испытуемых обусловлены факторами национально-культурного плана и несовпадениями реалий животного и растительного мира, что, естественно, приводит к различиям в когнитивной и языковой картинах мира. Например:

гостеприимный как Хатам Аль-Таши

Хатам Аль-Таии является символом хлебосольства и щедрости у арабских бедуинов. Он жил в пустыне 1400 лет назад, а, как известно, в пустыне ничего нет, кроме песка. Пришли к нему ночью гости, а у него ничего не было, кроме лошади. Тогда он зарезал свою лошадь, чтобы накормить гостей, чтобы не опозориться перед гостями. Кроме того, каждый день он кормил бедных голодных людей.

Красивый как Иосиф

Иосиф был пророком Аллаха, очень красивым. Жена фараона влюбилась в него, когда все люди узнали об этом, разговоры о ее любви стали у всех на устах. Жена фараона пригласила своих подруг во дворец, и женщины стали резать мясо. Когда пришел Иосиф, они посмотрели на его лицо и стали резать вместо мяса свои пальцы, залюбовавшись его красотой.

Терпеливый как верблюд

В арабских странах верблюд является символом терпеливости, потому что верблюд может жить в пустыне больше месяца без воды.

Число несовпадений зоонимов и фитонимов как образов-эталонов в русских и арабских устойчивых сравнениях составило – 113 случаев.

Анализ материала показал также, что в арабском языке при выражении компаративных отношений более сильны традиции в использовании образов-эталонов в устойчивых сравнениях.

Попова З.Д., Стернин И.А, Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж : Истоки, 2003. – 192 с.

Е.Г.Драчевская

Лакуны и картина мира

Наряду с лексическими единицами в создании языковой картины мира участвуют лакуны. Для языковой картины мира конкретного народа важно не только то, что в ней отражено, но и то, чего в ней нет по сравнению с другими языковыми картинами мира.

Нами было проведено исследование русско-английских лакун на материале словника англо-русского словаря (А.А. Махонина, М.А. Стернина. Англо – русский словарь безэквивалентной лексики. Существительное. – Воронеж: Истоки, 2006. – 305 с.), а англо-русских лакун на материале сплошной выборки из Оксфордского русско-английского словаря (Оксфордский русско-английский словарь (70000 слов) / составитель М. Уилер. – М.: Изд-во «Баркалая и К», 1994. – 313 с.).

Сигналом лакунарности слова в русском языке по сравнению с английским являлась фиксация соответствующего английского слова в словаре лакун А.А.Махониной и М.А.Стерниной. Сигналом лакунарности слова в английском языке и его безэквивалентности в русском являлось:

развернутое объяснение слова в оксфордском переводном словаре; объяснение слова в словаре перечислением синонимов; наличие номинации, но за пределами литературного языка. Материал был ограничен сферой «наименования человека». В результате сплошной выборки выявлено 246 лакун, которые были распределены по 15-ти семантическим группам.

1 СГ «наименования лиц по профессиональному занятию»

Англо-русские лакуны:

ассессор, балалаечник, бандурист, бахчевод, ветошник, выдвиженец, городничий, завуч, застройщик, значкист, колхозник, костровой, краевед, кузовщик, культработник, куплетист, литературовед, лицеист, машинист, отличник, посадник, правдист, рабфаковец, разночинец, резинщик, скоморох, совместитель, стажер, староста, стряпчий, суворовец, титулярный советник, хвостист, шестидесятник.

Русско-английские лакуны:

agony aunt, attendence officer, aularian, au pair (girl), baby farmer, bedmarker, bible clerk, bill man, black face, brakeman, bus boy/girl, caller, carhop, chaperon, classman, citybilly, crawler, freshman, geek, godfather, haberdasher, headhunter, herbalist, housebreaker, moonwalker, overachiever, pavement artist, probation officer, ranger, salutatorian, special student, sandwich man, stuntman, third-class, touch-typist, troop, underachiever, understudy, whitewing, whole-timer, wrangler.

2 СГ «наименования лиц по чертам характера»

Англо-русские лакуны:

бессребреник, бирюк, забавник, нелюдь, печальник, привередник, ругатель, самоед, сатрап, торопыга, угодник, указчик, цаца, чистюля.

Русско-английские лакуны:

active buyer, back-seat driver, boiled shirt, couch potato, cur, door-mat, escapist, father figure, scold, soft touch, voluntaryist, waverer, whole-hogger, worrywart, yea-sayer.

3 СГ «наименования лиц по политической позиции»

Англо-русские лакуны:

басмач, белогвардеец, большевик, буденовец, декабрист, КГБешник, комсомолец, красногвардеец, меньшевик, нарком, НКВДешник, нэпман, октябренок, пионер, черносотенец.

Русско-английские лакуны:

antinatalist.

4 СГ «наименования лиц по социальной характеристике»

Англо-русские лакуны:

активист, барин, бесприданница, беспризорник, выведенец, дружинник, изгой, интеллигент, крепостник, крепостной, кулак, мещанин, недоросль, общественник, передовик, погорелец, стахановец, царевич, шляхтич.

Русско-английские лакуны:

almsman, army brat, badgeman, big brother, caravanner, dowager, welfare mother, slamlord.

5 СГ «наименования лиц по способностям и уровню знаний»

Англо-русские лакуны:

бездарь, грамотей, межеумок, недоучка, профан, самородок, талмудист.

Русско-английские лакуны:

ambidexter, anchorman, cipherer, quick study, sponge, stayer, street smart, thought-reader, verbalist, window dresser, wonder-worker.

6 СГ «наименования лиц по увлечениям»

Англо-русские лакуны:

кружковец, передвижник.

Русско-английские лакуны:

book-hunter, Browni, carboholic, gadgeteer, groupie, hobbyist, jacklighter, puzzler, sewing-bee, Sunday painter, time killer, tramp.

7 СГ «наименования лиц по отношению к военной службе»

Англо-русские лакуны:

воевода, военнообязанный, призывник, рекрут, стрелец, чекист, черноморец.

Русско-английские лакуны:

carpet-knight, returnee.

8 СГ «наименования лиц по физическим особенностям»

Англо-русские лакуны:

богатырь, здоровяк, крепыш.

Русско-английские лакуны:

casualty, croaker, edentate, pussyfoot, strapper, valetudinarian, visual.

9 СГ «наименования лиц по деловым качествам»

Англо-русские лакуны:

белоручка, верхогляд, деляга, казнокрад, крючоктвор, халтурщик, шкурник.

Русско-английские лакуны:

busybody, clock-watcher, creeper, false alarm, presidential.

10 СГ «наименования лиц по действиям, нарушающим закон»

Англо-русские лакуны:

валютчик, боевик, левак, погромщик, подпольщик, самострел, фарцовщик.

Русско-английские лакуны:

bail jumper, cheater, first offender, flitter, landshark, rum-runner, sandbagger, wrecker.

11 СГ «наименования лиц по сходству с другими людьми»

Англо-русские лакуны:

земляк, однокурсник, однофамилец, ровесник.

Русско-английские лакуны:

baby boomer, name-child, quadruplet, sibship.

12 СГ «наименования лиц по отношению к другим людям»

Англо-русские лакуны:

влюбленный.

Русско-английские лакуны:

lion-hunter, fortune-hunter.

13 СГ «наименования лиц по внешним признакам»

Англо-русские лакуны:

пузан, усач, шатен.

Русско-английские лакуны:

bullet-head, wheyface.

14 СГ «наименования лиц по отношению к религии»

Англо-русские лакуны:

постриженец, пятидесятник, расстрига.

Русско-английские лакуны:

vert.

15 СГ «наименования лиц по отношению к празднуемой дате»

Англо-русские лакуны:

именинник, юбиляр.

Русско-английские лакуны: нет.

В результате исследования установлено, что в рассматриваемых языках преобладают немотивированные лакуны в соотношении примерно 5:1 в русском языке и 2:1 в английском. Мотивированных лакун выявлено меньше, т.к. языковая картина мира русского и английского языков отражает преимущественно сходную материальную действительность.

Наибольшее количество безэквивалентных лексических единиц было представлено семантическими группами «наименования лиц по профессиональному занятию» и «наименования лиц по чертам характера». Следовательно, для русского и английского языков эти области человеческой жизни являются наиболее специфичными.

Период существования СССР оставил значительный след не только в истории стран, народов, но и в языке. Поэтому неслучайно существование национально специфичной безэквивалентной лексики, относящейся к этому времени. Англо-русские лакуны, входящие в ЛСГ «наименования человека» и связанные с рассматриваемым периодом истории, относятся к разряду мотивированных, обусловленных отсутствием предметов / явлений советской политической системы в английской национальной культуре. Так, в семантических группах «наименования лиц по политической позиции» и «наименования лиц по социальной характеристике» выявлено большее количество лакун английского языка.

В семантических группах: «наименования лиц по деловым качествам», «наименования лиц по действиям, нарушающим закон», «наименования лиц по сходству с другими людьми», «наименования лиц по отношению к другим людям» и «наименования лиц по внешним признакам» в обоих языках относительно равное количество лакун. Большая часть из них относится к немотивированным лакунам, обозначаемые концепты взаимно нерелевантны для языков представителей русского и английского народов. Возможно, концепты остались нелексикализированными в силу каких-то объективных причин, о которых мы не можем судить однозначно. В

формировании специфики лексики народа важную роль играют такие факторы, как исторические события, природная среда, религия, традиции, мифология и многое другое.

Как видно из приведенных данных, самым большим объединением по количеству ЛЕ в *обоих языках* является семантическая группа наименования лиц по профессиональному занятию (всего 75 лакун). Это, вероятно, указывает на самобытность исторического развития каждой из стран и подтверждает предположение о том, что лексический состав языка изменяется под воздействием социально-экономических условий. Далее по количеству обнаруженных лакун следует СГ «наименования лиц по чертам характера», общее количество единиц – 29. Возможно, этот факт объясняется вниманием к человеку как к одной из констант повседневности. В данную СГ в основном входят немотивированные лакуны русского и английского языков. Мы можем предположить, что рассматриваемые концепты русского языка не обсуждаются и не нуждаются в номинации для представителей английского языка и, наоборот, концепты английского нерелевантны в русском.

Русско-английские безэквивалентные ЛЕ (или англо-русские лакуны), входящие в состав СГ «наименования лиц по политической позиции» – не нашли подобного числа англо-русских эндемичных единиц (или русско-английских лакун). Та же ситуация с СГ «наименования лиц по социальной характеристике». Преобладание русской безэквивалентной лексики в этих СГ, на наш взгляд, может быть обусловлено богатым политико-идеологическим прошлым нашей страны, периодом истории, в котором основной характеристикой человека являлась его позиция относительно государственной идеологии. В рассматриваемые группы входят в основном мотивированные лакуны, т.е. явления, ими обозначаемые, не познаны народом, их не существует.

Также в русском языке обнаружено больше безэквивалентных единиц для СГ «наименования лиц по отношению к военной службе», чем в соответствующей группе английского языка. И здесь преобладают мотивированные лакуны. В семантические группы «наименования лиц по способностям и уровню знаний», «наименование лиц по увлечениям» вошло большее количество англо-русских безэквивалентных единиц, чем русско-английских. Такое несоответствие, на наш взгляд, может быть объяснено пристальным вниманием к личности, индивиду, характерным/традиционным для западной культуры.

В большинстве случаев в рассматриваемые СГ вошли немотивированные лакуны, это значит, что исследуемые понятия не названы, они не обсуждаются народом. Как отмечает проф. Н.Л. Чулкина, концепты *отдых, досуг, развлечения* «не входят в ядро языкового сознания русских» (Чулкина 2007, с.159). Этим можно объяснить отсутствие национально специфичной безэквивалентной лексики в группе «наименования лиц по увлечениям».

Таким образом, мы можем предположить, что для русского народа характерно внимание к человеку социальному, а для английского – внимание к человеку как индивиду.

В семантических группах: «наименования лиц по деловым качествам», «наименования лиц по действиям, нарушающим закон», «наименования лиц по сходству с другими людьми», «наименования лиц по отношению к другим людям» и «наименования лиц по внешним признакам» – в обоих языках *относительно* равное количество лакун. Большая часть единиц, входящих в данные группы, относится к немотивированным лакунам, обозначающие концепты взаимно нерелевантны для языков обоих лингвокультурных обществ.

Базовая (основная) лексика, как правило, не имеет ярко выраженной национальной специфики, она примерно одинакова в языках мира. Например, отсутствие в нашем исследовании семантической группы «наименования лиц по семейным связям» обусловлено тем, что эта группа является общей и стабильной для языков разных народов.

Итак, мы можем сделать вывод, что лакуны в смысловой сфере «наименования человека» в русском и английском языках обусловлены историческими, политическими, социально-экономическими особенностями, а также вниманием сознания народов к разным сторонам человеческой жизни (человек социальный, человек-индивид).

Наличие лакун и безэквивалентных единиц вносит существенное национальное своеобразие в языковую картину мира носителей сравниваемых языков – русского и английского.

Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание / Н.Л. Чулкина. – Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.

А.С. Ермакова

Глаголы с семантикой «свечение» в английской языковой картине мира

При изучении языковой картины мира основное внимание исследователей привлекает лексика, а грамматические аспекты менее разработаны. Однако в последнее время наметились новые плодотворные тенденции совмещения лексического и грамматического плана в исследовании языковых единиц. Лексикализация грамматики, названная Е. С. Кубряковой одной из ведущих и плодотворных тенденций в современной лингвистической мысли (Кубрякова, 1997), означает поиск корреляций между определёнными функционально-синтаксическими позициями в предложении и лексико-семантическими разрядами, замещающих эти позиции слов.

Особенно значимым является такой подход при изучении глагола как основной конструктивной единицы языка. Последовательное выявление позиционно-проективных свойств глагольных предикатов и классов лексических единиц, замещающих проецируемые ими позиции при этих предикатах — важнейшая задача описательных и нормативных грамматик, так как без знания указанных свойств словесных знаков «невозможно в достаточной степени совершенства овладеть языком, чтобы пользоваться им как средством общения» (Распопов, 1981, с. 68).

В данной статье рассматриваются 18 английских глаголов с семантикой «свечение»: *blaze, blink, flame, flare, flash, flicker, glare, gleam, glint, glimmer, glisten, glitter, glow, shimmer, shine, spark, sparkle, twinkle*, то есть лексические единицы, репрезентирующие концепт «инобытие объекта» как проявление феномена «испускание света и тепла». Проявление объекта изнутри за счёт своих собственных возможностей, вытекающих из его природы, устройства, организации обеспечивает его инобытие, то есть бытие для других. Это даёт возможность наблюдателю воспринять данный объект в процессе раскрытия его внутренней природы, его возможностей и способностей, диапазона его деятельности. Для отличия такого объекта от объекта бытия используется термин «феномен».

Когнитивная структура данного концепта состоит из трёх элементов: *феномен — знак самопроявления — средство самопроявления*. В языке данная когнитивная структура реализуется посредством позиционной схемы *что светит чем*.

Рассмотрим, как осуществляется лексическая репрезентация данной структурной схемы в английской языковой картине мира.

Анализ позиции субъекта показал, что истинное проявление свечением свойственно небольшому числу феноменов из-за ограниченного числа самих источников света (*солнце, звёзды, огонь, лампа*). Гораздо чаще в качестве объектов, проявляющих себя свечением, выступают предметы, *отражающие свет* (напр. *луна, вода, стекло, металлические поверхности*). Позиция субъекта в данной позиционной схеме может замещаться существительными определённых семантических групп.

1. Источники света представлены 7 семантическими разрядами существительных:

1.1. свет как лучистая энергия: (That day evening's purple **light** gleamed softly through our brandy schooners).

1.2. предметы, излучающие свет в процессе горения: (In the kitchen a great **fire** flamed in an open fireplace).

1.3. небесные тела и явления: (The evening **star** glittered in the deepening blue sky).

1.4. осветительно-нагревательные приборы: (Bernice's **torch** flickered in the darkness and died).

1.5. огни чего-либо: (The **lights** of the city twinkled in the warm evening air).

- 1.6. нагретые металлические предметы:** (I turn out the reading light, and the **grill** glows warmly).
- 1.7. светонакопители:** (My travel **alarm** glows in the dark).
2. Отражатели света представлены 20 семантическими разрядами:
- 2.1. металлы:** (He loved her silver **ear-rings** that sparkled in the light when she turned her head quickly).
- 2.2. предметы, из твёрдых прозрачных материалов с тщательно отшлифованными поверхностями или гранями:** (Her **diamonds** and **emeralds** twinkled bright when they caught the light).
- 2.3. перламутр и жемчуг:** (**Pearl chokers** glittered on every female neck).
- 2.4. осадки и образования из кристаллов льда:** (The streets, carpeted by **ice** and hard **snow**, shimmered and glowed under the pale moonlight).
- 2.5. водная субстанция:** (Far below, the **lake** sparkled under a shimmering haze of heat).
- 2.6. скользкие, липкие субстанции:** (The **slugs'** silver **trails** shone between rows).
- 2.7. маслянистые субстанции:** (**Oil** glinted prettily in puddles like mussel shells).
- 2.8. мельчайшие частички:** (Fresh **granite chippings** gleamed white in his headlights).
- 2.9. минералы, отложения:** (A **coral beach** sparkled, soaking up the sun).
- 2.10. гладкий наружный покров:** (His pale olive **skin** now gleamed golden in the thin ribbons of light from the half-closed shutters).
- 2.11. чешуйчатый покров:** (A **butterfly** glinted like a flake of amber).
- 2.12. волосяной покров:** (Her **hair** flamed in the gold circle of light cast by the lamp).
- 2.13. гладкое тканевое покрытие:** (The **silken coats** gleamed in the sunshine).
- 2.14. облицовочные материалы:** (Lines of **tiles** shimmered in the slivers of moonlight).
- 2.15. полированные поверхности:** (His **burnished armour** glinted in the light of the setting sun).
- 2.16. белые поверхности:** (In the sacred grove your **white mosque** glimmered mystically).
- 2.17. предметы (разной природы) с гладкой поверхностью:** (Even the **stone floor** glowed softly and didn't give any impression of coldness).
- 2.18. смоляная и гудронированная субстанция:** (The **tarred roofs** of the huts glistened like the skin of a seal).
- 2.19. растительные покровы:** (The late afternoon sun was losing its heat, but the waving **grass of the plain** still shimmered in a gray-green haze).
- 2.20. оптические явления в воздухе, вызванные повышением температуры и плотности воздуха:** (A **heat haze** shimmered above the grasslands).

Поскольку количество объектов, являющихся источником света, незначительно, то, соответственно, незначительно и количество,

номинарующих их лексем, что определяет не только лексические параметры репрезентации концепта, но и оказывает воздействие на структурную схему выражения самопроявления субъекта. Так как глаголы испускания света относятся к классу непереходных и в силу тавтологичности и ограниченности круга лексем, способных выступать в позиции *чем*, объективирующий когнитивный компонент «средство самопроявления», данный член ментальной структуры не получает лексического выражения. Однако позиция «чем» и в высказываниях с данными глаголами сохраняется и при необходимости может быть заполнена.

В результате отсутствия экспликации компонента, выступающего в позиции «средство самопроявления», на место этой позиции начинают продвигаться словоформы, раскрывающие способ, образ действия — позиция «как», «где» или «когда». Чаще всего в таких ситуациях в качестве каузатора свечения, косвенно обозначенного или подразумеваемого в контексте, выступает фактический феномен испускания света, выраженный адвербиальной конструкцией.

Анализ показал, что обстоятельственные распространения представлены разными структурными (наречные, предложно-именные, придаточные предложения) и разными функционально-семантическими разрядами (образа действия, причины, «фона», условия, времени, места и направления).

Особое место занимают адвербиалии, в которых реализуется семантическая роль **«средство самопроявления феномена»**, специфическая именно для глаголов исследуемой лексико-семантической группы. В структурном плане она реализуется предложным адьюнктом, вводимым предлогом *with*. Существительные, замещающие указанную позицию, обозначают часть целого, представленного субъектом: *The **palace** glared with dazzling lights. The **water's surface** shimmered with a million moon-fragments.*

Обстоятельства **образа действия** характеризуют процесс свечения с точки зрения его объективных параметров (интенсивность — *Her **hair** glistened softly in the flickering light*; устойчивость — *The **cigar** glowed steadily in the back seat*; неожиданность — *The **dazzling lights** from the Christmas tree blinked suddenly*; частота — *St Anthony **lighthouse** flashed at intervals*; температура — *I turn out the reading light, and the **grill** glows warmly* и проявление его цветовой характеристики — *A **sea** glistened in shades of emerald and jade*), а также с точки зрения его субъективного восприятия наблюдающим человеком (метафоричность и впечатление, вызываемое светящимися объектами у наблюдателя): *The **sun** flamed in temper. His **cigarette** glowed with vulgar ruddiness on the silver sharpness of the frost.*

Обстоятельства **причины** указывают а) на внешние воздействия, вызывающие свечение: например, изменение температуры, среды, действие или движение, совершённое другим предметом или частью предмета, наличие отражающей свет субстанции на поверхности объекта:

*The **ring** glows because it was heated by radiation. The **bushes** and the **grass** sparkled with diamond drops; и б) на внутренние, присущие самому объекту свойства и состояния: *For much of its life a **star** shines because of reactions in its core.**

Особым функционально-семантическим разрядом являются обстоятельства «фона»: *The cathedral **stonework** glowed in the fading sun. The **air** shimmered in the midday heat.* Отношение «отражатель» — «источник» реализуется в контекстах, где второй компонент смысла оформляется как обстоятельство места (благодаря семантике предлога). В результате сложения указанных семантико-функциональных смыслов мы получаем здесь элемент фрейма (концепта), который Ч. Филлмор называет «фон». Время выступает только в качестве «сопутствующей» характеристики, а в качестве основного значения — «семантическая роль» источника отражаемого объектом света.

Обстоятельства **времени** указывают на определённый момент, в который феномен проявляет себя свечением (*The **sea** glimmered in the March evening*) и на отношение этого процесса свечения к другим процессам, действиям и событиям (одновременность — *The stadium **perches on the hill** twinkle as dusk settles under the mountains*, последовательность — *When the mist had gone a watery **sun** shone briefly in the sky*).

Обстоятельства **условия** свечения оказались немногочисленными и представлены только придаточными предложениями условия: *Little **bells** gleamed and tinkled every time he moved. **Gold tips** flashed in his mouth each time he smiled or shouted.*

Обстоятельства **направления** выделяют исходную точку свечения (*The **sun** glinted from the onion domes of the Royal Pavilion*); точку, на которую направлено свечение (*The **sun** blazed into her eyes, dazzling her*); направление свечения от источника к цели (*The **sword** flashed in the air, from her left to right side*), вдоль или по поверхности чего-либо (*The **rays** of the early morning sun danced and shimmered over the snow-covered roofs*); сквозь какие-то «препятствия» (***Missiles** blazed through the darkness*).

Обстоятельства **места** также удалось разделить на несколько разрядов, основываясь на семантике предлогов: обстоятельства, указывающие на нахождение светящегося феномена на поверхности чего-то (***Oil** shimmered on the surface of a puddle*); внутри (***Oil** glinted prettily in puddles like mussel shells*) или снаружи чего-то (*They were lying contentedly together against a stack of white floor cushions, the whole of **Beverly Hills** twinkling in the distance outside the semi-circular window*); над (*A **heat haze** shimmered above the fields*) или под чем-то (*The overhead **strip lights** flashed below them*); нахождение вокруг чего-то (*Wavering blue **threads** flamed around her head*) или между чем-то и чем-то (*The **coals** glowed bright between the bars of the stove*); за (*The **lightning** flared and flickered beyond the shattered windows*) или перед чем-то (*A **beam** of light flashed in front of her*); вблизи (*The **fire** which should have flared at the entrance was a pile of wet ash*) или вдалеке от чего-то (*The lights of **Beverly Hills** twinkled in the distance*).

Таким образом, использование приёмов лексически-ориентированного синтаксиса, «последовательно учитывающего, с одной стороны, лексико-грамматическое выражение семантико-функциональных звеньев предложения, а с другой – комбинаторику использованных лексико-грамматических средств» (Ломов, 2004, с. 132) позволяет с максимальной полнотой и объективностью определить семантический и грамматический статус глагола в языковой картине мира.

Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. — Воронеж, 2003. — 196 с.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 2001.

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. — М.: РАН, Институт языкознания, 1997.

Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. — 400 с.

Распопов И. П. Об иерархической организации конструктивного состава предложения // Спорные вопросы синтаксиса. — Ростов н/Д, 1981.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 10 — М., 1981.

Словари

BBC English Dictionary, Harper Collins Publishers Ltd, 1992.

British National Corpus Sara Search. — <http://thetis.bl.uk/lookup.html>

Collins Cobuild English Language Dictionary. London & Glasgow: Collins, 1987.

Hornby A. S. with Cowie A. P., Gimson A. C. Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 1981.

Большой русско-английский словарь. Под общ. рук. А. И. Смирницкого. — 23-е изд., стереотип. / Под ред. О. С. Ахмановой. — М.: Рус. яз., 2000.

Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. — 3-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1999.

Е.С.Кабина

Сфера посессивности

в картине мира англофона и носителя русского языка

(на материале англо-русского чата http://community.livejournal.com/learn_russian/)

Одной из важнейших задач современной лингвистики является реконструкция языковой картины мира, т.е. системы представлений конкретного народа, отраженной в его лексике и грамматических структурах. Выполнить эту задачу можно только при междисциплинарном подходе: для получения валидных результатов должны объединиться лингвисты, психолингвисты, этнопсихолингвисты, культурологи, представители когнитивной и контрастивной лингвистики и другие ученые.

Вслед за Ю.А. Сорокиным мы считаем продуктивным вести исследование фрагментов вербального поведения в рамках триады «этнос-язык-культура», «что позволяет судить не только о поверхностных, но и о глубинных структурах («архетипах»), управляющих ментальным и нементальным поведением представителей тех или иных лингвокультурных общностей и формирующих у этих представителей определенную «картину мира». (Сорокин 1988, с. 3).

У истоков анализа лингвоспецифических концептов русского языка в межкультурных исследованиях стоят Ю.Д. Апресян (Апресян 1995), Н.Д. Арутюнова (Арутюнова 1987), А. Вежбицкая (Вежбицкая 1999) и др.

Большинство подобных работ основано на исследованиях лексики. Сфера грамматики, на наш взгляд, менее популярна вследствие сложности объекта анализа – грамматических структур, конструкций, в которых отражаются определенные системы представлений. Но именно в грамматическом строе языка заложены идеи, концепты, лежащие в подсознании народа, трудно уловимые и трудно описываемые, однако формирующие сознание и вербальное коммуникативное поведение носителя языка.

Выдвижение нами на первый план синтаксиса как исходной базы для исследования объясняется стремлением проникнуть в содержательную сторону языка. Нам интересно понять, как функционирует фрагмент языкового сознания русских в сфере посессивности на примере сверхчастотной конструкции русской речи «У + родительный падеж имени» и как интерпретируют концепты, заложенные в этой конструкции, англофоны, т.е. носители другого языкового сознания, другой картины мира. Поскольку в английской падежной системе есть всего лишь одна оппозиция – общая и посессивная форма, это говорит о том, что сфера посессивности очень важна для языкового сознания носителей английского языка. Наша гипотеза состоит в том, что значения и основополагающие идеи и концепты сферы посессивности будут различаться, по-разному преломляться в русской и англоязычной культурах.

По мнению В.В. Иванова, категория посессивности принадлежит к числу таких категорий, анализ которых позволяет подойти очень близко к характеристике языкового сознания и картины мира, менталитета конкретного общества, поскольку с помощью грамматического описания этой категории «удается выявить проводимые в изучаемом языке границы «личной сферы» человека (Категория посессивности в славянских и балканских языках 1989, с.3).

Язык присущ только человеку и в центре внимания имеет исключительно человека. Человек является центральной фигурой в картине мира любого народа, т.к. при любых описаниях предметов, событий, явлений точкой отсчета, точкой сравнения, мерой служит он сам, его мысли, мнения, чувства.

Тот факт, что семантика любого языка основывается на принципе антропоцентризма, доказан многочисленными исследованиями психолингвистов. Конкретная коммуникативная ситуация влияет на выражение в языке человека как субъекта речи (*У меня завтра отпуск начинается*), восприятия, эмоций (*У него волосы на голове зашевелились от такого хамства!*) или просто как физического тела, имеющего определенное строение (*У нее большой горб на спине*) и определенное положение в пространстве (*Утром в автобусе у меня обычно руки в одной стороне, а ноги в другой*).

Наши экспериментальные исследования (Кабина 2007а, Кабина 2007б) показали, что в ядерных значениях посессивные конструкции в русском языке имеют сходство с английскими (и именными, и предикативными), но в периферийных и модусных значениях популярной для разговорной речи конструкции «У + родительный падеж имени» есть компонент, который раскрывает некоторые особенности русского языкового сознания и чужд носителям английского языка. С помощью этой конструкции, которую Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев называли универсальной формулой микромира человека (Арутюнова, Ширяев 1983), носитель русского языка и русской культуры пытается очертить круг «вращения» – свой или других участников личной жизни субъекта речи – и вовлечь туда участников события, имеющих важное значение для субъекта речи, для его жизни или конкретной ситуации.

«Национальный колорит» высказываний с этой конструкцией можно почувствовать, например, в таких предложениях: *Ну что там у нас? У Вас молоко убежало! У него всё не как у людей! Ты у меня такой веселый! У нас тут придумалась антикризисная тема для разговора! Те туфли у меня давно сносились! Он у меня всё ест!* Даже в этикетных формулах, которые мы произносим каждый день, используется эта конструкция: *Как у Вас дела? Что у Вас нового?* А ведь формальное и содержательное сходство или различие этикетных клише говорит о сходстве или различии основополагающих представлений, заложенных национальным сознанием в языке (ср., англ. *How are you?* дословно «Как ты?» – акцент на активном участнике событий, творце собственной жизни и всего, что с тобой происходит; или нем. *Wie geht's?* дословно «Как оно идет?» – отсутствие какого-либо акцента на личности участника; русское *Как у Вас дела?* – акцент на произвольности происходящего в личной сфере участника событий).

Носителю другого языка, в том числе и английского, может показаться, что иногда обозначение субъекта речи, активного участника ситуации в русской речи излишне, избыточно. Сравним, например, *Где тут у вас туалет?* и *Where's a toilet here?* Носителю русского языка важно подчеркнуть личную сферу владельца помещения, принимающего гостей, в то время как для англофона это неактуально – важно узнать, где здесь находится то, что ему нужно, не более того. Нам близка мысль С.Д. Кацнельсона, считавшего, что «избыточные в грамматическом отношении

формы могут стать основой для выражения тонких стилистических нюансов и эмоций и прагматических нужд, не безразличных для развитой мысли» (Кацнельсон 2004, с.77).

Кроме экспериментальных исследований в русле психолингвистического подхода к данной проблеме, направленных на выявление этноспецифических компонентов значения конструкции «У+ родительный падеж имени», нами проводились также наблюдения над письменной речью англофонов, которые в разговорном стиле речи обсуждают интересующие их темы в чате http://community.livejournal.com/learn_russian/.

По нашим наблюдениям над использованием или избеганием конструкции «У + родительный падеж имени» можно утверждать, что возможны, как минимум, три различных случая.

Во-первых, англофоны пытаются обходиться без русской конструкции: *Дай меня секунду. Я имею на телефоне моя маму* (тут же сомневается в правильности последнего предложения: *У меня есть моя мама в телефоне?*); *Я весело прошли выходные в Томске с друзьями*. Здесь, безусловно, прослеживается давление родного языка, его «логико-грамматической колеи».

Во-вторых, используют чрезмерно широко, наблюдаются процессы сверхгенерализации значений: *В микроавтобусе у нас восемь людей; Мы поём два песни в церкви над холмом. У её прекрасная акустика; Америка - большая страна, и у неё есть разные культуры*; экспансия конструкции откладывает отпечаток на построение фраз на русском языке англофонами: *Они мне говорили, что у моего азербайджанской визой был такое-то проблема*.

В-третьих, используют конструкцию так же, как и русские, но часто бывает, что это гештальтно усвоенные предложения: *Сегодня у меня ещё много дел; Хорошие у меня друзья! У меня порой такие большие сомнения...*

В ходе дальнейшей работы будут проанализированы причины актуализации англофонами одних признаков и элиминирование других в семантической структуре данной конструкции. Выявленные лакуны позволяют «эффективно описывать фрагменты ценностного опыта, нуждающиеся в адаптации при переносе их из одной лингвокультурной общности в другую» (Сорокин, Марковина 1988, с. 6).

В очередной раз подтвердились следующие наблюдения:

- русские бытийные конструкции с «У + родительный падеж имени» имеют огромные семантические возможности и разнообразные коммуникативные цели в русской разговорной речи;
- для языкового сознания носителей английского языка значение «вовлечения в личную сферу субъекта речи» не актуально;

Как нам кажется, исследования в русле этнопсихолингвистики имеют большую теоретическую и практическую ценность: с позиции теории есть возможность выделять и анализировать составляющие национальных картин мира (вычленять универсальные и локальные признаки идей и

концептов), с позиции практики межъязыковые сопоставления результатов имеют своей задачей дать практические рекомендации для взаимопонимания между носителями разных языков и культур.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка // Апресян Ю.Д. Избранные труды, Т. 2. М., 1995.

Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: К проблеме «языковой картины мира». – Вопросы языкознания, 1987, № 3.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Сорокин Ю.А. Предисловие // Этнопсихолингвистика/ Ю.А. Сорокин, И.Ю.Марковина, А.Н. Крюков и др. Отв. ред. и авт. предисл. Ю.А. Сорокин. – М.: Наука, 1988.

Категория посессивности в славянских и балканских языках / Ин-т славяноведения и балканистики; Отв.ред. Вяч.Вс. Иванов. М.: Наука, 1989.

Кабина Е.С. Некоторые особенности освоения семантической категории посессивности англоязычными инофонами (опыт пилотного эксперимента)// Проблемы онтолингвистики – 2007. Материалы международной конференции 21 -22 мая 2007 г.СПб., «Златоуст», 2007а.

Кабина Е.С. Некоторые особенности использования синтаксемы «У+родительный падеж» в русской речи инофонов // Русистика и современность. Том 2. Материалы X международной научно-практической конференции. - СПб.: Издательский дом «МИРС», 2007б.

Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. – М.: Русский язык, 1983.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Изд.3-е, стереотипное – М.: Едиториал УРСС, 2004.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика/ Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Н. Крюков и др. Отв.ред. и авт.предисл. Ю.А. Сорокин. – М.: Наука, 1988.

С.В.Павлова

Семантический анализ текстовых событий

К изучению событий в последнее время обращается все большее число исследователей. По Арутюновой Н.Д., событие принадлежит к числу онтологических объектов, таких как ситуация, процесс, происшествие, случай, в то время как факт принадлежит к числу объектов эпистемического плана, наряду с пропозицией, суждением, утверждением, мнением, предположением. Такие объекты выражают отношение к мнению и знанию. События составляют «среду погружения человека в мир», а факты – «то, что есть результат погружения мира в сознание человека». «Жизнь человека складывается из событий, но ее анкетное представление превращает события в факты» (Арутюнова 1988, с.103).

Русское слово «событие» в толковом словаре русского языка (Ожегов, Шведова 1996) определяется следующим образом: *Событие* – то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной

жизни. *Историческое событие. Неожиданное событие. Международные события.* //прил. *Событийный* (книжн.). *Событийная линия пьесы* (последовательность описываемых событий). В отдельную словарную статью выделяется толкование лексемы *события* (мн.ч.). *События* – 1. перипетии (книжн.). 2. в романе, пьесе, фильме: действие.

Дефиниции в других толковых словарях русского языка очень близки приведенному и отличаются только количеством выделяемых в них оттенков.

В.Е.Гольдин говорит о сложных и простых речевых событиях. Сложные речевые события имеют комплексный характер. Лежащая в их основе ситуация складывается из более частных речевых событий. Событийность значений соответствующих имен проверяется возможностью подстановки этих имен во фразу “*Это случилось во время Р*”. Например: *Это случилось во время собрания (сходки, вечеринки, помолвки, свадьбы, венчания и т.д.)*

К именам данной группы относятся обозначения речевых событий общественного характера, обычно планируемых, назначаемых, контролируемых. О них нельзя сказать, что они «случились» или «произошли», но можно сказать, что они «состоялись» или «состоятся» тогда-то и там-то. Хотя часть субъектов таких событий и может быть указана в речи (например, *вечеринка друзей*), имена сложных речевых событий обычно не требуют своего обязательного распространения в данном направлении (например, *вечеринка в честь...*), и это, как говорит В. Е.Гольдин, не случайно (Гольдин 2007, с. 95). Структура таких событий имеет общественно закреплённый характер, название вполне определяет ролевой состав, отношения и поведение участников сложного коллективного события, так что можно сказать, что выражение типа «*вечеринка приятеля*» называет не всех участников, а лишь некоторых, в связи с которыми или в пользу которых организуется событие. Комплексность события ослабляет его акциональные характеристики, но делает удобным темпоральным ориентиром: *во время вечеринки, после вечеринки, до вечеринки* и подобное.

Существуют и сложные речевые события, регулярно повторяемые в связи с теми или иными сезонами или датами (например, *деревенские посиделки, Татьянин день*). Большая часть сложных речевых событий не подчиняется циклическому времени или календарю. Такие события назначаются произвольно (например: *Он вообще обожал вечеринки и разные тусовки. Где бы он ни появлялся, мгновенно становился душой компании: остроумный и веселый*).

В отличие от сложных простые речевые события имеют внутреннюю структуру (ситуацию), организованную вокруг речевых процессов и действий. Им также свойственна комплексность: одно лишь действие или процесс, например информирование, не составляют события. Поскольку, однако, на первый план в содержании имен простых речевых событий выдвигается акциональная сторона, то такие имена обычно требуют распространения указанием субъектов действия: *беседа* (чья? с кем?).

Демьянков В.З. говорит о том, что внутри понятия «событие» следует различать три разновидности: событие как идея, собственно событие (или референтное событие) и текстовое событие. Так, текстовое событие может устанавливать течение событий плавно, без возвращения к началу и без исправлений, а может быть переполнено противоречивыми деталями, заставляющими выбирать то одну, то другую гипотетическую интерпретацию, т.е. соотносить текстовое событие то с одной идеей-событием, то с другой, при этом или предполагая наличие референтных событий, или полностью осознавая их невозможность. Между идеями-событиями и референтными событиями в рамках одной и той же интерпретации текста существуют соотношения типа: «Идее-событию А, являющейся причиной для идеи-события В, может соответствовать только такое референтное событие, которое происходит раньше референтного события для В»; подобной соотнесенности нет между идеей-событием и текстовым событием (Демьянков 1983, с.321).

Интерпретация и изложение текстовых событий укладывается в «конвенции о высказываниях», действующие в конкретном обществе. К таким конвенциям относится, в частности, и соглашение использовать лишь имена, известные адресату, либо пояснять вновь вводимые имена. Поэтому связанность текстовых событий определяется не только степенью «плавности» изложения (той степенью, в какой возможно установить течение референтных событий без разрывов в пространстве и времени или течение идей-событий без разрывов во времени), но степени соблюдения этой конвенции (Демьянков 1983, с.322). Например, предложения, описывающие одно и то же референтное событие, по-разному уместны в зависимости от ситуации, ср. *Вдруг он пришел на вечеринку; Андрей неожиданно появился на вечеринке; Он прибежал на вечеринку, как только его позвали.* В этих трех предложениях даны разные текстовые события, но их интерпретация имеет общие части, которые представляют идентичные идеи-события, а именно: *Андрей пришел.*

При тщательном анализе имён социально значимых событий в тексте мы выделили следующие семантические множители со значением локализации в пространстве: **мест-** место жительства - *новоселье*; **загород-** (имеет место за городом, в лесу) - *пикник, прогулка, вылазка.*

Пространственная локализация гораздо меньше отражена в толкованиях событий, чем темпоральная. Скорее всего потому, что эти события тесно связаны со временем. Все социально значимые события планируются на определенное время. Именно временные характеристики являются крайне важными для следующих имен событий, объединенных общим семантическим множителем **врем-:** *званный вечер, вечер-встреча, литературный вечер, танцевальный вечер, годовщина, гулянка.*

Безусловно, для нас важно объединение имен социально значимых событий общими семантическими множителями, которые содержат указание на определенное время суток (множитель **вечер-**). Особенность этих существительных, обозначающих социальное событие, заключается в

том, что все они проводятся в одно и тоже время – вечером и носят развлекательный характер. Такие события при совмещении смыслов «развлечение» и «вечер» образуют в сознании человека конкретную группу. Сюда вошли следующие единицы: *бал, вечер, званый вечер, вечер-встреча, литературный вечер, танцевальный вечер, вечеринка, прощальная вечеринка, девичник, мальчишник, раут, ужин.*

Таким образом, в текстовом событии точка зрения (например, фокус эмпатии) остается постоянной: когда она передвигается, мы переходим к другому событию или к разрыву связанности дискурса в результате его переориентации. Благодаря постоянству фокуса эмпатии событие и воспринимается как целое.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. – М., 1988.

Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи. Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. М., 2007.

Демьянков В.З. Событие в синтаксисе, прагматике и в координатах интерпретации текста. - // Известия АН СССР СЛЯ – Т.42 – 1983 - № 4.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1996.

Т. Н. Панкова

Метафорические значения лексемы *seed* и её производных в английской языковой картине мира

Картина мира представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия. Безусловно, значимым становится изучение форм существования картины мира, её функционального предназначения, основных характеристик, а также рассмотрение проблемы отражения картины мира в языке.

Картина мира – целостный образ мира, складывающийся в голове человека в процессе познавательной деятельности. Это гетерогенные (то есть разнородные, имеющие разную природу), гетерохронные (то есть познаваемые в разный отрезок времени), гетеросубстратные (то есть имеющие разную когнитивную основу) сведения о мире.

Как известно, «картина мира» – один из ключевых терминов понятийно-терминологического аппарата когнитивной лингвистики. В системе средств объективации картин мира язык занимает наиболее глубинное и базисное положение, так как является семиотической системой, опосредующей все другие картины мира, синтетически воплощающей народное мирозерцание. Проблематика языкового моделирования внеязыковой действительности осознаётся как наиболее актуальная, так как позволяет разрешить вопрос о соотношении в таком моделировании общечеловеческих ментальных механизмов и этнического своеобразия. В то же время

языковая картина мира является наименее отрефлексированной научным сознанием.

Современные исследователи полагают, что специфика миромоделирующей функции метафорической номинации предопределяется особенностями её семантической структуры: в качестве определённой, относительно самостоятельной миромоделирующей силы выступают все три элемента смысловой структуры метафорической номинации. Для исследования специфики этноязыкового отражения мира значимым является выявление совокупности метафорических наименований, систем **результативных значений метафорических переносов**. При этом результативное, собственно метафорическое значение также может интерпретироваться в качестве своеобразной призмы, высвечивающей культурно значимые смыслы **исходных баз метафорических номинаций**.

Для выявления языковых закономерностей метафорического моделирования в качестве первичных источников избираются изданные словари современного английского языка.

В свете всего вышесказанного представляется целесообразным рассмотреть метафорические значения английской лексики **seed**.

Данная лексема имеет следующие значения: 1) а) семя; семечко; зерно, семя. Например: *seed farming* — семеноводство, *poppy seed* — мак, *to go run to seed* — идти в семя; приходить в упадок; опускаться; *to plant, sow, spread seeds* — сажать зерна; *seeds germinate, sprout* — семя прорастают, *seeds grow* — семя растут, б) семя;

2) начало; источник, первоисточник. Например: *to sow the seeds of strife/discord* — сеять семя раздора; способствовать возникновению конфликтов;

3) посева, засеянная земля,

4) (библ.) потомок, отпрыск; потомство. Например: *Abraham raised up seed*. — Авраам имел потомство.

5) (спорт.) отобранный для финального соревнования игрок.

Анализ исходных и переносных значений показывает предположить, что в значении (2) метафорический перенос происходит по признаку «начальная фаза развития», а в значении (5) — «отбирать, отделять».

Лексема **to seed** имеет следующие значения: 1) а) семениться, пойти в семя, б) давать семя; ронять семя;

2) сеять, засеивать семенами (поле, огород и т. п.);

3) очищать от зернышек, семечек (фрукты-овощи и т. п.); вычищать семя. Например: *it took our three hours to seed the water-melon* — на удаление арбузных косточек у нас ушло три часа;

4) (спорт.) распределить участников по командам, отбирать более сильных участников состязания.

В значении (4) метафорический перенос происходит по признаку «отделять ненужное».

Лексема **seedy** имеет следующие значения: 1) наполненный семенами, косточками. Например: *seedy grapes* — виноград с косточками;

2) изношенный, обветшалый, потертый, потрепанный. Например: *seedy clothes* — *потрепанная одежда*;

3) сомнительный; жалкий; бедный, убогий. Например: *a seedy district* — *район, пользующийся дурной репутацией*, *seedy entertainment* — *сомнительное развлечение*;

4) (разг.) нездоровый, слабый. Например: *He felt seedy and went home early.* — *Он себя неважно почувствовал и рано ушел домой.*

В британском разговорном варианте английского языка **seedy** употребляется в следующих контекстах: *I feel a bit seedy* — *Я неважно себя чувствую*. *She looks rather seedy* — *Вид у нее неважный*.

В данной семанте прослеживается определённая последовательность в развитии метафорических значений. Исходное значение «наполненный семенами» ассоциируется с завершающей, конечной фазой развития плода, а соответственно с конечной завершающей фазой существования применительно к одежде. Значение (3) образуется от значения (2) по ассоциации: «плохо одетый» – «бедный». Значение (4) тоже, вероятно, образуется на основе ассоциации с фазой развития, поскольку плод с созревшими семенами легко (при незначительном воздействии или вообще без него) нарушает свою целостность: ломается или раздавливается. Отсюда ассоциация: «повреждается при малейшем воздействии» – «слабый, в плохом состоянии».

Сочетание **seeding factor** (зерновой фактор) в биологии приобретает значение «фактор оседания», то есть *f-число* (отношение количества клеток, способных репопулировать селезёнку и образовывать в ней колонии, к общему количеству костномозговых клеток, введённых в организм). Думается, что метафорический перенос происходит по признаку «начальная фаза развития».

Сочетание **seed corn** (зерно кукурузы, посевное зерно) в медицине приобретает значение «папиллома или бородавка на подошве стопы». В данном случае метафорический перенос происходит по признакам «форма» и «размер».

Лексема **seediness** в строительной терминологии приобретает значение «шероховатость» или/и «дефект лакокрасочного покрытия». Метафорический перенос также, вероятно, происходит по признакам «форма» и «размер», поскольку дефектные участки ассоциируются с вкраплениями зёрен.

«Сочетание **seed capital** в экономике приобретает значение «начальный [семенной] капитал», а **seed money** – «начальные инвестиции».

Сочетание **seed financing** (= **seed funding**) в финансовом менеджменте приобретает значения «начальное [семенное] финансирование»; «предоставления средств с целью создания нового проекта или программы»; обычно речь идет о предоставлении средств в случаях, когда сформирована общая идея нового проекта, но полная концепция еще не сформулирована и еще не разработан конкретный план действий.

Сочетание **seed charge** в физике приобретает значение «загрузка запальной ячейки, затравочная константа взаимодействия». Анализируя данные сочетания, мы можем прийти к выводу, что в этих пяти случаях (*seed capital, seed money, seed financing, seed funding, seed charge*) метафорический перенос происходит по признаку «начальная фаза развития».

Сочетание **seed-fish** (зерновая рыба) приобретает значение «нерестовая рыба».

Сочетание **seed-pearl** приобретает значение «мелкий жемчуг». В обоих случаях метафорический перенос происходит по признакам «форма», «размер», «совокупное множество».

Сочетание **seed-free time** (свободное от зёрен время) приобретает значение «продолжительность осветления» (при варке стекла). Метафорический перенос происходит по признакам «форма» и «размер», поскольку цветные вкрапления ассоциируются с зёрнами.

Сочетание **seed-plot** (*seed plot* = зерновая делянка, семенная делянка) в современном языке преимущественно в переносном значении приобретает значение «питомник, рассадник». Исходным является значение «место, где возникают и развиваются растения», а перенос осуществляется по признакам «начальная фаза развития» и «место».

Сочетание **seed-leaf** в американском варианте английского языка обозначает сорт табака. В данном случае можно предположить, что листья данного сорта имеют окраску или фактуру, ассоциирующуюся с формой семени или с совокупным множеством семян.

Флористическая лексика получила широкое распространение в компьютерном сленге носителей английского языка.

Сочетание **seed file** (зерновая папка) приобретает значение «файл прототипа», т.е. шаблон с определёнными настройками, используемый при создании нового файла проекта. Вероятно, ассоциация происходит с шаблонной, то есть начальной папкой. Этот же признак «начальный, исходный» является основой переноса и в следующих сочетаниях: **seed name, real seeds, seed pel, seed router, seeded placement**. Рассмотрим их подробнее.

Широко используемое в рекламе (в основном компьютерной терминологии) сочетание **seed name** (=salt name) приобретает значение «контрольное имя», включаемое в рассылочный список его владельцем с целью контроля его использования организацией, взявшей список в пользование, и фиксации случаев его несанкционированного применения; о рекламных материалах, поступивших на контрольное имя, сообщается владельцу списка; может быть именем реального лица, а может быть и вымышленным, придуманным специально для этой цели. Вероятно, ассоциация происходит с контрольным, то есть начальным и неизменяемым именем.

Сочетание **real seeds** тоже широко используемое в рекламе приобретает значение «реальные адреса», т. е. адреса реальных людей, сознательно

включенные в рассылочный список его владельцем в качестве контрольных, в отличие от фиктивных имен, используемых как контрольные.

В технической (в основном компьютерной) терминологии существует часто употребляемое сочетание **seed pel** (зерновой элемент изображения), означает «элемент изображения, порождающий другое изображение». На самом деле **pel** – это сокращение от часто употребляемой в *русском языке* лексемы пиксель (пикселы) pixel (picture element), элемент изображения, точка раstra, т.е. минимальный адресуемый элемент двумерного растрового изображения, цвет и яркость которого можно задать независимо от остальных точек; ссылка на разрешение графического адаптера обычно дается в пикселях, например для VGA: 640×480 при 16-цветной палитре.

Сочетание **seed router** (зерновой маршрутизатор) приобретает значение «исходный маршрутизатор», т.е. маршрутизатор, инициирующий передачу широковещательных сообщений по нескольким физическим сетям путем указания маршрутизаторам адресов отсылки пакетов данных.

Сочетание **seeded placement** (зерновое расположение, расстановка) приобретает значение размещение «посевом»; то есть способ компоновки с заданием *начального* варианта размещения элементов.

Таким образом, в основе данных производных значений лексемы **seed** в компьютерном сленге носителей английского языка лежит метафорический перенос по признаку «начальная фаза развития».

Сочетание **error seeding** приобретает значение «подсев ошибок», то есть введение в программу искусственных ошибок для проверки полноты тестирования и оценки числа необнаруженных ошибок. Признак переноса «помещение в среду, благоприятную для развития».

Анализ показал, что признаками метафорического переноса лексемы **seed** и её производных в английском языке являются:

- 1) «начальная фаза развития» – 15,
- 2) «форма» – 5,
- 3) «размер» – 5,
- 4) «отделять ненужное» – 2,
- 5) «конечная фаза развития» – 2,
- 6) «совокупное множество» – 2,
- 7) «место» – 2.

Количество метафорических значений рассмотренных лексических единиц свидетельствуют об их релевантности в сознании носителей английского языка, а анализ признаков, по которым осуществляется метафорический перенос, указывает на то, что наиболее востребованными из них являются: «начальная фаза развития», «форма» и «размер».

Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь: Ок. 200000 слов и словосочетаний / В.К. Мюллер. – 12-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005 – XIV, 945, [1]с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. 2., перераб. и доп. Воронеж, 2007.

Попова З. Д., Стернин И. А., Чарыкова О. Н. К разработке концепции языкового образа мира. / З. Д. Попова, И. А. Стернин, О. Н. Чарыкова // Язык и национальное сознание. Материалы региональной научно-теоретической конференции. Воронеж, 1998. С. 21 – 23.

Титов В. Т. Общая квантитативная лексикология романских языков / В. Т. Титов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. – 240 с.

Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of current English / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 1541p.

Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK. Limited, 1992. – 1528 p.

Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 1992. (Словарь современного английского языка: В 2-х т. – М: Рус. Яз., 1992.)

Macmillan English Dictionary for advanced learners. International student edition. Macmillan Publishers Ltd, 2002.

Т.А. Чубур

Контрастивные исследования и картина мира

Языковая картина мира, то есть картина мира, отражаемая языком, позволяет судить о когнитивной картине мира, то есть картине мира, создаваемой сознанием. Анализ языковой картины мира является средством, инструментом доступа к когнитивной картине мира и инструментом ее анализа. При этом национальная специфика семантики, выявляемая в процессе сопоставления языков, отражает национальную специфику когнитивных картин мира разных народов.

Пожалуй, наиболее распространенным случаем проявления национальной специфики значений можно назвать несовпадение лексических единиц двух языков по отраженному в них уровню обобщения действительности, когда нескольким конкретным понятиям в одном языке может соответствовать одно обобщенное понятие в другом, и наоборот.

О различиях, связанных с несовпадением лексических единиц двух языков по отраженному в них уровню обобщения, упоминает и С.Д. Кацнельсон: английский глагол *to come*, например, означает *приходить, приезжать, прибывать* без уточнения способа передвижения. В русском языке обычно используются конкретные обозначения: *приходить, прибегать, приезжать, прилетать* и т.д. Русский глагол *прибывать*, правда, имеет более общую семантику, но применительно к пришедшему человеку употребляется только в специфическом значении: явиться по официальной надобности к какому-либо должностному лицу.

Различия в объеме значений создают предпосылки для воспроизведения значений названных слов путем описания (Кацнельсон 1972, с. 46).

Для выявления национальной специфики семантики лексической единицы необходимо рассмотреть ее возможные лексические соответствия. Как уже указывалось, зачастую слово в одном языке имеет более широкое значение, чем в другом языке. Л.С. Бархударов называет это явление «семантической недифференцированностью слова» (Бархударов 1969, с.79-86).

В этих случаях в лексеме языка-оригинала отсутствуют дифференциальные семы, характерные для лексем языка перевода, и в силу этого семема соответствующей лексемы языка оригинала выступает как более абстрактная, чем семема языка перевода.

И.А. Стернин подчеркивает, что отсутствие родового или видового слова или полное отсутствие слова не означает, что русский, немец, француз и др. вообще не мыслят такого понятия, - оно может существовать в головах отдельных, возможно, многих людей. Отсутствие постоянного знака для выражения того или иного понятия означает лишь то, что для общения в языке данного народа соответствующее понятие нерелевантно, не нужно в силу разных причин. Понятие может не являться для народа актуальным, в силу чего оно не обсуждается, а следовательно, и нет необходимости в обозначении его специальным словом. Таким образом, причины отсутствия слова могут быть и чисто коммуникативными. Кстати, часто оказывается, что подобные понятия (концепты) выражены в жаргоне, в подязыке какой-либо социальной, профессиональной, территориальной группы, для которых они оказываются актуальными, но в общенародном языке они при этом могут быть не обозначены (Стернин 2004, с. 3-11).

Наиболее наглядно основные понятия контрастивной лексикологии и контрастивный метод могут быть проиллюстрированы на примере межъязыковых лексических соответствий типа *слово-слово*. Среди лексических соответствий типа *слово-слово* выделяются как линейные, так и векторные соответствия, а также лакуны и безэквивалентная лексика.

Линейными соответствиями являются, как правило, лексические единицы, не имеющие в своих языках синонимических рядов. Если слово имеет синонимы, это сразу же создает векторный тип соответствий, так как при любом сопоставлении оказывается возможным выбор и оказывается необходимым сравнить исследуемую единицу со всеми возможными ее соответствиями, число которых равно числу единиц синонимического ряда. Векторные соответствия могут и не быть в строгом смысле слова взаимно синонимичными, а просто являться единицами, близкими в каком-то отношении друг другу по семантике – тогда они квалифицируются как межъязыковые, а не переводные.

Единицы, являющиеся линейными соответствиями, вовсе не обязательно являются семантически эквивалентными – среди линейных соответствий могут быть как эквиваленты, так и единицы, различающиеся по структуре значения, причем иногда достаточно существенно.

Так, линейными соответствиями являются следующие русские и английские лексемы:

спина – back; начальник – head; генерал – general; газета – newspaper; писатель – writer; ветер – wind; врач – doctor; государство – state; рубль – rouble; автор – author; ладонь – palm и др.

Русско-английскими *векторными* соответствиями являются, к примеру, следующие:

квартира – flat, apartment, unite, lodgings;

помощь – assistance, help, aid;

удар – blow, kick, stroke;

рука – hand, arm;

дело – work, occupation;

дом – house, home

Наше исследование посвящено описанию семантики наиболее частотных слов русского языка, относящихся к лексическому ядру. Задачей исследования является выявление национальной специфики значений русских лексических единиц при сопоставлении с их английскими языковыми соответствиями. Перспективой исследования и его практическим выходом является составление семного русско-английского переводного словаря ядра русского языка.

Контрастивный семный словарь – тип словаря, в котором описан семный состав значения слова исходного языка и значения его переводного соответствия (или соответствий). В данном типе словаря представлено полное описание значений слов, выступающих близкими соответствиями или эквивалентами, а также являющихся безэквивалентными на фоне языка сопоставления.

Семный словарь достаточно трудоемок в составлении, требует проведения полного компонентного анализа толкуемых слов и их переводных соответствий, но при этом он дает исключительно полную и ценную информацию о переводных соответствиях, наглядно демонстрируя на семном уровне национальную специфику двух сопоставляемых языков.

В нашем исследовании предпринимается полное семное описание значений русских и английских слов, выступающих близкими соответствиями или эквивалентами, а также являющихся безэквивалентными на фоне языка сопоставления. Каждое слово исходного – в нашем случае русского – языка представлено последовательным набором денотативных, коннотативных и функциональных сем. Параллельно представлен семный набор каждого отдельного переводного соответствия, где каждой семе русского слова ставится в соответствие та или иная сема иноязычного – в нашем случае английского – слова.

Например:

ВЗГЛЯД-1 = LOOK-1

Обменяться взглядами.

направленность глаз на кого-, что-л.	направленность глаз на кого-, что-л.
Взор	Взор

ВЗГЛЯД-1 - GLANCE-1*Обмениваться взглядами.*

направленность глаз на кого-, что-л.	направленность глаз на кого-, что-л.
Взор	Взор
0	непродолжительный

ВЗГЛЯД-1 - GLIMPSE-1*Обмениваться взглядами.*

направленность глаз на кого-, что-л.	направленность глаз на кого-, что-л.
Взор	Взор
0	непродолжительный
0	Случайный

ВЗГЛЯД-1 - GAZE*Обмениваться взглядами.*

направленность глаз на кого-, что-л.	направленность глаз на кого-, что-л.
Взор	Взор
0	продолжительный
0	непроизвольный

ВЗГЛЯД-1 - STARE*Обмениваться взглядами.*

направленность глаз на кого-, что-л.	направленность глаз на кого-, что-л.
Взор	Взор
0	продолжительный
0	Неподвижный
0	преднамеренный
Неоценочное	неодобрительное
Неэмоционально	отрицательно-эмоциональное

ВЗГЛЯД-2 – LOOK-2*Испепелять взглядом.*

Выражение	Выражение
Глаз	Глаз
Лица	Лица
различное по эмоциям	обычно недружелюбное
Неоценочное	неодобрительное
Неэмоциональное	отрицательно-эмоционально

ВЗГЛЯД-3 = VIEW-1*Ошибочный взгляд на вещи.*

мнение или суждение	мнение или суждение
о ком-, чем-л.	о ком-, чем-л.

ВЗГЛЯД-4 = VIEW-2*Разделять чьи-л. взгляды.*

Взгляды	Взгляды
образ мыслей	образ мыслей
Убеждения	Убеждения
Мировоззрения	Мировоззрения

Таким образом, факт наличия у слова «взгляд» векторных соответствий в английском языке свидетельствует о национальной специфике семантики данного русского слова по сравнению с английским. Как видно из примера, одной русской лексической единице соответствует несколько английских, что говорит о более высокой номинативной значимости данного концепта для носителей английского языка и необходимости его номинативной дифференциации в английской языковой картине мира. Картина мира, создаваемая английским языком, оказывается более дифференцированной, чем картина мира, отражаемая русским языком.

Этот вывод должен быть проверен на языковых единицах разных семантических разрядов, что позволит в конечном итоге сделать общие выводы о национальных картинах мира русских и англичан.

Бархударов Л.С. Двенадцать названий и двенадцать вещей / Л.С. Бархударов // Русский язык за рубежом. – 1969. - № 4. – С. 79-86.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972. – 216 с.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2004. – 189 с.

Художественный текст

Ж.В. Грачева

**Функции ассоциаций по контрасту
в языке и в художественном тексте**

Ассоциации по контрасту (как и другие типы ассоциаций) пронизывают все уровни языка. На лексическом – образуют новые значения, которые, как правило, контекстуальны, так как служат для выражения иронических смыслов, для отождествления явлений и предметов по контрасту. При создании иронии, называемой в стилистике антифразисом, на основе

контраста соотносятся две лексемы с противоположными семемами (например, белый и чёрный, добрый и злой, маленький и большой, глупец и умник, урод и красавец), при этом говорящий меняет устоявшиеся соотношения лексемы и семемы на контрастные, наполняя форму слова противоположным содержанием, например:

Ну и белый! (о грязном свитере) (разг.);

Да, добрый мальчик! Нечего сказать! (разг.);

Откуда, умная, бредёшь ты голова? (И.Крылов);

Но / поэзия - / пресволочнейшая итуковина: существует - / и не в зуб ногой. (В.Маяковский).

Антифразис представляет собой своего рода имплицитную контрастную номинацию.

К эксплицитным номинациям можно отнести лексическую антонимию и такое языковое явление, как оксюморон – сочетание несочетаемого. Оксюморон – это смысловой сплав, в котором возникают новые, неожиданные образы. Чаще всего такого рода антитезы остаются неповторимыми находками художника слова и передают противоречивость самих явлений действительности. Оксюморон представляет собой, как правило, субстантивное словосочетание с атрибутивными отношениями. Парадоксальность таких сочетаний заключается в том, что *определяемое* слово *определяется*, казалось бы, отрицающим его *определением*.

На синтаксическом уровне ассоциации по контрасту могут быть также представлены эксплицитно и имплицитно.

Средством эксплицитного представления контрастных ассоциаций являются предложения (сложносочинённые и бессоюзные) с отношениями противопоставления:

Максим Максимыч сел за воротами на скамейку, а я ушёл в свою комнату (М.Лермонтов);

Лето припасает – зима поедает.

К числу структур, основанных на имплицитной ассоциации по контрасту, могут быть отнесены тавтологии с отрицанием типа *Ребёнок – это не взрослый*. Такого рода конструкции представляют собой результат редукции предложений, содержащих отрицание тождества. Они отчасти схожи с выражениями типа *Ребёнок есть ребёнок*, которые И.Кант не случайно назвал бесполезными и неупотребительными и о которых написал: «Если я о человеке не могу сказать больше, чем то, что он есть человек, то я ничего больше не знаю о нём».

Эти две столь далеко стоящие друг от друга разновидности предложений объединяет их кажущаяся неинформативность: они воспринимаются как номинативные пустышки. Так, структуры типа *Ребёнок есть ребёнок*, как и предложения *Ребёнок – это не взрослый*, в силу своей смысловой «пустоты» представляются аналогичными: в первом случае утверждается очевидное, а во втором – отрицается. Однако для носителя языка эти конструкции наполняются самым разнообразным

содержанием и могут означать, что ребёнок требует заботы, очень любим родителями, что у него неустойчивая психика и т.д.

Восстановление предложений типа *Ребёнок – это не взрослый* идёт с опорой на репрезентанты главных членов, указывающих на элиминированный смысл, который и является предметом речи:

(Психика ребёнка) Ребёнок – это не (психика взрослого) взрослый;
(Поведение ребёнка) Ребёнок – это не (поведение взрослого) взрослый;
(Отношение к ребёнку) Ребёнок – это не (отношение к взрослому) взрослый и т.д.

Обычно в имплицитных тавтологиях с отрицанием восстановление смысла осуществляется с опорой на последующий контекст, что обеспечивает их экспрессивность. Кажущаяся неинформативность останавливает внимание слушателя и заставляет его искать ответ на вопрос: каково истинное смысловое наполнение предложения. Ответ, содержащийся в последующем контексте, завершает этот поиск:

Театральные кассы – это не коммерческие ларьки, мы не можем платить больших денег («Труд»);

Кубань – не Дальний Восток, у нас свободных земель почти нет («Труд»);

Спецназ – не девочки в фартучках. Наблюдая за их тренировками мы убедились, что это уникально подготовленные «тигры» («Труд»).

Другая разновидность имплицитных структур, построенных на основе ассоциаций по контрасту, представляет собой парадоксальные конструкции с утверждением типа *Ребёнок – это взрослый*. Такого рода предложения являются производными от структур, констатирующих подобие (или различие) подклассов одного класса предметов, выделяемых по разным основаниям. Их восстановление также идёт с опорой на контекст. При этом говорящий активизирует внимание слушающего, втягивая его в процесс выявления основания, позволяющего соотносить подклассы предметов, которые в силу нарочитой противопоставленности не должны иметь сфер пересечений. Таким основанием становится некое положение дел, на которое указывают репрезентанты главных членов:

(Флобер сказал: «Мадам Бовари – это я». А ваши взаимоотношения с вашей героиней Анастасией Каменской – того же порядка?) – Я, как и она, - сова, проклиная всё на свете, когда надо вставать в полседьмого утра, а я это делаю каждый день. Не могу жить без кофе и сигарет. Из спиртных напитков действительно предпочитаю мартини, остальное терпеть не могу – невкусно... Ещё я патологически ленива, как и она, - хотя Анастасия человек более сильный, логичный. И всё же я не могу сказать, что Анастасия – это я. Это придуманный персонаж («Труд»);

Мне кажется, Достоевскому удалось как бы разъять человека на составляющие, показать, без чего он не может существовать и что никогда не следует изымать из него. Митя Карамазов – я, Алёша – тоже я. Человек – это бездна, и Достоевскому удалось это показать и доказать («Труд»).

Нужно заметить, что при восстановлении имплицитных тавтологических конструкций с парадоксальным отождествлением, как правило, работают сразу несколько психических процессов: на ассоциации по контрасту накладываются ассоциации по смежности и сходству.

Ассоциации по контрасту (наряду с другими) могут использоваться и как композиционные языковые средства («Война и мир» Л.Толстого, «Старуха Изергиль», «Уж и сокол» М.Горького» и т.д.).

Все виды комического построены на основе ассоциации по контрасту.

Ирония, определяемая как смешное под маской серьёзного, представляет своего рода имплицитный контраст, при котором семема одного слова «надевает» на себя лексему контрастного: *Ну ты добрый человек!* (в значении злой).

Юмор сочетает внешнюю комическую трактовку с внутренней серьёзностью. Пример тому – «Дон Кихот» Сервантеса. Так же, как и ирония, юмор представляет собой имплицитный контраст. Различие между двумя видами комического – в их «зеркальности»: юмор предполагает серьёзное содержание, ирония – комическое; столь же противоположны и формы (означающее) этих двух явлений.

Сатира – отрицающий смех, приводящий к возрождению истинных, высших идеалов (добра, красоты, истины, справедливости). По определению Шиллера, в «сатире действительность, как некое несовершенство, противопоставляется идеалу, как высшей реальности». Сатирик создаёт *антиидеал*, который всегда предполагает и утверждает истинный. Таким образом, контраст возникает между эксплицитно представленным антиидеалом и «имплицитным» идеалом.

Гротеск – художественный приём, также основанный на ассоциации по контрасту. Теоретическое обоснование гротеска принадлежит М.Бахтину, который главными признаками гротеска называет амбивалентность: «в нём <в гротеске> в той или иной форме даны (или намечены) оба полюса изменения – и старое и новое, и умирающее и рождающееся, и начало и конец метаморфозы».

Таким образом, явления, основанные на ассоциации по контрасту, выстраиваются в стройную систему, в которой каждый элемент «сцеплен» с другим.

Дионк Камель Мухаммед

Роль лексики, называющей представителей животного мира, в повести М.Ю.Лермонтова «Бэла»

В повести М.Ю. Лермонтова «Бэла» в числе других тематических групп представлена лексическая группа единиц, называющих представителей животного мира. Представляется интересным рассмотреть, какую функциональную нагрузку несёт эта тематическая группа в

произведении. Анализ показал, что данная группа представлена в повести наименованиями животных: *бараны, барс, быки, верблюды, змея, кабаны, козы, козёл, корова, кошка, овцы, серна, собака*; птиц (*коришун, ласточка, орёл*) и насекомых (*комар*). Например:

*Я велел положить чемодан в свою тележку, заменить **быков лошадей**.*

Большая часть перечисленных лексем используется для указания на конкретное животное, например:

*Ощупью вошёл я и наткнулся на **корову** (хлев у этих людей заменяет лакейскую).*

*Я не знал, куда деваться: тут блеют **овцы**, там ворчит **собака**.*

Такие наименования, как *барс, кошка, собака, серна, змея, коришун, орёл, ласточка*, используются в составе сравнений:

*...Казбич, будто **кошка**, нырнул из-за куста, прыг сзади его на лошадь...*

*...точно **кошка**, карабкался на утёс..*

*...Казбич ...бросился вон, как дикий **барс**.*

*...лошадь...как **собака** бежит за хозяином...*

*...Печорин стал расхваливать лошадь Казбича: уж такая-то она резвая, красивая, словно **серна**...*

*...глаза (у Бэлы) чёрные, как у горной **серны**...*

*туманы, клубясь и извиваясь, как **змеи**, сползали туда по морщинам соседних скал...*

*...Арагва... сверкает, как **змея** своею чешуёю.*

*...облако отдыхало на вершине Гуд-горы, как **коришун**, ожидающий добычу...*

*...здесь тебе душно и тесно, как **орлу**, который с криком бьётся о решётку железной своей клетки.*

и метафор:

*...деревушка осетин, живущих на дне её (пропасти) казалась гнездом **ласточки**...*

На фоне наименований других животных, число которых невелико, обращает на себя внимание большое количество лексем, называющих лошадей: *лошадь, лошаде́нка, кляча, конь, кобыла, коренная, перекладная, уносная, скакун, тройка*, также используется лексическая единица *табун*.

*-Если б у меня был **табун** в тысячу **кобыл**, то отдал бы тебе его весь за твоего **скакуна**!*

Приводится название масти (вороной):

*...И ежеминутно мыслям моим являлся **вороной скакун** твой...*

Описываются такие качества, как сила:

*...а какая **сила**! Скачи хоть на пятьдесят вёрст...*

красота движений:

*...являлся вороной скакун твой с своей **стройной поступью**...*

В тексте также используется лексика, называющая отдельные части тела лошади: *грива, копыта, шея, ноздри, ноги, хребет, глаза*, и даётся

подробное описание внешнего вида этого животного, часто с использованием образных средств (метафор и сравнений):

И слышно было, как он (Казбич) трепал по гладкой шее своего скакуна...

... скакун ...с своим гладким, прямым, как стрела, хребтом;

...он (конь) смотрел мне в лицо своими бойкими глазами, как будто хотел слово вымолвить.

Как теперь, гляжу на эту лошадь: вороная как смоль, ноги – струнки, и глаза не хуже, чем у Бэлы.

Подробно описываются особенности движения и поведение коня в разных ситуациях.

Как птица нырнул он (Карагёз) между ветвями;

...прыгал через пни, разрывал кусты грудью;

летит, развевая хвост, как вольный ветер;

бегаёт по берегу оврага, фыркает, ржёт и бьёт копытами о землю.

...крутился и прыгал, раздувая ноздри, и кремни брызгами летели из-под копыт его...

Такое внимание к тематической сфере «конь» в романе М.Ю.Лермонтова свидетельствует о важности данной группы лексики для отражения мировосприятия жителей Кавказа. Как отмечает С.В. Савинков, для народов Кавказа (и в целом для мусульманского, «бедуинского» мира) конь – мерило и богатства, и славы, и величия, которые (согласно приписываемым пророку Мухаммаду словам) «привязаны к конской гриве» (Савинков 2004, с.165). Используя фольклорные источники, эту особенность кавказского менталитета Лермонтов выразит словами песни, которую поёт Казбич:

Золото купит четыре жены,

Конь же лихой не имеет цены:

Он и от вихря в пути не отстанет,

Он не изменит, он не обманет.

Таким образом, использование лексики тематической группы «животный мир» позволяет автору не только создать природный и культурно-бытовой фон для описываемых событий, но и отразить особенности менталитета горцев.

Экспериментальный анализ текста музыкального произведения

Текст музыкального произведения существует в единстве вербальной и музыкальной стороны. Его комплексный анализ затруднен именно потому, что музыкальная и языковая знаковые системы требуют разных методов. При этом большой интерес представляет именно взаимодействие текста и музыки в таком произведении. В исследовании этого взаимодействия эффективными оказываются экспериментальные методы.

В процессе восприятия вокального произведения мы сталкиваемся с текстом, который в вокальной музыке обретает своеобразную звуковую форму.

Звучащая человеческая речь содержит в себе два ряда звуковых элементов: фонематический ряд и речевую интонацию. Эти два ряда по-разному соотносятся с интонацией музыкальной. Элементы фонематического ряда остаются неизменными, а элементы речевой интонации в большей или меньшей степени растворяются в мелодии, адаптируются к ней, сливаются с ней. Текст вокального произведения эмоционально окрашивается различными музыкальными средствами, которые избираются композитором в соответствии со смыслом текста. Такое взаимовлияние текста и музыки позволяет слушателю воспринять произведение в целом сообразно с замыслом автора, пробуждает в нем художественные эмоции, ассоциации, активизирует воображение, одновременно выполняя множество различных функций.

Нами было проведено экспериментальное исследование восприятия текста оперной арии обычными, рядовыми слушателями, не имеющими музыкального образования.

Испытуемым было предложено прослушать арию Надира из оперы Ж. Бизе «Искатели жемчуга». Это произведение обладает целым рядом характерных ариозных черт, типичных для арии-монолог: тематизм мелодически очень обобщен, рельеф отдельных слов в музыке сглажен, герой обращается к своему внутреннему миру, к своим мыслям и переживаниям. Оркестровое сопровождение способствует созданию единой линии развертывания формы. В вокальной партии использована широкая распевная мелодика, кантилена, присущая арии монологического типа.

Группа испытуемых прослушивала арию. После прослушивания испытуемым давалось задание охарактеризовать текст произведения, выбрав наиболее подходящие из предложенных им экспериментатором характеристик и ответить на некоторые дополнительные вопросы.

Предложенные испытуемым на выбор характеристики текста были сформулированы на базе итальянских музыкальных терминов, которые

обычно используются для обозначения характера музыки: печально (addolorato), скорбно (addolorando), гневно (adirato), приветливо (affabile), тревожно (affanato), щеголевато (affettamente), взволнованно (agitato), страстно (amorevole), благоговейно (andacht), дерзко (ardito), выразительно (ausdruck), дико (barbaro), любовно (amorevole), смело (bravo), шутливо (burlando), простодушно (candidamente), глубокомысленно (concentrato), со смятением (con fusamente), развязно (disinvolto), безнадежно (disperato), презрительно (dispezzo), нежно (dolce), жестоко (fieramente), умоляюще (supplichevole), злобно (pageur), сострадательно (pietoso), угрожающе (minacciando), хвалебно (laudo), зловеще (lugubre), иронично (ironiko), интимно (intimo), наивно (ingenuo), нерешительно (indeciso), повелительно (imperioso), вежливо (gerbo), свирепо (fieramente), гордо (fiero), капризно (bizzaro), отчаянно (disperato).

Выдвигалась гипотеза, что именно эти характеристики окажутся базовыми в комплексном восприятии арии испытуемыми.

Для того чтобы восприятие произведения проходило приближенно к естественным условиям восприятия музыки, задание информантам предлагалось после прослушивания арии.

В эксперименте участвовала группа испытуемых - пятнадцать человек в каждой, студенты технических факультетов, а также люди различных профессий, не имеющие музыкального образования. Возраст – от 18 до 36 лет.

Текст арии:

В сиянье ночи лунной ее я увидал. И арфой многострунной чудный голос прозвучал. В тиши благоуханной лилися звуки те, и грезы и желанья пробудили в душе моей. Звезды в небе мерцали над задремавшею землей... И она, сняв покрывало, вдруг предстала предо мной. О, ласковые взоры, восторги без конца! О, где же ты, мечта? Где вы, грезы любви и счастья? Навек прощай, мечта! Прощай, греза любви!

Испытуемым предлагался для заполнения бланк со следующим заданием:

«Прочитайте список характеристик музыкального произведения и отметьте знаком + те из них, которые, по Вашему мнению, характерны для прослушанного Вами произведения:

Охарактеризуйте текст					
печальный		свирепый		презрительный	
скорбный		гордый		нежный	
гневный		щеголеватый		жестокый	
приветливый		капризный		умоляющий	
тревожный		отчаянный		злобный	
щеголеватый		простодушный		сострадательный	
взволнованный		глубокомысленный		угрожающий	
страстный		беспорядочный		хвалебный	
благоговейный		развязный		зловещий	

дерзкий		безнадежный		ироничный	
выразительный		повелительный		интимный	
дикий		вежливый		наивный	
любовный		смелый		нерешительный	
		шутливый			

Назовите три слова, которые Вы запомнили:

Назовите 1-2 фразы, которые Вы запомнили

Соответствует ли музыка тексту? ДА НЕТ

Противоречит ли музыка смыслу текста? ДА НЕТ

Следует ли музыка за содержанием текста? ДА НЕТ

Раскрывает ли музыка состояние героя ДА НЕТ

Позволяет ли музыка лучше понять смысл текста? ДА НЕТ

Мешает ли музыка пониманию смысла текста? ДА НЕТ

Пол _____

Возраст _____

Профессия _____

Результаты эксперимента

Расположив выбранные испытуемыми характеристики текста в порядке убывания их частотности, мы получили следующие результаты:

печальный – 13 чел.

любовный – 11 чел.

нежный – 11 чел.

страстный – 10 чел.

взволнованный – 8 чел.

выразительный – 7 чел.

безнадежный – 7 чел.

глубокомысленный – 6 чел.

интимный – 6 чел.

тревожный – 5 чел.

скорбный – 4 чел.

благоговейный – 3 чел.

умоляющий – 2 чел.

приветливый – 1 чел.

смелый – 1 чел.
 сострадательный – 1 чел.
 хвalebный – 1 чел.
 нерешительный – 1 чел.
 вежливый – 1 чел.
 капризный – 1 чел.
 отчаянный – 1 чел.
 гневный – 1 чел.

Слова, которые испытуемые запомнили:

1. Прощай, любовь, мечта.
2. Ночь, звезды, тишина.
3. Любовь, счастье, мечта.
4. Лунный свет.
5. Греза, любовь, прощай.
6. Любовь, секрет, печаль.
7. Любовь, взор, глаза.
8. Любовь, прощай, ночь.
9. Мечты, она, печаль.
10. Сад, грезы, прощай.
11. Греза, любовь, ангелы.
12. Озеро, цветы, свет.
13. Ладонь, грезы, слезы.
14. Она, мечта.
15. Грезы, покрывало, сияние звезд

Соответствует ли музыка тексту?

Да – 15 чел. Нет - 0

Противоречит ли музыка смыслу текста?

Да – 0 Нет – 15 чел.

Следует ли музыка за содержанием текста?

Да – 15 чел. Нет – 0

Раскрывает ли музыка состояние героя?

Да – 15 чел. Нет - 0

Позволяет ли музыка лучше понять смысл текста?

Да – 13 чел. Нет – 2 чел.

Мешает ли музыка пониманию смысла текста?

Да – 14 чел. Нет – 1 чел.

Обсуждение результатов

Исследование позволяет сделать следующие выводы.

Текст арии воспринимается испытуемыми в единстве с музыкой, пробуждает фантазию, вызывает ассоциации. Из воспроизведенных после прослушивания арии слов, наряду с реально звучащими (*любовь, мечта, прощай, счастье, грезы, ночь, звезды, тишина, взор, покрывало*),

встречаются и не звучавшие в приведённом фрагменте слова, такие как *печаль, секрет, слезы, ангелы, сад, озеро, цветы* и даже *ладонь*.

Минорная музыка, грустные интонации голоса певца, его последние фразы прощания: «Навек прощай, мечта! Прощай, греза любви!» - все это характеризует произведение как печальное, возможно, отсюда – *печаль, слезы*.

Фраза: «И она, сняв покрывало, вдруг предстала предо мной» - для кого-то послужила знаком открытия тайны, отсюда – *секрет*. Воображение испытуемых дорисовывает передаваемую текстом картину свидания «в сиянье ночи лунной», и испытуемые «видят» сад, цветы, озеро и даже ладонь!

«Важнейшей особенностью художественного воздействия является то, что оно пробуждает в нас чрезвычайно сильные чувства, но чувства эти вместе с тем ни в чем не выражаются, - пишет Л.С. Выготский. – Это загадочное отличие художественного чувства от обыденного следует понимать таким образом, что это есть то же самое чувство, но разрешаемое чрезвычайно умной деятельностью фантазии...» (Выготский 1965, с. 234).

Художественное мышление испытуемых стремится выявить объективную эмоциональную основу, чтобы в художественных эмоциях передать то, что является общим для сходных переживаний многих людей. «Чувство первоначально индивидуально, а через произведение искусства оно становится общественным или обобщается...» (Выготский 1965, с. 234).

Глубокая печаль, которую слушатели обнаруживают в музыке и тексте арии, вызывает у них положительные эмоции, но особого рода. Здесь происходит превращение чувств, которое можно назвать катарсисом. Превращаясь в личное переживание каждого, художественная эмоция, вызванная прослушиванием произведения, обогащается личным, собственным опытом слушателя и потому принимает в психике каждого различный конкретный облик.

Таким образом, эксперимент показывает, что текст и музыка воспринимаются в арии в тесном единстве и музыка оказывает заметное влияние на расширение и углубление восприятия текста.

Лексика нравственного содержания в трилогии Л.Н.Толстого «Детство. Отрочество. Юность»

Объектом нашего исследования является лексика нравственного содержания, т.е. лексика, семантически отражающая нравственные смыслы.

Анализ первой части трилогии - «Детство» - позволил выделить семантические доминанты «добро» и «любовь», которые представлены следующими лексемами.

1. Имя прилагательное «добрый»

- *«У меня не доставало сил взглянуть в лицо доброй старушке: я, отвернувшись, принял подарок, и слезы потекли еще обильнее, но уже не от злости, а от любви и стыда».*
- *«Какой он добрый и как нас любит, а я мог так дурно о нем думать!» (О Карле Ивановиче)*
- *«...крикнул он добрым голосом»*
- *«Его доброе немецкое лицо»*

Важно заметить, что лексема «добрый» наиболее часто употребляется по отношению к Карлу Ивановичу, а также к тем людям, с которыми Николенька особенно близок: это мама, Наталья Савишна, Сонечка. Данная лексема встречается в главе «Детство» 10 раз.

2. Имя существительное «любовь»

- *«Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какою она была в это время, мне представляются только ее карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь».*
- *«Ничьи равнодушные взоры не стесняют ее [маму]: она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь».*
- *«С тех пор как я себя помню, помню я и Наталью Савишну, ее любовь и ласки».*

Лексема «любовь» встречается в части «Детство» 15 раз, причем наиболее часто по отношению к матери Николеньки, а также Карлу Ивановичу и Наталье Савишне.

3. Глагол «любить»

- *Какой он добрый и как нас любит, а я мог так дурно о нем думать!*
- *Мне было совестно, и я не понимал, как за минуту перед тем я мог не любить К.И. и находить противными его халат, шапочку и*

кисточку; теперь напротив, все это казалось мне чрезвычайно милым, и даже кисточка казалась явным доказательством его доброты.

Эта лексема встречается в данной главе 12 раз и наиболее употребительна по отношению к Карлу Ивановичу, также глагол «любить» представлен в речи Натальи Савишны. Показательно предложение, в котором эта лексема встречается 4 раза:

Н.С.: «Богу известно, как я вас люблю, моих голубчиков, как я ее [мать героя] любила, никого не любила, да и не могу любить».

Частотность употребления данных лексем указывает, насколько был счастлив маленький Николенька в своем семейном гнездышке, в котором близкие люди согревали его своей любовью.

Однако уже в раннем детстве герой наталкивается на «временные недоразумения», как он сам их называет. Ярким примером служит эпизод с Натальей Савишной, рассердившей героя. (Потрепала Николеньку по лицу мокрой скатертью за то, что тот уронил графин и облил ее (скатерть)). Тональность высказывания Николеньки меняется: в его речи появляются лексика, отражающая чувство обиды и желание отомстить за неё: *«рассуждал о том, как бы отплатить дерзкой Наталье за нанесенное мне оскорбление».*

Предикат «отплатить», лексемы «дерзкий», «оскорбление» свидетельствуют о негативном настрое героя. Однако экономке Наталье Савишной, которая горячо любит мальчика, такое строгое отношение к Николеньке совершенно несвойственно, да и сам герой не может долго пребывать в негативном состоянии, поэтому идиллия скоро восстанавливается.

«У меня не доставало сил взглянуть в лицо доброй старушке: я, отвернувшись, принял подарок, и слезы потекли еще обильнее, но уже не от злости, а от любви и стыда».

Эмоционально-нравственное состояние мальчика представлено следующим изобразительным рядом слов:

1. Добрый
2. Любовь
3. Стыд

Лексемы «добрый», «любовь» заведомо контрастны по отношению к злему началу. И.В. Гете отмечал, что зло выступает и как отрицание, сомнение и как дерзкое движение человеческого разума к познанию истины.

Как известно, стыд в учении Платона и Аристотеля являлся нравственным регулятором, отражающим закон совести как внутренний по отношению к правовым законам, и более универсальным, чем они.

Таким образом, амплитуда колебаний между добром и злом, презрением и любовью меняется, однако положительное начало побеждает.

Ошибки маленького героя - цена, которую личность должна заплатить за каждый час своего духовного развития, невозможного вне моральных ограничений, предписываемых законами совести, неслучайно лексема «совесть» - одно из ключевых слов в толстовском тексте.

1. *«Мне было совестно, и я не понимал, как за минуту перед тем я мог не любить К.И. и находить противными его халат, шапочку и кисточку; теперь напротив, все это казалось мне чрезвычайно милым, и даже кисточка казалась явным доказательством его доброты».*

2. *«При нем [Володе] мне было бы совестно плакать».*

3. *«...мне еще как-то совестно было предаваться веселью...».*

По Толстому, нравственный человек обладает этой удивительной способностью самоконтроля; способностью справляться с дисгармонией чувств.

Детство, как одна из важнейших эпох в становлении личности, у Толстого генерализируется. Детство, по Толстому, есть своего рода норма и образец человеческого поведения. Именно в детском возрасте человек непосредственно, чувственно усваивает положительные, истинно человеческие принципы в отношениях с близкими ему людьми. Нарушения изначальной гармонии рассматривается ребенком как случайность, недоразумение.

Герою повести, юному Николеньке, кажется, что радости жизни - это норма, а горести и тревоги представляются ему легко устранимыми отклонениями от этой нормы. Но у Толстого все события прошлого даны не только глазами ребенка. Взрослый Иртеньев с высоты своего жизненного опыта уже отдает себе отчет, каким разрушениям и невозполнимым утратам подвержено детство. Таким потрясением для него становится смерть матери. Обратимся к главе «Горе». В описании чувств Николеньки, стоящего у тела матери, можно выявить следующую оппозицию: «живая, веселая, улыбающаяся» и «бледно-желтоватый предмет», характеризующую не столько нравственную, сколько эмоциональную сферу, но ее необходимо учитывать, т.к. эти две сферы тесно взаимодействуют, усиливая друг друга.

1. *«Я стал на стул, чтобы рассмотреть ее лицо: но на том месте, где оно находилось, мне опять представился тот же бледно-желтоватый предмет. Я не мог верить, чтобы это было ее лицо».*

2. *«Я забывал, что мертвое тело, которое лежало передо мной и на которое я бессмысленно смотрел, как на предмет, не имеющий ничего общего с моими воспоминаниями, была она. Я воображал ее то в том, то в другом положении: живую, веселую, улыбающуюся».*

Еще недавно живое становится мертвым, изменчивое застывшим, родное отчужденным. Это страшное событие кажется мальчику невероятным, т.к. мир для него - место, где все живет и исполнено радости.

Его разум не желает поддаваться мысли о смерти, ведь в его мире не существует невозвратимого ухода.

И в какой-то момент мы ощущаем присутствие двух Иртеньевых: маленького и взрослого. Умудренный опытом герой, оценивая свое поведение в далеком детстве, дает нам явственно ощутить, что, будучи ребенком, человек не чужд эгоизма и тщеславия, зависим от мнения окружающих. Толстовская «диалектика души» открывает непосредственные движения чувств и рациональный контроль над ними социального существа. Сам язык писателя отрицает прямолинейность трактовки. *«Вспоминая теперь свои впечатления, я нахожу, что только одна эта минута самозабвения была настоящим горем».*

1. *«Прежде и после погребения я не переставал плакать и был грустен, но мне совестно вспомнить эту грусть, потому что к ней всегда примешивалось какое-нибудь самолюбивое чувство: то желание показать, что я огорчен больше всех, то заботы о действии, которое я произвожу на других, то бесцельное любопытство».*

2. *«Я испытывал какое-то наслаждение, зная, что я несчастлив, <...> и это эгоистическое чувство больше других заглушало во мне истинную печаль».*

3. *Во время службы я прилично плакал, крестился и кланялся в землю, но не молился в душе и был довольно хладнокровен...*»

Герой испытывает амбивалентное чувство. С одной стороны состояние Николеньки представлено предикатами «был грустен», «огорчен больше всех». С другой стороны, происходит оценка как бы извне, взгляд на себя глазами других. Толстой использует языковые единицы «совестно», «самолюбивое чувство», «бесцельное любопытство», «эгоистическое чувство» и др. Такая оппозиция является отражением сложной гаммы противоречивых ощущений. Скорбя о смерти жены, отец не забывает даже у гроба быть «эффектным», тогда как няня Наталья Савишна неподдельна в своем горе именно в силу однозначности своих чувств. Неслучайно именно к ней приходит маленький Николенька после похорон. Он говорит: *«... поплакать с нею было для меня отрадой».* Значит, снова искреннее начало в Николеньке побеждает.

Во второй части трилогии - «Отрочестве» - «смерть матери героя была вехой, отделяющей детство от отрочества». Иртеньев признается, что *«со смертью матери окончилась для меня счастливая пора детства и началась новая эпоха - эпоха отрочества».*

Обратимся к главе «Новый взгляд», в которой происходит диалог Катеньки и Николеньки. Катенька говорит, что Иртеньевы – неровня им, потому что у них есть Петровское, а ее маменька ничего не имеет. И все в душе героя восстало против этого факта, ему казалось нелепым расставаться из-за того, что его отец богат, а ее мать бедна. Толстой использует при описании чувств мальчика лексему «странный»: *«Вы богаты - мы бедны: эти слова и понятия показались мне необыкновенно*

странными». Он говорит, что ему стало совестно за этот факт. Герой еще не знает о существовании социальных перегородок.

И именно Отрочество, пора размышлений, становится наиболее мучительной эпохой в развитии личности, разрушая целостность его сознания. Жизнь Николеньки корректируется сословными представлениями, поколебавшими изначальное согласие мальчика с окружающим миром. Счастливое ощущение единения всех в связи с утратами изменяется. Примечательно и весьма символично, что именно в этот период, в период отрочества, из жизни героя так или иначе уходят самые дорогие, близкие, любимые люди: умирает его мать; уезжая в Москву, Николенька покидает Наталью Савишну; вскоре прощается и с Карлом Ивановичем. Наступает пора полного одиночества.

В отрочестве Николенька мучительно самолюбив и, ведя «уединенную, сосредоточенную в самом себе, моральную жизнь», слишком замкнут на своих чувствах, что находит отражение в толстовском словоупотреблении, в частом использовании лексем «самолюбие», «самолюбивый»:

1. *«Мне даже казалось, что Володя сам осознает свое первенство и гордится им. Такое убеждение, может быть, и ложное, внушало мне самолюбие, страдавшее при каждом столкновении с ним».*

2. *«Я был слишком самолюбив, чтобы привыкнуть к своему положению».*

3. *«К крайнему оскорблению моего самолюбия, я понимал, что я лишний, остающийся...».*

Другими доминантами этой части трилогии являются лексемы «презрение», «злоба», «ненависть»:

1. *«Я вдруг почувствовал презрение ко всему женскому полу вообще и к Сонечке в особенности...».*

2. *«...не помня себя от злости, вырвал руку и из всех моих детских сил ударил его» (учителя Сен-Жермена).*

3. *Меня не наказывали, и никто даже не напоминал мне о том, что со мной случилось; но я не мог забыть всего, что испытал: отчаяния, стыда, страха и ненависти в эти два дня».*

Чувству ненависти посвящена целая глава, в ней Николенька пытается проанализировать и описать свое негативное отношение к учителю Сен-Жермену. Он ассоциируется у мальчика с «маленьким Наполеоном», ведь война 1812 года была недавним прошлым. Иртеньев не в состоянии ужиться с Сен-Жерменом, который «имел общие всем его землякам и столь противоположные русскому характеру отличительные черты легкомысленного эгоизма, тщеславия, дерзости и невежественной самоуверенности».

Герой переживает духовный разлад с миром, порой испытывая какое-то странное наслаждение.

И еще одна доминанта, связанная с чувством вины («Я чувствовал себя кругом виноватым...»), - это настроение становится одним из основных в

самоощущении Николеньки на тот период. С этим психологическим комплексом героя связывает глагол «завидовать», неоднократно встречаемый в повести «Отрочество». Данная лексема употребляется в отношении брата Николеньки, т.к. в этой главе происходит его духовное отдаление от Володи.

1. *«Но ничему я не завидовал столько, как счастливому, благородно откровенному характеру Володи...».*

2. *«...приятная наружность Володи, которой от души завидовал».*

Лексический анализ заключительной часть трилогии - Юность» - показал, что доминанты, характеризующие героя в части «Отрочество», в той или иной степени определяют его состояние и в период юности.

Все происходящее Иртеньев теперь воспринимает скептически, поскольку доверие к окружающему миру утрачено, он одинок. С приходом в жизнь героя Дмитрия Нехлюдова и дружбой с ним наступает нравственное выздоровление.

«Души наши так хорошо были настроены на один лад, что малейшее прикосновение к какой-нибудь струне одного находило отголосок в другом».

«Я сказал, что дружба моя с Дмитрием открыла мне новый взгляд на жизнь, ее цель. Сущность этого взгляда состояла в убеждении, что назначение человека есть стремление к нравственному усовершенствованию и что усовершенствование это легко, возможно и вечно».

Важнейшими компонентами нравственного чувства для юного Николеньки являются красота, счастье и добродетель. Возрождается в душе подростка чистота нравственного чувства, появляется ясный, жизнерадостный взгляд на жизнь. Николай Иртеньев погружается в процесс нравственного совершенствования.

Однако при этом чувство самодовольства, самолюбия не отпускают его. Примечателен эпизод с исповедью Николеньки. С одной стороны, им движет религиозное чувство, он хочет очиститься, духовно переродиться. С другой стороны, исповедавшись, мальчик исполнен чувством самодовольства и гордости. Вербально это представлено следующими лексемами:

1. *Чувство умиления*

2. *Наслаждаться («Я чувствовал, что наслаждаюсь чувством умиления»).*

3. *Прекрасная душа («...духовник, верно, думает, что такой прекрасной души молодого человека, как я, он никогда не встречал в жизни...»)*

4. *Самодовольство («Хотя не самое чувство умиления и набожности, но самодовольство в том, что я испытал его»)*

По глубочайшему убеждению Л.Н.Толстого, лишь внутренняя способность отдельного, каждого существа к движению, развитию

открывает путь к нравственному росту, создает предпосылки верного постижения окружающей действительности. В трилогии изображается внутреннее развитие Николеньки Иртеньева, а в сущности – всякого человека вообще. С его образом связана мысль автора о громадных духовных резервах человека, рожденного для движения, для нравственного и духовного роста. Способность Николеньки постоянно изменяться и обновляться таит в себе залог перемен, дает нравственную опору для противостояния окружающей его среде.

В восприятии Толстым периода детства просматривается мысль Руссо о нравственной чистоте и первозданности этого этапа в развитии человека. Писателю оказалось близким понимание ребенка как воплощения совершенства: «человек рождается совершенным» – говорил Руссо. Толстовская убежденность в том, что ребенок – это прообраз гармонии, остается неизменной до конца его жизни: здоровый ребенок рождается на свете, вполне удовлетворяя тем требованиям безусловной гармонии в отношении правды, красоты и добра, которые мы носим в себе».

В части «Детство» есть такая фраза: *«Странно, отчего, когда я был ребенком, я старался быть похожим на большого, а с тех пор, как перестал быть им, часто желал быть похожим на него»*. Вполне естественно, что ребенок стремится подражать взрослому. То, что взрослый хотел бы стать ребенком, – исключительно толстовская позиция. Именно в детях Лев Николаевич видел идеальных людей, еще не испорченных пороками и передрыгами жизни. Детям непосредственность присуща от рождения, но по мере взросления этот дар у многих людей пропадает. Непосредственность их живого чувства всегда гармоничнее холодного, рассудочного отношения к жизни. Составляющими идеала, совершенства являются доброта и любовь.

Итак, в части «Детство» превалируют лексемы «любовь», «добрый», «любить», «совестно». Вместе с тем находим такие языковые единицы, как «оскорбление», «отплатить», «самолюбивое чувство», «эгоистическое чувство». Это говорит о борьбе, которая происходит в душе героя, когда сталкиваются представления Николеньки о мире и представления об окружающей действительности других героев. В «Отрочестве» Иртеньев переживает духовный разлад с миром и с собой, он не ощущает прежней гармонии, поэтому доминантными становятся лексемы «ненависть», «злоба», «самолюбие», «самолюбивый», «презрение», «завидовать». При этом употребляется лексема «виноватый»: герой чувствует свою вину.

В «Юности» происходит нравственное возрождение, хотя при этом он испытывает чувства самодовольства и гордости, причем здесь «гордость» понимается как «гордыня».

Все время Николенька не перестает анализировать самого себя. Николенька при всех своих неудачах никогда не остановится в нравственных поисках. Неслучайно в конце трилогии он вновь садится писать правила жизни с убеждением, что уже никогда не сделает ничего

дурного, ни одной минуты не проведет празднo и никогда не изменит своим правилам.

Зейнаб Камаль

Метафорические значения наименований деревьев в произведениях С.Есенина

Номинации деревьев широко представлены в творчестве С.Есенина, что свидетельствует об их значимости для художественного мировосприятия поэта. Довольно часто существительные, называющие деревья, приобретают метафорическое значение. К числу таких номинаций относятся следующие:

а) береза:

*Оттого душе моей не жестко
Не желать, не требовать огня,
Ты, моя ходячая березка,
Создана для многих и меня.
(«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель»)*

*Потому так и сердцу не жестко –
Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.
(«Ты запой мне ту песню, что прежде...»)*

Метафорический перенос осуществляется по признаку «качество, свойство» (приписываемые березке русским сознанием нежность, женственность, особая красота, чистота, целомудрие). Направление метафорического переноса: растение – человек. Для Есенина образ березы – образ юности, вечной женственности и красоты, поэтому метафора «девушка-береза» очень нежна и трогательна.

б) черемуха:

*Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь,
Только в скупости чувства греются,
Когда ребра ломает течь.
(«Хорошо под осеннюю свежесть...»)*

Цветение растения считается самой красивой порой его биологического существования, поэтому при переносе качеств растения на человека мы понимаем, что поэт имеет в виду молодость, свежесть чувств, то, что обычно называют «весной жизни». Направление метафорического переноса: растение – человек. Это же значение находим и в другом примере:

*Где ж ты? Где ж ты, бывшая мощь?
Хочешь встать – и рукою не можешь двинуться!
Юность, юность! Как майская ночь,
Отзвенела ты черемухой в степной провинции.
(Пугачев)*

Перенос по признаку «фаза биологического существования» (войти в фазу оптимального развития → яркость, красота). Направление метафорического переноса: растение – человек.

в) липа:

Подобным образом строится метафора и в следующем случае:

*Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.
(«Этой грусти теперь не
рассыпать...»)*

Перенос по признаку «фаза биологического существования» (войти в фазу оптимального развития → яркость, красота). Направление метафорического переноса: растение – человек.

Часто встречается метафора, основанная на сопоставлении цветущих деревьев и снега:

*Ветер тропыхал корявый можжевельник и сыпал
обдернутой мианиной в потянутые изморозью
промоины.
В небе туманно повис черемуховый цвет, и
поблекший месяц нырял за косогором расколовшейся
половинкой.
(Яр).*

*(Ср.: За санями крутилась, как липовый цвет,
снежная пыль, а на высокую гору, погромыхая
тесом, карабкался застрявший обоз. «Яр»)*

В данном случае метафора основана на признаках «цвет», а также «качество, свойство» (легкость, тонкость, воздушность лепестков). Направление метафорического переноса: растение – натурфакт.

г) ива:

*Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.
(«Мне грустно на тебя
смотреть...»)*

Поэт говорит об осени в природе, проводя параллель с «осенью жизни». Перенос осуществляется по признаку «цвет» («ивовая медь» отсылает нас

к фазе развития растения). Направление метафорического переноса: растение – человек.

Думается, что выбор для метафоры листьев ивы не случаен, т.к. этот образ усиливает грустные ассоциации. Такие ассоциации присутствуют и в следующем примере:

*Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезды учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.
(«Песни, песни, о чем вы кричите?»)*

Направление метафорического переноса: растение – человек.

д) клён:

*Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.
Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всюю зеленым.
(«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»)*

Перенос по признаку «качество, свойство». Направление метафорического переноса: растение – человек.

е) дуб:

*Квас сахарный, квас янтарный,
Бочка старо-новая.
У Васятки Каменского
Голова дубовая.
(Частушки (о поэтах). Стихи «на случай»)*

Есенин использует языковую метафору для обозначения глупости. Перенос по признаку «качество, свойство». Направление метафорического переноса: растение – человек.

Таким образом, анализ представленного материала позволяет утверждать, что лексические единицы, называющие деревья, играют важную роль в выражении художественного мира поэта. Они не просто служат для описания пейзажа, но передают индивидуально-авторское восприятие окружающей лирического героя природы, выражая тесную связь между миром природы и миром человека, их взаимодействие и взаимопроникновение в художественном мире поэта.

Употребление союзов в сложноподчинённых предложениях с придаточным условным

(на материале художественного текста)

Нельзя сказать, что союзы, используемые в сложноподчинённых предложениях с придаточным условным, обойдены вниманием исследователей. Однако их состав обыкновенно определяется в существующей лингвистической литературе слишком широко, что обусловлено следующими причинами.

В первую очередь такое положение дел связано с тем, что часто условный союз в сочетании с частицей *бы* рассматривается как самостоятельная единица, то есть варианты одного и того же союза считаются разными союзами: *если* и *если бы*, *ежели* и *ежели бы*, *когда* и *когда бы* и т.д., в результате чего количество союзов неоправданно удваивается.

Такого подхода придерживаются авторы Грамматики-80 (где он и реализован), обосновывая это тем, что союзы *если бы*, *ежели бы*, *коли бы* и др. выступают «как неотъемлемый элемент сложного комплекса, в состав которого входит глагольная форма на -л; частица *бы* в составе этого комплекса неотделима от глагола и образует вместе с ним форму синтаксического условного наклонения» (Русская грамматика 1980, II, с. 563). По мнению Р. Гусмана Тирадо, противоречивость данного объяснения очевидна: «если частица *бы* «неотделима от глагола», то она, естественно, никак не может одновременно быть компонентом особого условного союза» (Р. Гусман Тирадо 1998, с. 69).

Тот факт, что частица *бы*, как правило, располагается в непосредственной постпозиции к *если*, *ежели* и т.д., не является основанием для выделения особого разряда «бы-союзов». Можно привести ещё один довод. Как известно, частица *бы* является подвижной. Это означает, что она может менять свое место в предложении в зависимости от того, на какой из элементов падает смысловое ударение. Отсюда следует, что в условных предложениях максимальной коммуникативной значимостью обладает позиция подчинительного союза. Стоит, однако, коммуникативным акцентам несколько сместиться, и частица легко меняет свое местоположение (там же).

Таким образом, здесь мы имеем дело с обычными условными союзами в составе предложений, выражающих ирреальное условие, а частица *бы* всего лишь участвует в образовании сослагательного наклонения (форма прошедшего времени (с точки зрения современного языкового сознания) + частица *бы*), причем, отрываясь от глагола, она чаще всего следует непосредственно за союзом, сохраняя свою самостоятельность.

Во-вторых, в перечень условных союзов иногда включают скрепу *добро бы* и союз *ли*.

Квалифицируемое как союз слово *добро бы* вряд ли можно считать таковым, хотя бы уже потому, что оно способно начинать самостоятельное предложение в тексте, что совершенно не характерно для подчинительных союзов (исключая, разумеется, случаи парцелляции). На наш взгляд, это частица, относящаяся к сфере просторечия и к тому же вышедшая из употребления в современном русском языке.

Нецелесообразно и трактовать союз *ли* как особый условный, как делают некоторые авторы. В первую очередь это вариант разделительного союза *или*, который употребляется в условиях неназванной, нереализованной до конца альтернативы, хотя в специфических условиях данный союз может развивать условный смысл.

В-третьих, упоминаемый в Грамматике-80 маркер условности *диви бы* давно уже вышел из употребления и должен рассматриваться в исторической грамматике русского языка.

С учетом вышесказанного мы будем выделять в составе сложноподчиненных условных предложений следующие союзы: *если, в (том) случае если, на (том) случай если, при (том) условии если, при (том) условии что, ежели, коли (коль), коль скоро, кабы, раз, когда, буде*.

Союз *если* функционирует как основное средство выражения условия. Он универсален в любом отношении – и в стилистическом (его употребление допустимо и в письменной, и в устной речи), и в семантическом, поскольку способен передавать все возможные виды условных отношений – гипотетическое (в их двух вариантах – потенциальном и ирреальном) и реальное:

1а) *Лев Николаевич где-то высказал мысль: если, мол, сильно полюбишь женщину, то не сделаешь того, что задумал в жизни* (А. Безуглов); *Если выедем рано, к вечеру будем на месте* (А. Вампилов);

1б) *Если бы удалось между добром и злом провести черту, то вышло бы, что часть людей эту черту переступила, а часть еще нет, но все направлены в одну сторону – к добру* (В. Распутин); *Мы были бы куда сильнее поражены, если б отец вернулся* (Ю. Нагибин);

2) *Я же почти два года в твою сторону дышать боялся. Если ты в классе появлялась, я еще не видел тебя, а уже вздрагивал*. (В. Тендряков); *Известно, что если где-то что-то прибыло, значит где-то что-то убыло (из газ.)*.

Союз *ежели* имеет архаический оттенок и используется при воспроизведении просторечия, разговорной речи, в целях стилизации: *Ежели к обеду не спашешь полосу, приду – уши все до одного оборву* (В. Белов); *Ведь ежели вникнуть, вроде чего-то и нехорошо выходит: был человек, а вдруг нету тебя* (В. Белов).

Что касается союза *коли*, то в языке современной художественной литературы он также сохраняется в качестве мощного средства

стилизации: *Ну, поспевай, коли так. Прощай* (В. Шукшин); *Пусть идет, коли не сидится ему* (В. Белов).

Следует отметить, что по выражаемым значениям союзы *ежели* и *коли* близки к союзу *если* (могут указывать на все виды условия) и отличаются от последнего стилистической маркированностью и степенью частотности.

Вторым по употребительности союзом после *если* является союз *раз*. Он отличается номинативной узостью. В предложениях с этим союзом сообщается о единичном реальном условии в прошлом или настоящем: *Ехайте! Раз уж тронулись – ехайте* (В. Шукшин); *Раз по закону он считался отцом и давал их [алименты] добровольно, то что же было в этом незаконного?* (С. Алешин).

Как видно из приведенных примеров, чаще всего данный союз употребляется в обиходно-разговорных контекстах, но нередко используется и в книжной речи в доказательствах (в лекциях, докладах), характеризуя итог чего-либо, вывод из чего-либо: *Раз это так, то...*

Многие исследователи подчеркивают, что выражаемое союзом *раз* значение реального условия тесно переплетается со значением причинного обоснования.

Союзам *в (том) случае если, на (тот) случай если, при (том) условии если*, возникшим на базе союза *если*, присуще ограничительное значение. «Они часто указывают на ту условную сферу, в рамках которой является действительной ситуация, названная в главной части предложения» (Р. Гусман Тирадо 1998, с. 79). Будучи по своей природе составными, они могут употребляться как в нерасчлененном (см. выше), так и в расчлененном виде: *(в том случае), если, (на тот случай), если, (при том условии) если*:

Там [в кладовке] была налажена постель из половиков и старого седла в головах – на случай, если днем кого-то сморит жара и ему захочется отдохнуть в холодке (В. Астафьев); *Здесь, в районном городе, колхоз «Власть Труда» имел свою квартиру для Лыкова, на случай если тот задержится на заседании, если не посчитает нужным трястись к себе в село* (В. Тендряков); ... *Обыск и досмотр вещей возможен лишь в том случае, если задержанный нарушил закон* (из газет).

Семантически родственным названным союзным средствам является двувариантный союз *при (том) условии что, (при том условии), что*, который сформировался на основе союза *что*.

Все эти составные союзы в основном тяготеют к официально-деловому стилю, хотя уместны и в языке художественной и публицистической речи.

Союз *коль скоро* заметно архаизировался. В современных текстах он используется чаще всего с оттенком книжности, например в контекстах официально-деловых, научных и т.д.:

Но, конечно, коль скоро в условном предложении употреблен вместо союза если союз когда, то оно отягощается временным оттенком (Н.И. Формановская). Как видно из примера, этот союз не оформляет ирреальное условие.

Союз *кабы*, возникший из союза *как* и частицы *бы*, передает только ирреальное условие. Он отличается сниженностью, просторечной окраской, имеет фольклорный характер: *Кабы не было зимы в городах и селах, никогда б не знали мы этих дней веселых* (из песни); *Ох, кака бы жизнь, кака бы жизнь у нас была, сколько бы этой красы-то на земле было, кабы Катерина набралась смелости да всем этим сволочам вместе с Гордей в рожу плюнула!* (Ф. Абрамов); *Кабы я стекло разбил – не обидно* (В.Белов).

Союз *буде* иногда используют в целях архаизации, а также с иронической окраской. При этом он обозначает потенциальное условие. В текстах нашего времени почти не встречается.

Союз *когда* также может служить для выражения условных отношений (как известно, он передает прежде всего временное значение). Давно замечено, что в отдельных предложениях, оформленных союзом *когда*, если речь идет о постоянно действующих, обычных, повторяющихся фактах, достаточно трудно отграничить временные отношения от условных. В таких случаях многие авторы предпочитают говорить об их совмещении. В предложениях подобного типа союз *когда* легко заменяется союзом *если*:

Когда женщина занята, она воспитывает ребенка по линии наименьшего сопротивления, а именно: все разрешает (В. Токарева).

Союз *когда* может осложняться словами *в (том) случае, в тех случаях, при условии*:

Значительного прогресса в науке можно достигнуть в настоящее время лишь при условии, когда тематика в каждой отрасли будет тщательно планироваться координационными центрами (С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов)

В отличие от предложений с указанием на реальное условие, предложения с союзом *когда*, выражающие ирреальное условие, имеют только условное значение, не осложненное временным отношением. В современных текстах явления подобного рода встречаются нечасто.

Предложения с союзом *когда* в условном значении имеют разговорный характер.

Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. – М. : Агар, 2000. – 416 с.

Крючков С.Е. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения : учеб. пособие / С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов. – М. : Просвещение, 1977. – 191с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 432с.

Русская грамматика / [под ред. Н.Ю. Шведовой]. – М. : Наука, 1980. – Т.2. Синтаксис. – 710 с.

Тирадо Р.Г. Генеративные сложноподчинённые предложения в русском языке / Р.Г. Тирадо. – Воронеж : Изд-во ВГПУ, 1998. – 136 с.

Урысон Е.В. Союз *если* и семантические примитивы / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 2001. – № 4. – С. 45-65.

Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения / Н.И.Формановская. – М. : Русский язык, 1978. – 240с.

М.А. Сердюк

Коннотативные аспекты семантики фольклорного слова

Исследователи языка русского фольклора отмечают неадекватность значения или структуры значений отдельных слов в фольклорном тексте, диалектном и литературном языках, акцентируя внимание на том, что за каждым тщательно отобранным в многовековом использовании фольклорным словом стоит **обязательное коннотативное содержание** (Никитина 1993, Путилов 1963, Хроленко 1992, Червинский 1989 и др.).

Наши наблюдения позволяют заключить, что коннотативное содержание фольклорной лексемы может определяться как внутритекстовыми связями, и тогда мы можем говорить о «текстовых» наращениях семантики, так и внешними (по отношению к тексту, но не к фольклорному произведению!) факторами, и тогда речь идет о «затекстовом» аспекте значения. Дифференцируем названные понятия.

«Текстовая» коннотация возникает в результате включения элемента в систему и обуславливается структурными свойствами этой системы (в данном случае фольклорным текстом). Например, в русской волшебной сказке слово «золотой», помимо общеязыковых значений «сделанный из золота» и «цвета золота, блестяще-желтый», реализует добавочные «текстовые» значения, наиболее характерные из которых:

1) «творящий волшебство»: в сказках эпитет «золотой» часто характеризует помощников (в классификации героев волшебной сказки В.Я. Проппа):

«Закинул старик свою сеть, начал тянуть, и показалось ему так тяжело, как доселе никогда не бывало: еле-еле вытянул. Смотрит, а сеть пуста; всего-навсего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая – **золотая**. Взмолилась ему рыбка человеческим голосом...» // Афанасьев. 75. Золотая рыбка.

«И выросла из них яблонька – да какая! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят **золотые**, веточки гнутся серебряные» // А. Нечаева и Н. Рыбакова. Крошечка – Хаврошечка.

2) «принадлежащий к иному, волшебному царству, волшебный, чудесный, необычный»: эпитет «золотой» характеризует волшебные предметы, которые являются объектами поисков героя (трудные задачи в классификации В.Я. Проппа): свинка **золотая** щетинка, олень **золотые** рога, коза **золотые** рога, уточка **золотые** перышки и др., например:

«Раз царь призывает своих зятьев и говорит им: «Любезные мои зятья! Я прослышал, что в таком-то царстве, в таком-то государстве есть диковинка: свинка **золотая** щетинка. Нельзя ли ее каким образом добыть?» // Афанасьев. 182-184. Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь.

Принципиально значимым является то, что «текстовая» коннотация обусловлена всей системой фольклорного мира и его языка. «Вторичные текстовые» смыслы фольклорных лексем разнообразны, они зависят от жанра произведения, места слова в тексте, семантического окружения.

Понимание «затекстового» аспекта значения фольклорного слова отлично от принятого определения коннотации. «Затекстовая» коннотация имеет «дотекстовый» статус и определяется, «диктуется» фольклорным авантекстом (термин введен в фольклористику С.Ю. Неклюдовым (2001, с. 3)), который включает компоненты, принадлежащие традиции, а также культурно-языковую картину мира и мифопоэтическую модель мира определенного жанра. Таким образом, «затекстовая» коннотация включает в себя то, что мы отмечаем за пределами собственно народного творчества. Это и индивидуально-эмоциональный комплекс, которым сопровождается для человека почти каждое используемое им слово, и так называемый ассоциативный тезаурус, и национальное мировоззрение, и народное мироощущение, и строй образного народного мышления.

Следовательно, источником «затекстовой» коннотации в фольклоре являются те традиционные фольклорные смыслы, которые не рождаются в тексте, они привносятся словом извне, но играют заметную роль в композиции и содержании фольклорного произведения.

На наш взгляд, «затекстовые» коннотации в фольклоре можно условно обозначить как семиотические, символические и культурные.

Семиотические коннотации обусловлены тем, что в текстах произведений устного народного творчества слова вербализуют **семиотические оппозиции**, репрезентируя их положительный или отрицательный член. При этом семиотическая функция может быть основной и трансформировать семантические признаки слова (Никитина, Кукушкина 2000).

Приоритетными в построении, например, песенной фольклорной картины мира являются оппозиции «свой – чужой», «чистый – нечистый», которые реализуются через частные оппозиции:

- «свой – чужой»: в социальном плане «невеста – жених», «невестка – свекровь» и др.; в религиозно – этическом плане «свои – враги»;
- «чистый – нечистый»: ритуально «чистый – нечистый», сексуально «чистый – нечистый» и др.

Наиболее четко традиционные смыслы проявляются в обрядовых песнях. В необрядовой лирике, напротив, преобладает денотативное значение лексемы (Сердюк 2008).

Проиллюстрируем сказанное примерами:

Свети-ка, светел месяц, во всю темну **ночь**,
Освещай дорожку, когда мил пойдет.
Что пошел мой милый по улице вдоль,
В самый крайний дом, ко чужой жене.
Что чужая-то жена зла, догадлива:

Устилала постельку-то под окошечком
И ложилась спать под косящатым...

Горелов, №312.

Ты заря ли, **вечерняя** зоренька,
Ты заря **вечерняя** была.
Не дала же нам **вечерняя** зоренька,
С поля убраться не дала,
Захватила же меня, доброва молодца,
В **поле** погода с ветром холодна.
Как были же у меня, добра молодца,
Служаночки верные были при мне,
Заложили бы же мне тройку серо-пегих лошадей...

Л.-П., с. 130.

Слова с темпоральной семантикой (рассвет, заря, вечер, ночь) служат в фольклорном тексте не только для обозначения времени суток, но и вносят дополнительные смысловые оттенки: «рассвет», «заря» – «защитное время», «ночь», «вечера» – «опасное время». По коннотативному семиотическому признаку эти слова образуют оппозиции «свой-чужой», «чистый – нечистый», «добрый – злой».

При употреблении в контексте происходит конкретизация того или иного традиционного значения. Один и тот же смысл в фольклорном тексте способен передаваться значениями различных лексем. Например, традиционный смысл «свой» может передаваться в народной лирике лексемами «дом», «сад», в сказке на микрокосмическом уровне лексемами «дом», «изба»; смысл «чужой» соответственно лексемами «роща», «лес», «поле» – в лирической песне и «лес», «море» – в сказке.

Таким образом, можно утверждать, что фольклорное слово является не только знаком понятия или реалии, но и знаком традиционного смысла, вследствие чего обладает исходным общетематическим значением, что проявляется в фольклорных текстах как в рамках одного жанра, так и разных жанров.

И.А. Оссовецкий (1979) на примере анализа количественной лексики убедительно показал, что в семантической структуре фольклорного слова преобладает гиперсема, а видовые значения лексемы частично нейтрализуются, превращаясь в показатели общего инвариантного значения.

Основываясь на этом положении, можно заключить, что лексемы «дом», «сад», «изба» в фольклорном тексте объединены гиперсемой «свой», которая является положительным членом универсальной семиотической оппозиции «свой – чужой»; а лексемы «море», «роща», «лес» объединены гиперсемой «чужой», которая выступает в качестве отрицательного члена названной оппозиции.

Невозможно представить произведения фольклора без символов, в которых косвенно воплотились эстетические идеалы народа. Следовательно, *наличие коннотативного символического компонента значения* – это тоже одно из важнейших свойств семантической структуры фольклорного слова, например:

Травка-муравка, зеленая моя!
 Знать-то мне по травушке не хаживати,
 Травки-муравки не таптывати,
 На свою любезную не сматривати!
 К.-Як., II, № 654

В лирических песнях «топтать траву» означает «любить девушку», сватать ее. «Не таптывать травы» – значит «не иметь возможности любить девушку». И далее это разъясняется конкретным содержанием песни: у девушки очень грозные родители, и они ее «не пускают на улицу гулять».

Ветры мои, ветры, вы буйные ветры!
 Не можете ли вы, ветры, горы раскачати?
 Гусли мои, гусли, звончатые гусли!
 Не можете ли вы, гусли, вдову развеселити?
 У меня, у вдовушки, четыре кручины,
 Четыре кручины да пятое горе,
 Да пятое горе, что нет его боле!
 Первая кручина – нет ни дров, ни лучины...

Куглов, с.157, № 96.

С.Г. Лазутин, анализируя текст данной песни, отмечает: «В приведенной песне поэтические символы выполняют очень важные эмоционально-выразительные, идейно-художественные функции. Первые четыре строки песни, в которые введены поэтические символы печали и горя – ветры, горы и гусли, сразу же придают песне эмоциональную окраску, ярко и сильно выражают горестное настроение, тяжелые душевные переживания героини...» (1989, с. 116).

По замечанию М.А. Венгранович, символические образы относятся к традиционным элементам лексического уровня фольклорного текста, они художественно концентрируют традиционный социокультурный опыт и выступают в составе текста в качестве самостоятельного микротекста, восходящего к макротексту фольклорной традиции в целом (2004).

Показательны наблюдения С.М. Толстой, которая акцентирует внимание на наличие у слов в контексте культуры, помимо общеязыковых значений, **культурной семантики**, которая редко и лишь случайно фиксируется словарями (2004, с.4). Например, в контексте свадебного обряда, калиной может называться невеста, брачная рубашка невесты со следами крови, песня, исполняемая на свадьбе, и др., но, как правило, присутствует и само растение в виде украшения каравая, части убранства дома невесты, детали ее одежды и др. В известной лирической песне «Калинушка» артефакт «калина» теряет свое «вещное» содержание, свои непосредственные связи с обрядом и становится культурным символом – передает психологическое состояние замужней женщины, ее глубокую девичью грусть по прежней жизни в кругу подруг (калина в фольклоре – символ девицы).

Наличие **культурного пласта** в семантической структуре ключевых слов фольклорного текста обуславливает такое универсальное свойство фольклорной лексики, как **изофункциональность**, то есть

«синонимичность» другим знакам культуры: предметам обряда, атрибутам определенной ситуации и др.

Подчеркнем, что предложенная стратификация «затекстовых» значений фольклорного слова (семиотические, символические, культурные) является условной, так как эти значения трудно, а иногда практически невозможно выделить «в чистом виде»: они взаимно проникают друг в друга, что приводит к **диффузии семантики** слова в фольклорном тексте, которая, с одной стороны, делает семантический объем фольклорного слова насыщенным, а с другой стороны, приводит к известной неопределенности его значения.

Ученые констатируют, что в фольклорных текстах большинство знаменательных слов ценностно окрашено. Это обуславливает наличие в семантической структуре фольклорного слова особого **оценочного компонента**, который довольно часто преобладает и даже нейтрализует номинативный. Акцентуация ценностной составляющей в семантической структуре фольклорного слова является требованием жанра фольклора с его нравственной оценкой всего существующего в фольклорном мире.

Субъектом языковой оценки в фольклоре является коллективная языковая личность, фольклорный социум: «Семантика фольклорного слова, извлекаемая из семиотических и символических глубин народной культуры, формируется оценивающим и эмоциональным взглядом фольклорного социума на предмет, обозначенный этим словом» (Никитина 1999, с. 38).

Народно-поэтическое слово не только строит фольклорный мир, но и оценивает его. Особенно это показательно в тех случаях, «когда употребление слова в номинативном значении противоречит логике здравого смысла», именно тогда «мы отчетливо видим оценочный характер его» (Хроленко 1992, с.72).

Так, А.Т. Хроленко на материале лирической песни убедительно показал, что слово «белый» в народных произведениях не только обозначение цвета, но и универсальный знак положительного. Эмоционально-экспрессивно окрашено в песне и слово «новый», оно также всегда употребляется со знаком «+»: новый терем, новые ворота, новые сени, новые сани, новая скрипочка, новая хата... Это слово в фольклорных текстах часто теряет свою способность образовывать антонимическую пару со словом «старый», поскольку в его структуре преобладающим является не номинативный компонент семантики, а оценочный.

В заключение необходимо отметить, что перечисленные свойства фольклорной лексики являются градуированными, то есть могут быть характерны для определенной лексики в большей или меньшей степени, что во многом обусловлено жанром фольклорного произведения и соответствующими фольклорными авантекстовыми элементами.

Венгранович М.А. Экстралингвистическая обусловленность лингвостилевой специфики фольклорного текста. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. – 197 с.

Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. – М., 1989. 223 с.

Неклюдов С.Ю. Авантекст в фольклорной традиции // Живая старина.- № 4. – 2001. С. 2-4.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. - М: Наука, 1993. - 385 с.

Никитина С.Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании: дис. в виде научн. доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. -М., 1999.- 54 с.

Никитина С.Е., Кукушкина Е.Д. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезаурусного описания). - М.: ИЯз РАН, 2000. - 216 с.

Оссовецкий И.А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. - М.: Наука, 1979. - С. 199-252.

Пропп В.Я. Русская сказка. – М.: Лабиринт, 2000. – 414 с.

Путилов Б.Н. Современная фольклористика и проблемы текстологии // Русская литература. 1963. - № 4.

Сердюк М.А. Описательно-изобразительная функция обращений в русской народной лирике // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2008, Вып. 10. С. 94-97.

Толстая С.М. Язык и культура и язык культуры // Живая старина. 2004. - № 1. С. 4-7.

Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. - 137 с.

Червинский П.П. Семантический язык фольклорной традиции. – Ростов-на - Дону, 1989. - 229 с.

Тексты:

Круглов Ю.Г. Русские свадебные песни. – М., 1978 (в тексте: Круглов).

Лопатин Н.М. и Прокунин В.П. Русские народные лирические песни. – М., 1956 (в тексте: Л.-П.).

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева (подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа). – Т.1. – М., 1957 (в тексте: Афанасьев).

Русская народная поэзия: лирическая поэзия (составление и подготовка текста А. Горелова). – Л., 1984 (в тексте: Горелов).

Русские народные сказки (вступительная статья, составление и подготовка текстов А. Нечаева и Н. Рыбаковой). – М., 1952 (в тексте: А. Нечаев и Н. Рыбакова).

Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина.- Т. 2. – Л., 1986 (в тексте: К.-Як., II).

И.Ю.Соловьёва

Идейно-художественная функция пейзажа и образов цветов в романе Д.Г. Лоуренса «Сыновья и любовники»

Д. Г. Лоуренс – «великий певец английской природы, видевший в человеке частицу её вечного мира» (Daleski 1999, p.86). Он преклонялся перед природой, верил в живительную мудрость, естественных и инстинктивных начал. Чудом творения Д.Г.Лоуренс объявил саму жизнь, которая «всегда была и всегда будет» (Lindsay 1999, p. 266). «Чудесное»

писатель считал драгоценным элементом человеческой жизни. «Когда чудесное уходит из человека, он умирает... Чувство чудесного - наше шестое чувство» (там же).

Новаторство писателя состоит не в самом факте обращения к миру природы, английские писатели и до него охотно и часто обращались к нему, но Лоуренса гораздо в большей степени, чем его предшественников, интересовала живая природа сама по себе, а не только как предлог для рассуждений о человеке. И все же главное в его произведениях не точность передачи характернейших свойств и особенностей существования животных и растений, а ощущение активной жизни живой природы, её мощной чувственной энергии, которая противопоставлена человеческому существованию, бесцветному, скованному всевозможными условностями, ограничениями цивилизации. Убежденный в том, что человек и все живое в природе – выражение одной и той же основной энергии, Лоуренс обнаруживает аналогию между человеческим бытием и жизнью растений и животных. Так, например, в романе «Сыновья и любовники» опадание листвы осенью, отцветающие цветы ассоциируются с умиранием, появление цветов – с зарождением любви, холодная желтая луна – с расставанием.

Эти аналогии ещё больше подчеркивают мысль о том, что человек, поработанный цивилизацией, утратил многое из того, чем владеют птицы, звери, деревья и цветы. Они мудрее нас, они хранители изначальных законов бытия, отсюда стремление Лоуренса рассмотреть каждое живое существо само по себе и как символ каких-то абсолютных начал.

Лоуренс не стремится представить человека венцом творения, он уравнивает его в правах с остальными представителями живой природы, подчеркивая их глубокое родство и внутреннюю близость.

В романе «Сыновья и любовники» Д. Г. Лоуренс использует эпизоды, связанные с природой, для более тонкого, чувственно конкретного раскрытия образов своих персонажей. Чтобы сделать видимым, почти осязаемым внешний облик своих героев в той среде, в которой они действуют, разобрать механизм их страстей, объяснить ход и изменение их мыслей, выразить самые мимолетные их ощущения, писатель прибегает к описанию природы. Лоуренс приобщает нас в романе к миру открытых переживаний своих героев через природные зарисовки.

В «Сыновьях и любовниках» автор показывает жизнь героев, сотканную из чувств и ощущений, включающих звуки («sound of the sea», «whisper of the sea»), запахи («the air was charged with the perfume of lilies»), зрительные образы («enormous orange moon»). Лоуренс превращает сюжет произведения в серию эскизных зарисовок, посвященных разнообразным, постоянно меняющимся психическим состояниям героев.

Пейзажные зарисовки сопровождают и развитие отношений Поля и Мириэм. Чувства этих героев друг к другу сложны, запутанны и трудно уловимы. Поэтому Д.Г. Лоуренс для более тонкого раскрытия душевных движений своих персонажей, быстрой смены чувств и ощущений

использует образы природы. Так, например, в эпизоде, когда Поль приглашает Мириэм в сад посмотреть на душистый горошек, художник показывает быструю смену настроения главного героя: от возвышенного, на что указывают «flower garden», «warm light», «blossom», «cream» и «pale blue colors», до подавленного («orange-red sky»), изображает резкую перемену чувств, которые до этого испытывал Поль к Мириэм (от любви к ненависти).

Поля и Мириэм тяготила людская суэта, поэтому они всегда стремились побыть наедине на лоне природы, где им не нужно было притворяться, скрывать своих чувств. Оставшись вдвоем, герои не делали друг другу признаний в своих чувствах, за них говорила сама природа. «One day in March he lay on the bank of Nethermere, with Miriam sitting beside him. It was a glistening, white –and-blue day. Big clouds, so brilliant, went by overhead, while shadows stole along on the water. The clear spaces in the sky were of clean, cold blue. Paul lay in his back in the old grass, looking up...All his strength and energy she drew into herself through some channel which united them. She did not want to meet him, so that there were two of them, man and woman together. She wanted to draw all of him into her. It urged him to intensity like madness, which fascinated him, as drug-taking might» (Lawrence 1998, p.170).

В этом эпизоде Лоуренс подчеркивает проявление мужского и женского начал. Не случайно писатель использует для этого пейзажную зарисовку, т.к. по его мнению, только на лоне природы в полной степени проявляются два вышеупомянутых начала.

С помощью пейзажа и образа цветов Лоуренс неоднократно подчёркивает природное происхождение этих двух противоборствующих начал. Здесь находит отражение один из основных философских принципов – единства и борьбы противоположностей: два конфликтующих начала, борясь друг с другом, тем не менее не могут существовать один без другого, составляют единое целое, сметая на своём пути всякого смертного, который попытается доказать обратное.

В отношениях Поля и Мириэм писатель выделяет как их разные природные начала, так и их разные натуры. «There was a great crop of cherries at the farm. The trees at the back of the house, very large and tall, hung thick with scarlet and crimson drops under the dark level...The wind, moaning steadily, made the whole tree rock with a subtle, thrilling motion that stirred the blood. The man... reached down the boughs, where the scarlet beady cherries hung thick underneath, and tore off handful of the sleek, cool-fleshed fruit. Cherries touched his ears and his neck, as he stretched forward, their chill fingers sending a flash down his blood...The sun, going down, suddenly caught the broken clouds. Immense piles of gold flared out in the south-east, headed in soft, glowing yellow right up the sky...Everywhere the trees, and the grass, and the far-off water, seemed roused from the twilight and shining. ... Gold flamed to scarlet, like pain in its intense brightness. Then the scarlet sank to rose, and rose to crimson, and quickly the passion went out from the sky. All the world

was dark grey... Later it began to rain. The pine tree smelled very strong. Paul lay with his head on the ground, on the dead pine-needles, listening to the sharp kiss of the rain – a steady, keen noise. His heart was down, very heavy (Lawrence 1998, p.249).

Этот яркая пейзажная зарисовка насыщена намеками Лоуренса на различие натур Поля и Мириэм. Жаркий летний день, ветер, от которого замирает кровь, спелая вишня – характеризуют натуру Поля. Причем, доминирующим образом является образ темно-красной вишни. Темно-красная вишня ассоциируется с женщиной, которая нежно ласкает прохладными кончиками своих пальцев тело Поля и будоражит его кровь. Все вышеперечисленные образы, указывают на физическую, земную натуру героя. Более того, яркие краски и возвышенный тон пейзажа говорят о страстном желании Поля обладать Мириэм.

Но потом при появлении девушки, мы наблюдаем резкую смену настроения, краски сгущаются, алый закат вызывает боль, ощущение страсти быстро проходит, наступает темнота. Темнота, описанная Лоуренсом в этом эпизоде, несет в себе двойной смысл. С одной стороны, героиня видит в темноте что-то таинственное, настораживающее. Темнота пугает ее. Она испытывает смятение. Для нее темнота нечто большее, чем просто явление природы. С другой стороны, темнота ассоциируется с жертвоприношением Мириэм. Она отдается Полю ради их любви, не испытывая при этом желаний. Плотская любовь ей чужда и непонятна. «Oblivious man was a stranger to her» (Lawrence 1998, p.249), так говорил о ней сам Поля.

Пейзажная зарисовка заканчивается описанием дождя, который смывает не только неудовлетворенность Поля и смятение Мириэм, но и их любовь. О смерти любви героев также говорит образ мертвых сосновых иголок на земле («the dead pine-needles»).

Изображая мир природы, Лоуренс обращается к детальному описанию пейзажа, а именно к одной из его самых ярких, неотъемлемых составных частей – цветов. Цветы упоминаются в романе тридцать три раза в самых разнообразных ситуациях. К примеру, изображение Мириэм, как правило, сопровождается упоминанием о самых разных цветах – георгинах, колокольчиках, душистом горошке, которые героиня как бы хочет вобрать в себя, сделать их частью своего существа.

Цветы сопровождают разные этапы в жизни миссис Морел, а именно – её молодость и старость, дни умирания. В начале замужества Гертруда после ссоры с мужем оказывается в саду: «При лунном сиянии она увидела высокие белые лилии, наполнявшие своим запахом тихий ночной воздух. Они сперва испугали её своей торжественной неподвижностью. Она сорвала несколько больших бледных цветов и поднесла их к лицу. Потом просунула палец в одну из чашечек. Палец её покрылся золотой пылью. Запах был так силен, что она почувствовала тошноту» (Лоуренс 1991, с.26).

Например, в этом эпизоде: «the clumps of white phlox seemed like bushes spread with linen; a moth ricocheted over them and right across the garden.

Following it with her eye roused her. A few whiffs of the raw, strong scent of phlox invigorated her. She passed along the path, hesitated at the white rosebush. It smelled sweet and ruffles of the rose. Their fresh scent and cool, soft leaves reminded her of the morning- time and sunshine. She was very fond of them. But she was tired, and wanted to sleep. In the mysterious out- of- doors she felt forlorn» (Lawrence 1998, p.23) – образы лилий, флоксов, роз раскрывают душевные переживания миссис Морел, её подавленное состояние, неудовлетворённость семейными отношениями. Единственно кому может открыться Гертруда, поделиться своими чувствами – это природа. Аромат цветов наполняет её жизнью, даёт силы и энергию для борьбы.

В основе лоуренсовского метода воспроизведения мира лежит наблюдательность и зоркость художника, его самое обострённое внимание к тончайшим мгновениям жизни природы. К зрительным образам, запахам, цветам, звукам. Причём, изображая природу, Лоуренс отходит от традиционной функции пейзажа. Писатель использует природные зарисовки для передачи душевного движения героев, их потайных чувств, прорывающихся наружу благодаря каким-то сильным, бессознательным природным импульсам, их бушующей страсти, борьбы мужского и женского начал.

Daleski H.M. The Forked Flame. A study of D.H. Lawrence / H.M. Daleski. – London, 1999. – 280 p.

Fielding M. Notes on D.H. Lawrence «Sons and Lovers» / M. Fielding. – London: Methues Educational Ltd., 1998. – 70 p.

Gilbert S.B.H. Lawrence's «Sons and Lovers» and «The Rainbow», «Woman in Love», «The Plumped Serpent» / S.B.H. Gilbert. – N. Y.: Monarch Press, 2000. – 110p.

Lindsay J. Paintings of D.H. Lawrence / J. Lindsay. – L., 1999. – 193 p.

Lawrence D.H. Sons and Lovers / D.H. Lawrence. – Gr. Br.: Wordsworth classics, 1998. – 370 c.

Лоуренс Д.Г. Сыновья и любовники / Д.Г. Лоуренс – М.: Пресса, 1991. – 450 с.

Е.П.Чечикова

Рифмические стилеобразующие средства (на материале поэтических текстов А.Н.Майкова)

Комплексный анализ художественного текста, в том числе поэтического, невозможен без обращения к теории речи, поскольку объектом её исследования являются тексты разной временной, жанровой и стилистической отнесённости. Данная работа посвящена исследованию рифмических стилеобразующих средств в поэзии А.Н.Майкова.

Рифмические стилеобразующие средства изучаются в плане стиля языка, стиля речи и индивидуально-авторского стиля, то есть выявляются их общие и частные стилистические функции.

Рифма (от греч. *rhythmos* – соразмерность, складность) – это созвучие концов стихов, отмечающее их границы и связывающее их между собой. Рифма относится не только к звуковому, но и к ритмическому (метрическому) устройству стиха. В организации стиха рифма играет большую роль, так как она связана не только с ритмом, но и звуковой организацией стиха в целом, лексикой, интонацией и синтаксисом, строфикой (Словарь литературоведческих терминов 1999, с.176 – 177).

В рифме могут повторяться отдельные звуки, слова, группы слов, в исключительных случаях – целые строки. Иногда один или несколько звуков одного и того же слова не встречаются соответствия в другом. Рифма отмечается звуковым повтором клаузулы (стихотворного окончания), подчёркивая межстрочную паузу.

В зависимости от расположения ударения в рифмующихся словах рифмы бывают следующих видов.

Мужские – рифмы, основанные на мужской клаузуле. Ударение падает на последний слог (*моря – заря*). У А.Н.Майкова встречается большое количество подобных рифм.

Осыпал – читал:

Над прахом гения свершать святую тризну
Народ притек. Кто холм цветами *осыпал*,
Кто звучные стихи усопшего *читал*,
Где радовался он и плакал за отчизну...(108)

Стилистическая функция такого вида рифм в данном контексте заключается в том, что она служит одним из средств выражения *бурного переживания*.

Женские рифмы – это рифмы, основанные на женской клаузуле. Ударение падает на второй от конца строки слог (*волна^{ми} – слеза^{ми}*). У А.Н.Майкова также встречается такой вид рифмы.

Сказанья – воспоминанья:

Как чудных странников *сказанья*
Про дальние края,
О прошлых днях *воспоминанья*
В душе читаю я...(110)

Стилистическая функция женской рифмы в данном контексте – выражение картины *лирического раздумья*.

Дактилические рифмы – это рифмы, основанные на дактилической клаузуле. Ударение падает на третий от конца строки слог (*глубокая – одинокая*). В текстах А.Н.Майкова в рамках исследуемого материала дактилическая рифма встречается только один раз.

Девочка – звездочка:

Новая, светлая *звездочка*
В сумрак души моей глянула!
Это она, моя *девочка!* (162)

Стилистическая функция дактилической рифмы в приведённом примере – выражение *восхищения*.

Гипердактилических рифм с ударением на четвертый и последующие слоги в проанализированных текстах А.Н. Майкова не обнаружено.

По расположению ударения в строке рифмы бывают следующих видов.

Перекрёстные – рифмы, связывающие соседние стихотворные строки попарно по схеме АБАБ. Такой вид рифмы находим у А.Н. Майкова в следующем контексте.

Погубят – дни – любят – они:

Они – и мухи не *погубят!*
И – дай господь им долги *дни!* –
Мне даже кажется, что *любят*
Друг друга искренне *они!* («Филантропы», 111)

Стилистическая функция перекрёстной рифмы в этом четверостишии – выражение *динамики чувств* лирического героя.

Опоясанные (кольцевые, охватные) – рифмы, связывающие первую строку четверостишия с четвертой, а вторую – с третьей по схеме АББА. У А.Н. Майкова такой вид рифмы встречается редко.

Застаю – лежащей – не находящей – мою:

«Нет! прежней Нины нет! Когда я *застаю*,
Опомнясь вдруг, себя пред образом *лежащей*,
Молиться жаждающей, но слов не *находящей*,
И чувствую, как жжет слеза щеку *мою...*»
(«Размен», 121)

Стилистическая функция рифмы в данном контексте заключается в том, что она служит средством выражения *печальных размышлений* лирической героини.

Смежные – рифмы, связывающие соседние строки в стихотворении по схеме ААББ. Этот вид рифмы у А.Н. Майкова тоже редок.

Грома – дома – елью – веселью:

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни *грома*,
Вдруг застал нас ливень далеко от *дома*;

Мы спешили скрыться под мохнатой *елью*...
 Не было конца тут страху и *веселью*! («Под
 дождем», 145)

Стилистическая функция рифмы – выражение *восторга*.

В зависимости от совпадения звуков в рифмующихся словах различают следующие виды рифм.

Точные (полные, обыкновенные) – рифмы, в которых совпадают все звуки, начиная с последнего ударного гласного (*послушный – простодушный*). В поэтических текстах А.Н. Майкова встречаются примеры точных рифм:

Пенье – отдаленье, меня – звеня:

Давно какой-то девы *пенье*
 В лесу преследует *меня*,
 То замирая в *отдаленье*,
 То гулко по лесу *звеня*. («Голос в лесу», 147)

Стилистическая функция точной рифмы в данном примере – выражение *настойчивости ощущения*.

Неточные – рифмы с несовпадающими звуками (*распят – паспорт*). Эта рифма часто встречается в стихотворных произведениях А.Н. Майкова.

Снова – голубого:

Какое утро!.. Море *снова*
 Приемлет свой зеркальный вид,
 Хотя вдоль лона *голубого*
 Тяжелый вздох еще бежит. (174)

Стилистическая функция неточной рифмы в этом случае – способствовать созданию эффекта *нарушенной гармонии*.

В зависимости от характера повторяющихся элементов рифмы делятся на простые и составные.

Простые рифмы образуются повторением отдельных звуков. У А.Н. Майкова находим примеры подобных способов рифмовки.

Горам – берегам:

Перед тобой синее море,
 Заря играет по *горам*,
 Но как тоскующая лебедь
 Блуждаешь ты по *берегам*... («К мисс Мери», 175)

Стилистическая функция простой рифмы в данном контексте – способствовать выражению *настойчивости эмоций* лирического героя.

Составные – рифмы, состоящие из двух или более слов, объединённых ударением (*где вы – девы*). При этом из двух слов, составляющих одну рифму, одно или совсем не имеет ударения (частицы, простые союзы, предлоги), или имеет очень ослабленное (в местоимениях), которое теряется в рифме. Составные рифмы долго считались комическими и в XIX веке употреблялись преимущественно в шутливых стихотворениях. В текстах А.Н. Майкова примеры составных рифм немногочисленны.

Страже – когда же:

И, тихо радуясь, она в их сонм вступает,
Но, замедляя шаг, свой взор по временам
С заботой нежною на землю обращает
И ждет, иду ли я за нею по следам...
Я знаю, милая! Я день и ночь на страже!
Я господу молю! Молю и жду – когда же? («Из
Петрарки», 204)

Стилистическая функция составной рифмы – способствовать выражению *экспрессивности переживаний* лирического героя.

Кроме того, различают следующие виды рифм.

Богатые – рифмы, основанные на повторении значительного числа совпадающих звуков (*томленья – исцеленья*). У А.Н. Майкова встречаются рифмы такого типа.

Глубокий – строки:

Нежданной молнией, вполне
Открывшей мне тот мрак глубокий,
Где чуть дышу я, были мне
Тобой начертанные строки...(243)

Стилистическая функция богатой рифмы – способствовать выражению *полноты и глубины чувств* лирического героя.

Бедные – рифмы, основанные на повторении малого числа звуков (зову – иду). В таких рифмах созвучны окончания, начиная с ударного гласного. В стихотворениях А.Н. Майкова встречаются немногочисленные примеры бедных рифм.

Точно я – струя:

Его стихи читая – точно я
Переживаю некий миг чудесный:
Как будто надо мной гармонии небесной
Вдруг понеслась нежданная струя... («Перечитывая
Пушкина», 252)

Стилистическая функция рифмы – способствовать выражению *стремительности переживаний* лирического героя.

В зависимости от того, сколько раз рифма повторяется в строфе, различают двойную (два раза), тройную (три раза) и четверную (четыре раза) рифму.

Рифмическое строение поэтических текстов А.Н.Майкова не несёт в себе яркого отпечатка индивидуально-авторского стиля. Наиболее излюбленная рифма у поэта – точная перекрёстная (реже – кольцевая), с чередованием женских и мужских клаузул. Частое использование перекрёстных рифм передаёт во многих случаях динамику событийного ряда, динамику чувств, эмоций и переживаний лирического героя.

Рифмические стилеобразующие средства поэтических текстов А.Н.Майкова полифункциональны. Наличие рифм маркирует тексты по образности и ритмичности в аспекте стиля языка художественной литературы. Тип рифмы (кольцевая) маркирует тексты в плане стиля речи именно данной жанровой приуроченности (элегия). Значение рифмы (динамика определённых мыслей и чувств лирического героя) маркирует тексты в аспекте индивидуально-авторского стиля (Припадчев 2005, с.74 – 111).

Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики / В.В. Виноградов. – М., 1981. – С. 10 – 171

Припадчев А.А. История русского литературного языка / А.А. Припадчев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. – 121с.

Словарь литературоведческих терминов / Под ред. В. И. Тимофеева. – СПб, 1999. – 453 с.

Художественный дискурс

Л.М. Борисова

Функционально-прагматический потенциал текстоформирующих метакоммуникативных речевых действий в повести Э. Штритматтера «Зелёный июнь»

Повесть Э. Штритматтера «Зелёный июнь» является второй частью его «Laden»-трилогии, в которой повествователь Эзау Матте (Esau Matt) от первого лица рассказывает о своих переживаниях и впечатлениях, о своей Одиссее в карельских древних лесах, Эгейском море, на богемских картофельных полях, пока он не попадает к себе домой, в тюрингский Гроттенштадт, где узнаёт, что его жена намеревается стать американкой.

Эзау Мате, человеку, недавно сбросившему военную форму, приходится разбираться в массе новых впечатлений и переживаний, в том числе и личного характера. Осмыслить и осознать всё происшедшее и происходящее помогает ему непреодолимое желание писать. Воспоминания о первых послевоенных годах являют собой процесс становления личности писателя. В повести «живо» воссоздан первый, трудный, послевоенный июнь, автору удастся добиться впечатления, «что мы словно живыми участниками входим в то смутное, непонятное, такое ещё зыбкое и неопределенное послевоенное время» (Штритматтер 1989, с.6).

Тональность повести обусловлена своеобразием индивидуального стиля писателя, характеризующимся особой доверительной манерой изложения материала и повышенной степенью близости с читателем, достигаемыми с помощью использования множественных метакоммуникативных речевых действий с ёмким функциональным потенциалом, позволяющим добиться эффекта «живого присутствия при описываемых событиях».

При анализе метакоммуникативных речевых действий мы опираемся на классификацию М. Фирле (Firle M., 1987, 59-73).

В представленном ниже контексте цель метакоммуникативного организующего речевого действия – создание определенного напряжения при восприятии потенциальным читателем излагаемой повествователем истории.

1. Die Amerikaner nehmen mich nicht gefangen, weil die Antifaschisten des Ortes bescheinigen, dass ich schon längere Zeit als Zivilist unter ihnen lebte, und ich bleibe frei. ***Vielleicht wird einmal Zeit sein, über das alles zu reden, vor allem darüber, dass ich dann doch noch erschossen werden sollte, obwohl ich nicht gern von Krieg und Kriegstaten rede (S. 5).***

Американцы не берут меня в плен, поскольку антифашисты посёлка готовы засвидетельствовать, что я уже давно проживаю среди них как лицо вполне цивильное. Так я остаюсь на свободе. ***Быть может, когда-нибудь настанет время рассказать обо всём этом подробнее, и прежде всего рассказать о том, что меня собирались расстрелять, хоть я и не охотник говорить про войну и военные подвиги (с. 13)***

В следующем примере повествователь с помощью метакоммуникативного речевого действия эксплицитно управляет восприятием читателя и пытается предотвратить некоторый сбой в процессе коммуникации, не только прибегая к оценочному объяснению целесообразности изложенной выше нарративной информации, но и манифестируя своё конкретное намерение относительно дальнейшего хода повествования.

2. Ich sah Leute aus ganz Deutschland und viele Ausländer zu den Grotten pilgern. Für mich waren sie nicht vorhanden.

Es gehört noch nicht hierher, aber es gehört zu meinem Erzählstil, deshalb verlautbare ich gleich jetzt, dass ich in diese Grotten erst fünfzehn oder sechzehn Jahre später steigen werde, und ich werde in Grottenstadt sein, um

kaukasischen Literaturprofessoren die Baracke in den Saalwiesen zu zeigen, in der ich damals wohnte ,... (S.26)

Я видел, как туда совершают паломничество люди со всех концов Германии и даже иностранцы, но для меня пещеры как бы не существовали.

Это не относится к ходу моего повествования, но зато относится к моему повествовательному стилю, и потому я считаю нужным упомянуть прямо сейчас, что сподоблюсь повидать эти пещеры лет пятнадцать, а то и шестнадцать спустя, когда снова окажусь в Гроттенштадте и буду демонстрировать кавказским профессорам литературоведения барак среди заливных лугов Заале, где я обитал в те времена,... (с30).

Оценочный характер имеет и другое профилактическое речевое действие, исполненное на метаакциональном уровне, касающееся манеры повествования самого рассказчика и представляющее собой прямое обращение к читателю. После ироничной ремарки по поводу его возможных намерений читатель не может отвлечься от последующего повествовательного пассажа, являющего собой философские размышления автора-повествователя о современной литературе и вновь заканчивающееся кратким фрагментом, эксплицирующим интенцию повествователя. Он собирается излагать дальнейшие события, и это метакоммуникативное речевое действие имеет целью дальнейшую концентрацию внимания воспринимающего данное повествование читателя.

3. Ich erzähle das vielleicht zu ausführlich und setze mich der Gefahr aus, dass meine Leser diese Stelle meiner Ausführungen ungelesen lassen oder überhaupt aufhören mit dem Lesen, weil ihnen heutzutage Romane, immer wieder Romane angeboten werden, in denen es um Produktions- und Leistungssteigerungen in der Industrie geht, und weil es sogar Romane gibt, in denen Produktion und Leistungssteigerung die höchsten ethischen Kategorien sind, an denen die Über- und Unterhelden gemessen werden,... Und das eben ist schriftstellerische Falschmünzerei und Verlogenheit von Leuten, die nie in einer Fabrik an Maschinen standen. Ich weiss es, dass man bei dieser Arbeit ohne ein geistiges Überdrauf nicht auskommt. Ich habe es erfahren, und ich musste mir damals mein geistiges Überdrauf aus mir selber beschaffen, ***und es ging in dem Falle, von dem ich rede, so zu: ...***(S. 34-35).

Возможно, я излагаю всё слишком подробно и рискую, что мои читатели проскочат эту часть моего повествования, а то и вовсе перестанут читать, потому что сегодня их потчуют сплошь романами, в которых повышение производительности труда и выпуск готовой продукции суть высшие эстетические категории, которыми меряют героев и антигероев,...И всё это – сплошь выдумки фальшивомонетчиков от литературы, которые в жизни не бывали на фабрике и не стояли за станком. Я знаю, что при такой работе без духовного запаса не обойтись, я

осознал это, но свой духовный запас мне приходилось добывать из себя самого, *и в случае, о котором пойдёт речь, это делалось так (с.36-37).*

В следующих ниже примерах 4, 5, 6 метакоммуникативные речевые действия имеют организующий характер. Повествователь вторгается в структуру нарратива, выходя в режим времени повествования и апеллируя непосредственно к читателю с целью охарактеризовать отдельные моменты организации своего повествования: это сиюминутная актуальность повествования о Ханне (4) и актуализация предварительного знания читателя в ходе изложения событий (5, 6).

4. Da ist die Tochter der Höhlers, und die heisst Hanna, *und ich komme jetzt erst auf sie zu reden*. Die Mutter hat ihr ihre Schlankheit, der Vater die Blondheit und das gewellte Haar zum Weitertragen übergeben; (S. 53)

А вот и дочь Хёлеров, её звать Ханна, *и я только сейчас поведу о ней речь*. Мать наделила её для дальнейшего употребления своей стройностью, отец – белокурыми волнистыми волосами, ...(с.51).

5...Hanna holt einen um den anderen Nachmittag die Jungen aus der Stadt. Der ältere ist übrigens mit den Augen der Mutter ausgestattet, mit den Augen, die mit saugenden Blicken beflucht oder gesegnet sind, und der jüngere hat Augen, die aus meiner Familie stammen könnten. Er ist zudem ein fröhlicher Junge. *Ich sagte euch schon*, dass sie Arne und Jarne heißen, aber jetzt wollen sie Jim und Joe heißen, und Frau Höhler fragt mich: Nennen wir sie so, oder fällt uns das gar nicht ein? (S. 57).

На другой день после обеда Ханна привозит из города мальчиков. Кстати, старший присвоил себе глаза матери, глаза, которые бог то ли благословил, то ли покарал зазывным взглядом, а у младшего глаза, которые вполне могли быть унаследованы от моего семейства. Вдобавок он жизнерадостный мальчик. Зовут их, *как я уже говорил*, Арне и Ярне, но теперь они желают именоваться Джим и Джо, и фрау Хёлер спрашивает меня: «Так и будем их называть или даже не подумаем?» (с.55).

6. Wieder fällt mir Jolly, der Hungerkünstler, ein, *von dem ich euch schon in einer anderen Geschichte erzählte*: In den zwanziger Jahren stellte er sich in Berlin in einem Glaskasten aus und hungerte Neugierigen gegen Eintrittsgeld tage- und wochenlang etwas vor (S.73).

И мне снова вспоминается Йолли, артист голода, *о котором я уже рассказывал вам в другой истории*: в двадцатые годы он выставял себя в стеклянном ящике посреди Берлина и за входную плату по целым дням и неделям изображал голодовку на глазах у почтенной публики (с.67).

В следующем примере метакоммуникативный комментарий, особенностью которого является эксплицитное оппонирование антиципируемому повествователем мнению читателя, носит оценочный характер

7. *Es mag euch unwichtig erscheinen, dass ich meine Begegnung mit Mohn hier aufzeichne. Mir schon nicht mehr*. Mein Gedächtnis erinnert mich an einen ironischen Gedanken, der sich mir damals aufdrängte: ...(S.60).

Вам, может, покажется маловажным, что я описываю здесь свою встречу с Моном. А мне нет. Память подбрасывает мне ироническую мысль, которая тогда у меня возникла (с. 57).

Ярко выраженный ироничный характер имеет пространный, осложненный текстоорганизующим речевым действием *уточнение* (в данном случае мы пользуемся терминологией Фирле М. (1987, S. 56), метакоммуникативный комментарий в примере 8, к которому прибегает повествователь, касаясь чрезвычайно болезненной для него темы, проходящей красной нитью через всё повествование, – его отношений с женой. Четкое декларирование своих намерений относительно стиля повествования рассказчик органично переводит на уровень изложения истории (так называемая *Darstellungsebene* (Antos G. 1982, 89).

8. Für eine gut gebaute Geschichte würde es sich gehören, dass auch meine Frau *oder jene*, die es einmal war, am Rande des Marktplatzes steht, um ihrem Farmerssohn aus Ottawa nachzuweinen. **In einem anständigen Film hätte diese Szene nicht fehlen dürfen. Aber ich baue nicht und ich filme nicht, denn je älter ich werde, desto mehr lerne ich die Wirklichkeit schätzen, und es ist die Wirklichkeit, von der ich schreibe, und ich sag es noch einmal:** die Mutter meiner Söhne war nicht unter den Weinenden (S.91).

Для хорошо закрученной повести было бы очень кстати, чтобы и моя жена, *вернее* та женщина, которая была когда-то моей женой, тоже стояла на краю площади и слезами провожала своего фермерского сына из Оттавы. **Ни один порядочный фильм не мог бы обойтись без подобной сцены. Но я не закручиваю повесть и не снимаю фильм, ибо чем старше я становлюсь, тем больше начинаю ценить действительность, и описываю я именно действительность, поэтому говорю ещё раз:** я не видел в толпе плачущих мать своих сыновей (с.81).

Определенного рода манипуляция вниманием читателя имеет место в результате выполнения организующего метакоммуникативного речевого действия в следующем примере, когда повествователь из плоскости изображения событий (*Darstellungsebene*) переходит в плоскость построения и организации самого повествования (*Herstellungsebene*). В художественном дискурсе данное речевое действие, выполненное на метаакциональном уровне, имплицитно и функцию активизации внимания читателя к дальнейшему ходу повествования.

9. Zwei Kilometer vom Obstgut entfernt, an der Straße, stehen die Kasernen. In den Reithallen standen vor dem Kriege Remonten, junge Offizierspferde, und ich war dort Veterinärgehilfe und ritt Tag für Tag junge Pferde zu. Ich war vom Arbeitsamt dort hingeschickt worden. Aber das ist wieder eine Geschichte für sich, die ich erzählen werde, wenn die Gelegenheit günstig und wenn sie an der Reihe ist (S. 91).

В двух километрах от садоводства вдоль шоссе расположены казармы. Там перед войной в манеже стояли ремонтные лошади, молодые лошади для офицеров, я же ходил в подручных у ветеринара и каждый божий день объезжал этих лошадей. Меня направило туда бюро по трудоустройству.

Впрочем, это снова сюжет для отдельного рассказа, и я перейду к нему в благоприятное время, когда настанет его очередь (с.82).

Эффект живого общения с потенциальным читателем достигается также при выполнении метакоммуникативного организующего речевого действия, характеризующего актуальное намерение повествователя добавить важную с его точки зрения информацию. В данном случае с помощью речевого действия, более характерного для непосредственной устной коммуникации, в структуре художественного дискурса создается фиктивная ситуация непосредственной устной коммуникации.

10. Geistliche tragen Ringe, um bekanntzugeben, wie viel Zoll Geistlichkeit in ihnen steckt, und sie haben diese Bekanntgabe so nötig, dass sie die Ringe sogar über den Handschuhen tragen.

Und dass ich's nicht vergesse: Es gibt Menschen, die tragen Ringe, um den Siegellack zu petschieren, falls sie Briefe zu versiegeln haben, ... (S. 98).

Лица духовные носят кольца, чтобы тем самым возвестить миру, сколько каратов духовности в них наличествует, причем они так заинтересованы в этом возвещении, что носят кольца даже поверх перчаток.

Да, и ещё, чуть не забыл: встречаются люди, которые носят кольца с печаткой, чтобы припечатывать ими сургуч, на случай, если им вздумается отправить письмо, ... (с. 87).

Для имитации живой разговорной речи служат и организующие метакоммуникативные речевые действия в следующих повествовательных фрагментах:

11. Übrigens kann man mich nicht zu den unbedingten Fingerringgegnern zählen, denn es hat in meinem Leben drei Ringe gegeben. ***Von dem ersten Ring habe ich euch schon erzählt. ...***

Auch vom zweiten Ring, der mir zulief, habe ich schon ein wenig erzählt. Es war der Ehering meiner Großmutter väterlicherseits, die wir die Amerikanische nannten. ***Ich erinnere euch rasch an die Merkwürdigkeit,*** dass sie den Ring benutzte, um uns Kindern zu demonstrieren, wie zierlich ihre Hände, besonders ihr Ringfinger, damals waren, ... (S. 98).

Кстати, меня нельзя причислить к ярым противникам колец, ибо в моей жизни было целых три кольца. ***О первом я вам уже рассказывал. ...***

О втором своём кольце я тоже немного рассказывал. Это было обручальное кольцо моей бабки с отцовской стороны, мы ещё звали её американкой. ***Я только быстренько напомню вам про такую странность:*** бабка использовала это кольцо, чтобы показать нам, детям, какие у неё были изящные руки, особенно безымянный палец в ту пору,...(с.87-88).

12. Das Honorar für die Hundeabrichtung verwandelte ich unter dem Druck raunender Koseworte in Verlobungsringe. Jetzt sind diese Ringe, ***wie gesagt,*** überflüssig geworden, und Gott weiß, wo der ihrige blieb (S.101).

Вот гонорар за натаску под нажимом сладкого лепета и превратился в обручальные кольца. Но теперь они, *как уже было сказано*, стали лишними, и одному богу известно, куда она задевала своё (с. 89).

13. Was alles so in einem Menschen steckt, von dem man nichts gewußt hat, sagt Herr Höhler. Wissen Sie, was Herr Ranz geworden ist?

Ich weiß es nicht.

Herr Ranz ist Landrat für den Kreis Grimma geworden. (*Für den Namen der Kreisstadt verbürge ich mich nicht, es kann auch Grimmitschau, Wurzen oder eine andere Stadt gewesen sein. Aus den Akten jener Zeit muß erkennbar sein, in welcher sächsischen Stadt Herr Ranz als Landrat wirkte.*) (S. 122).

- Как много в человеке скрыто всякого, о чем никто не подозревает, - говорит господин Хёлер.- Вы знаете, кем стал господин Ранц?

Я не знаю.

Он стал ландратом в округе Гримма (*не ручаюсь, что господин Хёлер назвал именно этот округ, может не Гримма, а Гриммичау, Вурцен или какой-нибудь другой город. Из документов этого времени можно при желании узнать, в каком из этих городков Саксонии господин Ранц подвизался в качестве ландрата*) (с. 106).

Эксплицитно манифестированы дискурсивные стратегии повествователя в следующих ниже примерах. В них с помощью метакоммуникативных речевых действий обозначены повествовательные намерения рассказчика, который делает экскурс в будущее, опережая время повествования:

14. *Ich will's gleich vorwegnehmen*: Wir sehen uns nie wieder (S. 129).

Забегая вперёд, хочу сказать: мы никогда больше не увиделись (с.112).

15. Wieder eine Zeit später raubt Frau Aimee mir den älteren Sohn von der Straße weg. *Davon kann vielleicht später noch die Rede sein* (с. 131).

Еще какое-то время спустя фрау Эме похитит у меня старшего сына прямо с улицы. *К этому мы, возможно, ещё вернемся* (с.113)

16. *Verzeiht, wenn ich schon ein Stückchen in die Zukunft meines ältesten Sohnes hineingriff*, wenn ich überhaupt mit der Zeit so verfare, als wäre sie ein Nichts. *Ich gestehe*, dass ich mir mit diesen Vorgriffen ein wenig Freude mache, dass ich mir vorkomme wie ein Kleingott, der das Ende einer Geschichte oder das, was so aussieht wie deren Ende, schon kennt, wenn diese Geschichte noch mittendrin ist, sich zu ereignen, oder wenn sie noch nicht zu erkennen gibt, wohin sie gehen wird, und wenn als Gottchen vielleicht sogar weiß, dass sie noch weiter, wenn das vorüber ist, was wie ihr Ende aussieht. Dieses kleine Wissen scheint mir zu den Freuden der Kleingötter zu gehören. *Kurzum*, bei dieser literarischen Verfahrensweise handelt es sich um eine Freude, die ich in der Mitte meines Lebens noch nicht kannte, aber jetzt beschreibe ich meine Lebensmitte, *wie ich euch schon bekanntgab*, vom Ende her, und das ist es, was es ist (с. 131).

Простите, если я снова забежал вперёд, говоря о будущем своего старшего сына. Если я обхожусь с временем, словно это пустяк. *Признаюсь вам честно*, такими забежками я немного тешу себя самого. Кажусь себе маленьким божком, которому уже известен конец истории

или то, что можно принять за её конец, когда сама история ещё не дошла до середины либо еще не дала понять, как она будет развиваться дальше. Мне же на правах божка известно даже, что она ещё продлится, когда минет то, что сейчас можно принять за её конец. Это маленькое знание, как мне кажется, принадлежит к набору радостей для маленьких божков. Ну, *короче говоря*, при этом литературном методе речь идет о радости, которая ещё была мне неведома на середине моей жизни, теперь же я описываю середину своей жизни, *как сообщал ранее, уже миновав эту середину - другими словами, с конца, и как оно есть, так и есть* (с.114).

Анализ текстовых фрагментов №16 показывает наличие элементов, расширяющих структурно-семантическую основу текста оригинала, а именно – включение переводчиком самоинициированной парафрастической индикации *другими словами*, отсутствующей в исходном тексте и влекущей за собой соответствующее графическое оформление. Появление текстоорганизующего речевого действия *парафразирование* обусловлено, на наш взгляд, необходимостью аспектуализации включенной повествователем дополнительной информации о временном отрезке, уточняющей информацию текста оригинала: *vom Ende her-* (*другими словами*), *с конца*.

Обращает на себя внимание и более четко и компактно выраженное на русском языке коммуникативное намерение повествователя, озвученное на метаакциональном уровне: *простите, если я снова забежал вперёд*, и лишь затем следует переход к изложению самой истории. В тексте оригинала, на наш взгляд, предложена формулировка, более интегрированная в повествовательную структуру в силу цельности своего синтаксического и фонетического оформления.

Проведенный анализ показал, что метакоммуникативные речевые действия в данном дискурсе используются: для создания определенного напряжения при восприятии потенциальным читателем излагаемой повествователем истории; с целью управления восприятием читателя, активизации его внимания и заинтересованности; для манифестации конкретных намерений рассказчика относительно дальнейшего хода повествования; с целью актуализации уже полученного читателем ранее в ходе повествования знания; в случае антиципации нежелательной реакции читателя и предложения оценки, противоречащей ожидаемой; для эксплицитной характеристики стиля повествования; с целью создания фиктивной ситуации непосредственной устной коммуникации; с целью манифестации экскурса в будущее в процессе повествования.

Antos G. Grundlagen einer Theorie des Formulierens. Textherstellung in geschriebener und gesprochener Sprache. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1982.- 216 S.

Firle M. Erzählen als Sprachhandlung in der poetischen Kommunikation//LS/ZISP, R.A, Arbeitsberichte 167.- Berlin, 1987.-128 S.

Источники

Erwin Strittmatter. Grüner Juni. Eine Nachtigall- Geschichte. Aufbau Taschenbuch Verlag GmbH, Berlin. 4. Auflage 2002. S. 135.

Эрвин Штриттматтер. Зеленый июнь. Перевод С. Фридлянд. Редактор Е. Кашеева. (Erwin Strittmatter. Grüner Juni. Aufbau-Verlag, Berlin und Weimar 1985). С. 13- 117./ Современная повесть ГДР: Сборник. Пер. с нем.- М.: Рб Радуга, 1989.- 624 с.

Синан Заки

Существительные, называющие насекомых, в русском художественном дискурсе

Существительные, называющие насекомых, достаточно широко представлены в русском художественном дискурсе, причём не только внутри текстов, но и в заголовках, начиная с «Кузнечика» М.В.Ломоносова и заканчивая «Жизнью насекомых» В. Пелевина.

Поскольку в художественном тексте каждый составляющий его компонент служит определённой цели, работает на реализацию авторской интенции, представляется интересным рассмотреть, какие функции в текстовой структуре могут выполнять лексические единицы, называющие насекомых. С этой целью было проанализировано 15 произведений современной художественной прозы.

Анализ контекстов показал следующее. Наиболее часто номинации насекомых используются автором при изображении места и времени описываемого события с целью вызвать у читателя яркое, образное представление. Например:

*Сухо трещали **кузнечики**. <...> Трудились на цветах неутомимые, перемазанные жёлтой пылью **пчёлы*** (И.Малышев. Подменыши).

В данном контексте использование наименований насекомых и указание на их поведение служит цели изображения жаркого летнего дня на открытом, поросшем травой пространстве.

*Ярко-голубая тоненькая **стрекоза** зависла над водой, резко рванулась вбок, остановилась* (М.Галина. Малая Глуша).

*На мели между утонувшими жёлтыми листьями стоит стайка мальков. Длиннолапые **водомерки** рассекают отражения деревьев в пруду* (В.Орлова. Больная).

Описания стрекозы и водомерки дополняют изображение водоёмов, делают их более наглядными и реалистичными.

***Комары** стояли плотной стайей между красноватыми стволами сосен в теневом промежутке между солнечными лучами, падающими почти отвесно* (М.Галина. Малая Глуша).

В данном контексте изображение насекомых служит цели более полного и наглядного описания летнего леса.

При описании ночной природы используются названия насекомых, ведущих ночной образ жизни. Например:

В травах саванны трещали цикады (И.Малышев. Подменыши)

Приведённые примеры показывают, что номинации насекомых играют важную роль в организации пространственно-временного континуума художественного текста.

Поскольку пейзаж в художественном тексте часто служит средством экспликации психологических явлений, описание насекомых может быть связано с выражением эмоционального состояния персонажа или повествователя. Например:

На лиловых цветках розового осота сидели бабочки «павлиний глаз». Вот. Цветы и бабочки. Иногда по три-четыре на одном растении. И ощущение было такое, что ты шёл-шёл куда-то и вдруг просто вышел на другую сторону ленты Мёбиуса, на другую сторону мира, может быть даже в рай, где нет ни проблем, ни представителей низшего разума, ни безработицы, ничего такого. Просто цветы и бабочки (Василий Голованов. Лето бабочек.).

Данный фрагмент текста передаёт чувство радости и восторга, охватившее повествователя.

Кроме того, в произведениях современной прозы номинации насекомых могут использоваться для оценочной характеристики человека, например:

Временами бывал добродушен, как провинциальный дядюшка..., а то... подл, как скорпион (С.Алексиевич).

...На огородах трудолюбивые, как муравьи, горожане, идёт уборка картофеля... (А.Азольский. Лопушок).

У нас вокруг мало-мальски успешного дела тут же заводится куча вшей-посредников (А.Слаповский. Не сбылась моя мечта).

И, наконец, наименования насекомых в современной прозе могут использоваться для создания аллегории. Ярким примером является роман В.Пелевина «Жизнь насекомых», в котором люди представлены в облике этих представителей фауны. Персонажами данного произведения являются таракан Серёжа, жуки-скарабеи (отец и сын), ночной мотылек Митя, муха Наташа, комары Арнольд (бывший Паша) и Артур, муравьиная самка Марина, её отец Николай – офицер «Магаданского муравейника» и другие.

Герои произведения узнаваемы, потому что маски насекомых удивительно точно передают их сущность, они – типаж постсоветского периода. Принцип буддизма о возможном переселении человеческих душ в животных, насекомых В. Пелевин доводит до абсурда. Обитатели этого мира взаимодействуют друг с другом в двух равноправных телесных модусах – людей и насекомых. Каждое действие героя как насекомого немедленно отзывается в нем как в человеке. Жизнь людей-насекомых оказывается непрерывающейся взаимосогласованной симуляцией актов существования. В романе прослеживается мысль о том, что источник всех бед – нравственная неполноценность личностного начала, неизбежным следствием которой является общая социальная неустроенность. По

замечанию критика А. Гениса, В.Пелевин пишет в жанре басни, «мораль» из которой должен извлекать сам читатель.

Таким образом, номинации насекомых в современной художественной прозе выполняют следующие функции: 1) создание образной наглядности при изображении пространственно-временного континуума, 2) экспликация эмоционального состояния персонажа, 3) оценочная характеристика человека, 4) выражение аллегории.

Т. И.Лапшина

Особенности диалогических единств в романной прозе Зигфрида Ленца

Зигфрид Ленц относится к традиционалистскому крылу писателей Германии, предпочитая традиционный стиль изложения экспериментальному. Из-под его пера вышло большое количество рассказов, пьес, эссе, романов.

Диалог, являясь одной из главных составляющих структурной организации речи героев на протяжении всего творчества Ленца, играл в его произведениях очень важную роль, принимая разные формы под воздействием как литературных, так и внелитературных факторов.

Целью данной статьи является определение типов диалогических единств и функций диалога в романах Ленца на различных этапах его творчества.

Как известно, «под диалогическими единствами понимаются те формы объединения предложений в одно структурно-смысловое целое, по образцам и моделям которых строится диалогическая речь» (Совр. рус. лит. яз. 2004, с. 439).

Все реплики-предложения в диалогической речи тесно связаны между собой по смыслу; предыдущая реплика обуславливает появление последующей.

С точки зрения функционально-смысловых характеристик диалогические единства неоднородны. Самой распространённой моделью диалогического единства в речи является модель «повествование-повествование», при которой говорящие обмениваются между собой мнениями. При такой модели специфичны единства с отношениями начала мысли и её продолжения другим лицом, единства с отношениями высказывания и той или иной его квалификации.

Другая распространённая модель, по которой строится диалогическое единство – это «вопрос-повествование».

Самые общие отношения, которыми объединяются реплики в диалогических единствах разных типов, – это отношения согласия / несогласия. Часто данные отношения сводятся лишь к отрицанию или подтверждению, но бывают и более усложнённые варианты. Усложнение

может быть обусловлено такими факторами, как развёртывание темы общения, распространение или ограничение объёма диалогического единства, перевод в иной модальный или временной план, выражение согласия с одним аспектом содержания реплики и отрицание другого аспекта.

В качестве средств для актуализации отношений согласия / несогласия в диалогических единствах могут выступать: утвердительные и отрицательные формы (включая слова «да» и «нет»), синонимы, антонимы, слова тематически близких и далёких классов, а также сочинительные союзы.

На протяжении длительного времени Зигфрид Ленц работал журналистом в журнале «Die Welt», что, вероятно, повлияло на художественные особенности его прозы. У писателя сложился стиль повествования, близкий к репортёрскому, с активным использованием вопросно-ответной формы организации речи.

В качестве примера можно привести отрывок из романа «Vorbild» («Живой пример»).

Диалог между Люси Беербаум и журналистом оформлен следующим образом:

Вопрос. *Есть ли у вас сведения, что в Греции стало известно о вашем добровольном заточении?*

Ответ. *Кое-кто знает.*

Вопрос. *В самых высоких инстанциях?*

Ответ. *Я это не регистрирую* и т.д. (Ленц 1977, с. 347)

На особенности построения диалогических единств в романах Ленца влияла также практика сочинения радиопьес, которые создавались автором наряду с романами.

Вполне определённые признаки драматического произведения присутствуют, например, в романе «Городские толки». Заметное место в нём занимает диалог. Именно в диалогах раскрываются характеры героев, их жизненная позиция. Диалог в романе иногда похож на допрос, но чаще всего его участники рассуждают не столько о конкретной ситуации, сколько о вечных проблемах – добре и зле. Любопытно, что в некоторых эпизодах романа диалоги почти полностью совпадают с диалогами персонажей драм и радиопьес Ленца. Так, диалог доктора Лунда и священника Лассена напоминает диалог Сазона с крестьянином и лавочником из драм «Время виновных» и «Время невиновных».

Словесная ткань прозаического произведения «Городские толки» отличается экспрессивностью, присущей языку драмы. Даже раздумья Тобиаса, данные в форме внутреннего монолога и его комментариев, насыщены повторами и риторическими вопросами (Хотинская 1985, с. 60).

Стилистические жанровые элементы «радиопьесы» никогда не были случайными в прозе Ленца, он сознательно вводил их в эпическую ткань текста, и это определяет своеобразие повествовательной структуры его романов.

Так, в роман «Живой пример» автором намеренно вставлен достаточно большой эпизод, оформленный по всем канонам драмы.

Диалог между двумя персонажами (Люси и профессором Пичем) сопровождается ремарками, данными в скобках.

«Профессор Пич. *Ваше решение невозможно, Люси... Ради вас самой... и ради нас... вы обязаны его...*

Люси (резко). *Отменить?*

Пич. *Пересмотреть. Я думаю, это ваш долг по отношению к нам.*

Люси (огорчённо). *Знаю, Рихард. Но у меня есть долг и по отношению к самой себе.*

Пич (настойчиво). *В институте, Люси и т.д.»* (Ленц 1977, с. 312).

Авторские пояснения в скобках разнохарактерны и порой выходят за рамки классической ремарки в пьесе, несут большую, по сравнению с ней, смысловую нагрузку. Они передают:

- 1) эмоциональную реакцию персонажа на реплику собеседника;
- 2) характер произнесения слова или фразы;
- 3) внутреннее состояние действующих лиц, выраженное либо в мысли, либо в чувстве;
- 4) какие-либо жесты или действия.

Таким образом, диалог, испытывающий на себе влияние репортёрского стиля писателя, выполняет информативную функцию. Диалогическое единство в таких случаях строится по модели «вопрос-повествование», отношения в таких единствах иногда сводятся лишь к отрицанию или подтверждению, а иногда усложняются за счёт развёртывания темы общения.

Влиянием на диалог формальных признаков драмы обусловлена особая экспрессивность, эмоциональность диалогических единств. Для подтверждения этого тезиса приведём ещё один пример из позднего романа Ленца «Die Auflehnung» («Сопротивление»)

«Лицо Коринны приняло задумчивое выражение. Она положила палец на щеку, потёрла лоб, хотела что-то сказать, но медлила. Вилли мог видеть, насколько тяжело даётся ей решение заговорить, но после того, как он взял стакан, чтобы выпить последний глоток, она стремительно спросила, есть ли у него дети. Вместо того чтобы ответить, Вилли только удивлённо посмотрел на неё, на что Коринна, оправдывая свой вопрос, объяснила, что, должно быть, это прекрасно, когда их отец рассказывает им о своей профессии.

– *Я только представляю себе,* – сказала она, – *как охотно должен был бы слушать ребёнок, если бы ему рассказывали о Китае, Индии и Цейлоне.*

– *Собственного сына у меня нет,* – сказал Вилли, – *но у меня есть пасынок. Его зовут Тони, ему 24 года.*

– *Он также мил, как и Вы?* – спросила Коринна.

– *Я его люблю,* – сказал Вилли, – *он делает хорошее и полезное дело, он настоящий мастер. Кому повезло носить его обувь, тот никогда больше не будет обременён болью в ногах. Тони – сапожник.*

– Для вас он также делал обувь? – спросила Коринна.

– Да, – сказал Вилли, – да.

– И для вашей жены?

– Пока нет, – сказал Вилли, – но если бы он захотел, то смог; я только не уверен, носила ли бы их моя жена.

– У неё наверняка особый вкус, – сказала Коринна.

И так как Вилли ничего на это не ответил, она уселась и произнесла:

– Я ещё никогда не видела вашу жену. Жену шефа я знаю, она иногда приходит в фирму. Но сколько я здесь работаю, я ещё ни разу не видела вашу жену; наверное, у неё много забот.

– Она достаточно занята, – сказал Вилли спокойно.

– Я представляю её себе черноволосой, – сказала Коринна, – и что она охотнее всего одевается в короткие спортивные костюмы; кроме того, мне кажется, что она хорошо выглядит и владеет по крайней мере двумя иностранными языками – я права?

– Один иностранный, – сказал Вилли, – она довольна своим английским.

– Но ведь всё остальное верно? – спросила Коринна.

Вилли пожал плечами, ему было неприятно говорить о жене. Коринна почувствовала его нежелание прямо отвечать на вопрос и сказала:

– Я устала, извините» (Ленц 1994, с. 127).

Приведённый отрывок показателен в плане присутствия в прозе Ленца элементов драматической организации речевой деятельности героев. Если убрать все «сказал (а)» и «ответил (а)», то перед нами будет готовый отрывок из радиопьесы, которую можно без проблем разыграть по ролям, а если к ней ещё добавить экспозицию, выделенную нами курсивом, то отрывок готов к постановке на сцене.

Диалог в этом фрагменте текста выполняет функцию межличностного общения.

В немецкой литературе 1990-х и рубежа веков проблема диалога как самого эффективного способа межличностного контакта выступает на первый план для многих писателей.

Вся мировая литература на рубеже XX и XXI столетий чутко реагирует на проблему одиночества человека в урбанистическом пространстве, отражая «коммуникативную несостоятельность» (Чугунов 2006, с. 180.) поколения 1990-х и рубежа веков. Эта проблема отражена не у одного Ленца, но и в произведениях многих других немецких авторов – например, у К. Хайна («Вилленброк»), К. Крахта («Фазерланд»), И. Нолль («На ночном столике»).

Герои поздних романов Ленца («Соппротивление», «Наследие Арне», «Бюро находок») пытаются преодолеть эту «коммуникативную несостоятельность». Поэтому повествовательная ткань указанных романов насыщена диалогами. Таким образом, в прозе Зигфрида Ленца диалог обладает специфическими характеристиками и играет важную роль в организации художественного пространства его произведений.

Lenz S. Die Auflehnung / Lenz S. – Hamburg : Hoffmann und Campe Verlag, 1994. – 367 S.

Ленц З. Живой пример / З. Ленц. – М. : Прогресс, 1977. – 425 с.

Современный русский литературный язык : [учебник] / под ред. П. А. Леканта. – 6-е изд., стер. – М. : Высш. шк., 2004. – С. 439-445.

Хотинская Г. А. Романы Зигфрида Ленца / Г. А. Хотинская. – Саратов : Изд-во Саратовск. гос. ун-та, 1985. – 123 с.

Чугунов Д. А. Немецкая литература 1990-х годов: ситуация «поворота» / Д. А. Чугунов; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 288 с.

Т. В. Морозова

Вечный образ

в художественном дискурсе испанского модернизма

(на материале «Воспоминаний маркиза де Брадомина» Рамона дель Валье-Инклана)

Вечный образ, по устоявшемуся мнению, должен заключать в себе некое «инвариантное, то есть устойчивое, неизменное архетипическое ядро человеческой природы, корнями уходящее в толщу истории», а также обладать семантической многозначностью и открытостью для новых интерпретаций.

Важнейшей особенностью вечных (мировых) образов является повторяемость их сюжетно-образных систем как во времени и пространстве, так и во многих сферах гуманитарного знания – философии, литературе, искусстве, психологии и т.д. Благодаря изначально заложенному в них философско-эстетическому и художественному потенциалу вечный образ и традиционная тема органично вступают в диалог с различными дисциплинами и формами культуры, что позволяет говорить об их междисциплинарном и – шире – межкультурном характере. Выступая в роли посредника, они укрепляют единство мирового культурного процесса.

В XX веке вечный образ не только не утрачивает своей актуальности, но и вызывает самый пристальный интерес у разных деятелей культуры. Это связано с мироощущением эпохи: с одной стороны, активное развитие всех сфер научного знания и небывалый технический прогресс, а с другой – историко-социальные катаклизмы, поставившие под сомнение прежние принципы структурирования бытия и пошатнувшие систему ценностей и веру человека в себя. Как следствие, возникает парадокс двойного видения и свойственная ему символизация не только мира, но и его восприятия. Обращение к вечным образам, их переосмысливание с позиций XX века помогает, в определённом смысле, преодолеть «разорванность времён», «нецельность» мироощущения, выявляя вневременное, сущностное содержание этих образов и в то же время обогащая их новым духовным

опытом человечества, заставляя интуитивно или сознательно полемизировать со своими предшественниками.

Основой для раскрытия глубокого и многопланового содержания вечного образа становится художественный эксперимент, то есть принцип несоответствия, столкновения заложенных и воспринимаемых как литературное клише сюжетных и характерообразующих мотивов.

Убедительным подтверждением вышесказанного может служить почти 400-летнее бытование в мировой культуре образа Дон Жуана, в основе истории которого лежат предания о сеvilьском обольстителе и повесе, пригласившем на ужин череп. Возникший на пересечении средневековых легенд образ рыцаря-повесы был увековечен в творении Тирсо де Молины «Севильский озорник, или Каменный гость».

Поистине безгранично количество интерпретаций образа Дон Жуана в литературе, живописи, философии, теологии, музыке, театре, кино. К нему обращались Эспронседа, Соррилья, Мольер, Байрон, Гофман, Мериме, Бодлер, Моцарт, Киркьегор, Ортега-и-Гассет, Ленуа, А.С. Пушкин, А. К. Толстой, Валье-Инклан, Унамуно, М. Мачадо, Б. Шоу, Рильке, М. Фриш, Чапек, Леся Украинка, Б. Зайцев, К. Бальмонт, А. Блок, А.Гумилёв, В. Иванов, М.Цветаева и многие другие.

Сложную, многогранную и порой противоречивую интерпретацию образа Дон Жуана предлагает в своей книге «Воспоминания маркиза де Брадомина» Рамон дель Валье–Инклан (1870 – 1935) – один из самых ярких и оригинальных испанских писателей XX века.

«Воспоминания маркиза де Брадомина», более широко известные под названием «Сонаты», состоят из четырёх отдельных повестей («сонат»): «Весенняя соната» (1904), «Летняя соната» (1903), «Осенняя соната» (1902) и «Зимняя соната» (1905). Это было, по сути, первое значительное произведение Валье–Инклана, и оно сразу принесло ему мировую известность. В то время писатель настойчиво заявлял о своей принадлежности к «модернизму». Следует, однако, заметить, что термин «модернизм» в истории испанской литературы на рубеже XIX – XX веков имеет довольно своеобразное конкретное содержание.

В истории испанской и испано-американских литератур модернизмом называется литературное течение, существовавшее с 80-х годов в Испанской Америке и с 90-х годов в Испании до первой мировой войны. К литературным явлениям периодов после первой и после второй мировой войны термин «модернизм» в истории испанской литературы не применяется. Типологически в понятие «модернизм» включается то, что в истории других европейских литератур обозначается как *посленатуралистические* течения, литература «конца века», декадентство.

Литературное развитие в Испании несколько запаздывало по сравнению с французским или английским, поэтому испанские модернисты отталкивались от опыта нереалистических течений европейской литературы, взятого в сумме как нечто целое. Своеобразие испанского модернизма состояло в том, что он впитал самые разнородные влияния: в

произведениях испанских модернистов зачастую одновременно встречаются возможные параллели и замаскированные реминисценции из Гюго, Готье, Леконта де Лиля, Бодлера и др., следы увлечения эстетикой парнасцев и символистов, импрессионистов, неоромантиков, неоклассицистов и т. д.

Однако все влияния и их последовательность подчинялись главной, ведущей идее испанского модернизма, которая на разных этапах его развития существенно эволюционировала. На первом этапе развития испанского модернизма, безусловно, главенствовала идея *Красоты*, на втором – идея индивидуальности, выражения индивидуальности как цели искусства.

Валье–Инклан пытался объединить обе идеи – красоты и индивидуальности – в создании нового стиля, прекрасного, прежде всего, именно в силу своей субъективности. Писатель определяет модернизм двумя главными признаками: первый – борьба за «индивидуальный стиль» («моё модернистское исповедование веры – искать себя в себе, а не в других,» – заявляет он в предисловии к сборнику новелл «Двор чудес»), второй – это стремление к синестезии, к многостороннему одновременному воздействию на восприятие читателя с целью внушения ему целостного образа, как бы сотканного из ощущений разных органов чувств.

Синестетический способ создания произведений прекрасно прослеживается в «Воспоминаниях маркиза де Брадомина»: композиция книги (четырёхчастное построение) и названия повестей («Весенняя соната», «Летняя соната», «Осенняя соната» и «Зимняя соната») ассоциируются не только с музыкальными темами и мотивами и природными циклами. Они метафорически определяют основные этапы в биографии главного героя, поскольку естественным образом соотносятся не только с разными периодами его жизни, но и различными фазами его эмоционального развития, характеризуют каждую из любовных страстей, которые ему довелось испытать. Повествование, щедро обогащённое пейзажами, наполненными культурными и историческими аллюзиями и реминисценциями, соответствующими времени года и месту действия в каждой из повестей, помогают создать у читателя целостное и колоритное впечатление от произведения, которое, безусловно, интересно не только своей формальной новизной и оригинальностью. Гораздо более важно, что все стилистические достижения в «Сонатах» органично включены в общую идейно-художественную концепцию книги.

Эта концепция выявляется в образе главного героя – маркиза де Брадомина, который, «будучи уже совсем седым», на склоне лет предаётся воспоминаниям о своих любовных приключениях и описывает их в книге «Приятные записки». В «Предупреждении» к «Сонатам» их автор называет своего героя Дон Жуаном и замечает, что «это был удивительный Дон Жуан. Может быть, самый удивительный из всех! Католик, некрасивый, и сентиментальный».

Дон Жуан Валье–Инклана удивительный и необыкновенный прежде всего потому, что автор заставляет своего героя эволюционировать, стать иным. Лучше или хуже – трудно сказать, но писатель видоизменяет его облик – маркиз де Брадомин некрасив и немощен плотью – и значительно усложняет характер. Новый Дон Жуан как бы вбирает в себя черты многих своих предшественников: от скептицизма, равнодушия и цинизма, предприимчивости и непостоянства одних до чувствительности и даже своеобразной верности других. Однако главным и определяющим всё же является то, что он предстаёт перед читателем как человек новой эпохи, современник автора (хотя описываемые события и относятся к середине XIX века), как испанский интеллигент конца XIX – начала XX века, близко воспринявший и духовные, и художественные искания западноевропейского декаданса и глубоко переживший национальную катастрофу 1898 года.

Маркиз де Брадомин – своего рода романтический странник, страдающий от вульгарной обыденности современной ему действительности, но страстно любящий жизнь, не устающий восхищаться и наслаждаться красотой каждого мгновения и каждого переживания, не важно, будь то пейзаж, лицо человека, скульптура или чувство, радостное или печальное, – всё равно. Маркиз де Брадомин смотрит на мир глазами эстета, способного преображать реальность. Всё вокруг него красиво: красивы страны и города, красивы женщины, даже стареющие и умирающие, красивы разбойники и слуги, красивы война и смерть, красивы любовь, страсть, опасность.

Главным средством преображения реальности для Брадомина служит аллюзия, реминисценция. Итальянский пейзаж он воспринимает через пейзаж Боттичелли, женскую красоту – через образы Рубенса и Тициана, поступки реальных людей ассоциируются в его сознании с действиями мифологических персонажей, а сами люди напоминают ему древние божества, жрецов, цариц и т. д. Очевидно, что подлинное наслаждение Брадомину доставляет не столько само событие или явление, сколько тот волшебный ассоциативный покров, которым он его опутывает.

Это в полной мере относится и к любовным приключениям, которые сопровождают маркиза де Брадомина на протяжении всего географического маршрута его странствий: от Италии и Мексики до Галисии и Наварры (области Испании). Всякий раз любовные приключения становятся мощным источником наслаждения. Причём Брадомин упивается не только счастливыми минутами, но и печальными. Даже измена или смерть возлюбленной, сознание опасности или собственной греховности и неподвластности бытовым запретам, а равно и запретам религии и общественной морали – всё становится источником упоительного наслаждения.

Поступки (свои и окружающих) он судит не с этических позиций, а с эстетических. Поэтому сцена смерти негра-ныряльщика в «Летней сонате» превращается в акт языческого жертвоприношения, а сам герой и его возлюбленная в «Осенней сонате» – в «крестоносца, ехавшего в

Иерусалим» и прекрасную «даму, плакавшую по нему у себя в замке при свете луны», и становится понятным, почему в той же сонате, едва успев отнести умершую в его объятиях возлюбленную к ней в спальню, маркиз де Брадомин оказывается в объятиях другой женщины, становятся объяснимыми его политические предпочтения (в карлистах он «находил ту же величавую красоту, что в огромных соборах») и отношение к религии («Лучшее в святости – это искушение!»).

В критике нет однозначного суждения о нравственности героя. Например, А. Л. Штейн категоричен в его определении: «Маркиз де Брадомин – аморалист и циник». Известный испанист З. И. Плавский полагает, что поведение маркиза де Брадомина вообще не может оцениваться с позиций житейской морали: оно «не аморально, а внеморально», однако замечает, что герой Валье–Инклана «хотя и эгоцентрист, но «сентиментальный», то есть способный сострадать».

На наш взгляд, это замечание весьма существенно и требует расширенного толкования. Своими поступками маркиз де Брадомин часто сознательно нарушает правила общепринятого поведения, выходит за границы общественной и религиозной морали, но при этом он никогда не переступает границы человечности. В его воспоминаниях нет любования жестокостью, нет безразличия к подлости и низости, нет упоения властью над другим человеком, нет сознательно потребительского отношения к другим людям. Он ищет лишь красоты и наслаждения, понимаемых им, скорее всего, как оживляющие душу и ум эмоции. Маркиз де Брадомин каждый раз искренне влюбляется, он никогда не предаёт своих возлюбленных, хотя им приходится расстаться, но виной тому обстоятельства, а не намеренные действия героя. Страшные последствия, к которым порой приводит его страсть, ужасают героя.

Таким образом, эгоцентризм, сопряжённый с эстетством, всё же не разрушает полностью нравственной основы характера, и, возможно, поэтому Дон Жуан Валье–Инклана продолжает оставаться «самым удивительным из всех».

Образ маркиза де Брадомина объединил в себе настроения в высшей степени важные для западноевропейского декаданса и для «поколения 98 года» – мощного направления в испанской литературе конца XIX – начала XX века, одним из представителей которого является Валье–Инклан. Находясь под влиянием модернистской литературы, исповедуя индивидуализм и поклонение красоте, Валье–Инклан, разделяя также общую для «поколения 98 года» идею неприятия современной им Испании, избрал для себя своеобразный путь художественной трактовки испанской действительности – не прямое обличение и не анализ конкретных обстоятельств реальности, а эстетическую компрометацию этой действительности, отрицание вымышленной красотой. Это был своего рода эстетический бунт, но – и это главное – писатель прекрасно понимал иллюзорность и бесперспективность подобного способа преодоления реальности. Об этом свидетельствует постоянно

просматривающийся в «сонатах» иронический план, который заставляет читателя иначе взглянуть и на героя книги, и на её автора.

-
- Багно В. Е. Миф о Дон Жуане. – СПб, 2000.
 Валье–Инклан Р. дель. Сонаты. М. –Л., 1969.
 Толмачёв В. М. Где искать XX век? Зарубежная литература XX века / под ред. В. М. Толмачёва. – М., 2003.
 Штейн А. Л. История испанской литературы. Изд.2-е – М.: УРСС, 2001. - 608 с.
 Dias Plaja G. Modernismo frente a 98. Una introduccion a la literatura del Siglo XX, Madrid, 1942.
 Valle Inclan R. del. Obras completas. Madrid, 1944.

О.В.Тихонова

Гендерный диалог в произведениях современных немецкоязычных писателей

В последние два десятилетия в немецкой литературе обращение к проблемам распада связей и утраты человечности, обособления человека и унификации процесса общения, утраты им самой своей изначальной сути приобрело характер «обвала», став буквально «общим местом» чуть ли не всех современных произведений.

Гендерный аспект данной проблемы только лишь подтверждает общее положение вещей, но вместе с тем особо акцентирует некоторые явления. В настоящее время уже сам факт увлечения гендерными теориями и практикой есть и очередное свидетельство, и обратная сторона вышеназванных процессов. «Сужение» объектного поля литературы до мельчайших делимых, выделение в *«индивидуализированном обществе»* не просто индивидов, но носителей *гендерных моделей*, весьма красноречиво характеризует состояние социума. Оно связано с попыткой сопротивляться глобальным процессам и отстоять *«частное»* (фатальная замкнутость в этом частном является, по определению Т.Краузе, пребыванием *«в тюрьме собственного Я»*), с изменением ритмов жизни и ценностных ориентиров, с переосмыслением собственной отрицающей и разрушающей деятельности, невозможностью восстановить «классические», «традиционные» идеалы и нормы бытия.

Оппозиция *«фемининность ↔ маскулинность»*, представленная на самых разных уровнях и в различных ракурсах, дискутируется и рекламируется в большинстве современных немецких произведений: в романах Э. Елинек, И.Нолль, М.Марон, К. Дуве, Д. Дерри, Ю.Куккарт и Ю.Херманн, произведениях Б.Шлинка и Э.Хакля, Э. Хайденрайх и У.Видмера, И. Шульце. Подобный список может быть бесконечно длинным, но и он пополняется постоянно. Граница «разорванного существования» (Фишер Й.) проходит в современном сознании, прежде

всего, через отношения мужчины и женщины, выявляя все «болезни» нашей действительности. И в первую очередь – «пустоту» или «отсутствие» отношений («Beziehungslosigkeit» – М. Ярмеркер), коммуникативную бедность или даже несостоятельность (вплоть до «беззвучного» существования – П. Вальтер), утрату духовной составляющей отношений, примитивизацию чувств.

Диалог как неотъемлемая составляющая коммуникации – это многоуровневый процесс, нацеленный не только на «простой» обмен информацией, но затрагивающий эмоционально-психологическую сферу, выявляющий ментальные конструкты. Это путь к *взаимопониманию*. Именно последнее (и, на самом деле, самое главное), как констатируют немецкие авторы, неотвратимо исчезает из диалога сегодняшних мужчины и женщины.

Интересно, что даже *речевая стратегия* их произведений отражает данное положение вещей – собственно диалог здесь практически отсутствует или редуцирован до коротких, поверхностных реплик. А на первом плане – или ироничный монолог автора, или «поток сознания» героя. При этом изображённое слово подчёркнуто «отстранено» или даже противопоставлено мыслям, чувствам персонажа, находится в диссонансе с его состоянием. Герои не коммуницируют, а, наоборот, дистанцируются друг от друга или даже от самих себя. «Монологичность» или даже «молчаливость» современной прозы отражает главное качество существования человека сегодня – его *одиночество*.

В повести швейцарца Урса Видмера «Любовник моей матери» рассказывается история «упорной страсти», «молчаливого чувства». Пронесённое через всю жизнь, оно не просто остаётся неразделённым, оно *не предполагает* никакого ответа. Молчание здесь – знак отсутствия взаимоотношений, символ *нереализованной* их *возможности*, патологической боязни быть *отвергнутым*.

На поверхности множества произведений современных немецких писателей лежит как будто одна и та же мысль, отражающая доминирующее мироощущение и поданная через проблему взаимоотношений полов. Общение приобретает механистичный характер, оно не затрагивает ни души, ни чувств людей, выполняется как некий ритуал, вызывается скорее повседневной, бытовой необходимостью. Такой диалог уже не предполагает приближения друг к другу, а наоборот, отражает равнодушие и даже отдаление.

Основные акценты данной темы были заданы ещё в повести К. Хайна 80-х годов «Чужой друг». Живущие в отдельных квартирах для состоятельных одиночек, успешные в карьере и несчастливые в личной жизни, закованные каждый в свой «панцирь», испытывающие страх перед чувствами, мужчины и женщины лишены главного, что могло бы определять их отношения, – любви. Короткие «удобные» встречи, ни к чему не обязывающие отношения, регулируемый секс и неизбывная тоска по чему-то неведомому – вот схема этой жизни.

В последнее десятилетие эта тема получает более *жёсткое* решение – и это отражение «жёсткости» жизни. Все названные авторы испытывают современника в ситуации *любви*. Любовь подвергается испытанию совестью, ответственностью, насилием и смертью (Б.Шлинк), историей и политикой (Э.Хакль), ненавистью и отвращением к людям и всему миру (Э.Хайденрайх), преступлением и наказанием за него (И. Нолль), изменой и предательством, но и умением прощать и понять (Б.Шлинк). Но почти всегда – самой жизнью, бытом, повседневностью, семейными и общественными ритуалами (М.Марон, Э. Хайденрайх, К. Дуве), комфортом и достатком «буржуазного существования» (И. Нолль, Б. Шлинк, Д. Дерри, И. Шульце).

Констатируя, что «ничего не может быть опаснее самой жизни» (название статьи Е. Крекелера), немецкие авторы прослеживают процесс деформации и даже перерождения любви под влиянием этой жестокой и стремительной жизни. Она не предполагает *близости* «близких» людей, которые давно разучились не только понимать друг друга, но и любить, отдаваться друг другу как люди – то есть не только телом, но и душой, мыслями, стремлениями, жить друг для друга. Привыкая *потреблять* буквально всё, современные мужчина и женщина потребляют и друг друга, используют как *вещь*, извлекают практическую пользу.

В романах М.Марон, К. Ланге-Мюллер, Э.Елинек, Б. Шлинка возникает мотив «животной любви» (название романа Мюллер): люди приобретают «звериные» качества, живут инстинктами, повинуются телу, а не разуму и чувству. Но и тело своё они попирают, унижают и даже презирают. В их жизни любовь извращается, в тоске по человеческому они ищут хотя бы телесного контакта, но и при этом остаются абсолютно автономными, непреодолимо чужими. Разделение любви и секса стало сегодня уже привычным. Но даже секс превращается в примитивное животное спаривание, которое всё же не может удовлетворить людей-животных.

Интересно, что в современной речи (это касается и немецкого, и русского языков), само слово «любовь» произносится с всё большим стеснением, с оговорками, даже с опаской. На смену пришёл термин «*отношения*» («*Beziehungen*») – нейтральный, но и безликий, «выравнивающий» и обобщающий индивидуальность чувств и поведения. Ситуация секса вообще часто становится решающей в испытании человека, она во многих случаях выступает не столько вершиной *связи* между мужчиной и женщиной, сколько доказательством *разобщения, отчуждения*; не знаком апогея любовных отношений, а их эрзацем, как способ даже «бежать», спрятаться от этих отношений, и прежде всего – от самого себя. И если животных ведёт инстинкт продолжения рода, то «люди-животные» ведомы инстинктом *отчуждения, прерывания* связей.

Ещё дальше идёт в своих романах Э. Елинек, выстраивая концепцию современного мира в целом как мира *насилия*, подавления человека, причём именно близкими людьми и самим собой. В её романах «общение» героев – это почти всегда однонаправленный процесс. Это может быть

связано и с женским доминированием (роман «Пианистка»), и с мужским («Похоть»). Секс в интерпретации писательницы становится *инструментом* насилия, унижения или мести, самоутверждения или «самоочищения» от комплексов и проблем.

Другой – саркастический – вариант предложен в повести Габи Хауптманн «Ищу импотента для совместной жизни». Заголовок – это не просто шутка, это *провокация*, это программа радикального решения проблемы взаимоотношений полов. Героиня предлагает вообще исключить секс из отношений мужчины и женщины, полагая, что только при данном условии эти отношения смогут заново приобрести то, что было, казалось бы, безвозвратно утрачено – стремление ценить друг друга, а не использовать.

В целом, доминирующим настроением современных немецких произведений является активное отторжение практики сложившихся стереотипных моделей гендерных (и в целом человеческих) отношений, отрицание норм буржуазного существования, в том числе – норм брака, семьи. В этом смысле произведения Елинек представляют характерный и – одновременно – радикальный пример современного немецкого романа, где всё замешано на «гремучей смеси» из «отвращения, презрения и ненависти» (терминология Кучерской М.) людей друг к другу. То же чувство одной фразой выразила устами своей героини Эльке Хайденрайх: «честно говоря, я вас всех терпеть не могу» (Хайденрайх 2002, с.152).

Но здесь же существует и обратная – центростремительная – сила. Практически во всех значительных произведениях сегодняшней немецкой прозы помимо отрицания, *вопреки* ему, утверждается попытка обрести смысл существования, выстроить новые формы общения, вообще вернуть в повседневную жизнь общение как таковое. Пронзительная тоска по пониманию, по человечности, по любви, болезненное стремление разорвать одиночество и отчуждённость, начать жить, чувствовать, страдать «прорываются» сквозь броню неверия и цинизма, фобий и неврозов. Люди – всё же *«animal triste»* – те же животные, но *тоскующие* по своему маленькому счастью. Вслед за персонажем Э.Хайденрайх они все могли бы исторгнуть из души крик: «...где ты, помоги мне, я хочу красоты и любви, ну, пожалуйста!» (Хайденрайх 2002, с.153)

И эта тяга к человеческому может принимать самые различные, порой причудливые, а порой и чудовищные, разрушительные формы. Героини романов Ингрид Нолль используют буквально все средства, чтобы достичь своих целей, осознанно или случайно совершают преступления, которые изображаются буднично, «естественно», они как бы «растворяются» в повседневной жизни. И женщины в романах Нолль «играют с судьбой», мстя мужчинам – боссам и мужьям, первым встречным и многолетним любовникам, устраняя соперниц, добиваясь обеспеченной жизни для своих детей, стремясь обустроить образцовое «буржуазное существование». Но причины, по которым женщины идут на преступления, банальны, – они хотят иметь надёжный дом, любимого мужа и, главное, ребёнка, для

которого можно жить. Преступления – плата за обычное женское счастье, средство в борьбе прежде всего *за*, но и *против* мужчин.

Элизабет, героиня рассказа Э. Хайденрайх «Эрика», отказывая бывшему любовнику в возрождении чувств, не в состоянии преодолеть полосу возникшего отчуждения, всё же цепляется за возможность разделить с кем-то свое отчаяние, исторгнуть накопившуюся боль одиночества. Но свои чувства она направляет на игрушечную свинью, которую называет человеческим именем Эрика и в которой видит то, что не находит в людях, – «добрый, доверчивый» взгляд и некий «скрытый смысл». Злой гротеск, несостоятельность героини? Но и трагическая потребность хоть на кого-то направить свою нерастраченную любовь. Непростая «простая душа» нового времени?

Мужчина и женщина в отсутствии взаимопонимания ищут его, наконец, среди представителей собственного пола. Лесбийские или гомосексуальные отношения выступают в произведениях К. Рик, Р. Нюссер, Э. Фишер и др. не только как эрзац «нормальных», как желание «взорвать» добропорядочные и лживые нормы, но и как закономерный результат утраты *самой сути* любовных связей и – наоборот – поисков этой сути любыми средствами.

Квинтэссенцией представленных позиций, на наш взгляд, служит многоплановая и противоречивая концепция взаимоотношений мужчины и женщины в романе М. Марон, который пронизан настроением тоски по сильному и всё преодолевающему человеческому чувству, стремлением к единению (во всех мыслимых ипостасях) мужчины и женщины – до самоотречения, до самоуничтожения, до саморазрушения. Нежелание быть только «зверем». Страсть, создающая утраченный смысл и отбирающая жизнь. Лихорадочное, патологическое, стремление к обретению цели. В этом «узле» ощущений, как нам кажется, и кроется перспектива развития темы и, может быть, призрачная, но надежда на возрождение диалога.

Елинек Э. Любовницы / Э.Елинек – СПб. : Symposium, 2004.- 284 S. ; Елинек Э. Пианистка / Э.Елинек. – СПб. : Symposium, 2004. – 448 S. ;

Марон М. Animal triste / М.Марон. – СПб. : Азбука-классика, 2004. - 160 с.

Нолль И. Аптекарьша / И.Нолль. – М. : Иностранка, 2001. – 263 с. ; Нолль И. Мертвый петух / И.Нолль. – М. : АСТ, 2003. – 285 с. ;

Хайденрайх Э. Колонии любви : Рассказы / Э. Хайденрайх . – М. : Текст, 2002. – 221 с.

Хакль Э. Две повести о любви / Э.Хакль . – М. : АСТ-Пресс, 2005. – 224с. с.

Шлинк Б. Чтец / Б. Шлинк. – М. : ООО «Изд-во АСТ»; Харьков : «Фолио», 2004. – 252 с.; Шлинк Б. Любовник: Рассказы / Б. Шлинк. – М. : «Фолио», 2004. – 283 с.

Schulze I. Simple Storys. Ein Roman aus der ostdeutschen Provinz / I. Schulze – München : DTV, 2001. – 314 S.

Художественная картина мира

Е. В. Бавыкина

Образы мира в текстах научной фантастики

В рамках когнитивной лингвистики тексты научной фантастики представляют практический интерес для исследователей как специфическая форма воплощения картины мира (Первухина 2004, с.235). Одним из ключевых образов в текстах научной фантастики является образ летательного аппарата (Шмелев 1982, с. 228). Анализируя языковые средства, объективирующие летательный аппарат в научно-фантастических произведениях, можно выявить как общие, так и отличительные их признаки, связанные со спецификой национальных картин мира разных народов (Попова 2002, с.4).

Объектом данного исследования являются языковые единицы, репрезентирующие мир в текстах научной фантастики русских и немецких авторов. Источниками для исследования послужили произведения следующих представителей научно-фантастического жанра: в России – А.Р. Беляева, А.А. Авраменко, К.Н. Борисова, А. Авраменко, А. Лазарчука; в Германии – G. Krupkat, H. Bach, E. Simon, H. Taubert, H. Ziergiebel.

В произведениях русских авторов (382076 словоупотреблений) нами было выделено 320 языковых единиц, объективирующих мир. Самыми частотными оказались 8 лексем – «мир», «система», «империя», «королевство», «мегалополис», «пространство», «плоскость», «корабль».

В научно-фантастических произведениях немецких авторов (283560 словоупотреблений) нами были отобраны 240 языковых единиц, объективирующих мир. Самыми частотными оказались 6 лексем – «die Welt», «die Paralelwelt», «Copyworld», «das System», «der Staat», «das Ausland».

В научно-фантастических произведениях русских авторов можно выделить прямые (общепринятые) номинации мира и индивидуально-авторские номинации.

Прямые номинации осуществляются посредством лексических единиц тематической группы «мир».

Словарное значение слова «мир» – Вселенная в ее совокупности, система мироздания как целое» (Ушаков 1996, Т.2). В рамках анализируемого материала концепт «мир» объективируется языковыми единицами «мир» и «система» (как целое). Например:

*«Мы скрываем правду о существовании параллельных **миров**»* (Лукьяненко 2006, с.279).

*«Чужие **миры**, ... удивительные расы»* (Борисов 2003).

*«Открыть дверь в новый **мир**»* (Лукьяненко 2006, с.211).

«В чудовищных глубинах пространства несутся эти звездные **системы**» (Ефремов 1986, с.463).

«Привозят из соседней звездной **системы**» (Сухинов 2004, с. 87).

Индивидуально-авторские номинации в текстах русских авторов осуществляются посредством единиц нескольких тематических групп.

1. «Государство». Мир объективируется языковыми единицами «империя» и «королевство», «мегалополис».

Лексемы «империя» и «королевство» имеют словарные значения «государство» (Ушаков, Т. 4; Ушаков, Т. 2). В рамках исследуемого материала данные лексические единицы используются для номинации государств большого размера, например:

«В Галактике существовали мощные ... **империи**» (Сухинов 2001, с.13).

«... соседние **королевства**» (Сухинов 2001, с.8).

Для номинации государства небольшого размера используется языковая единица «мегалополис», имеющая словарное значение: наиболее крупная форма городского расселения, государство небольшого размера (от греч. megalos – большой и polis – город) (Майорова 1996, с.300). Например:

«На западе нашего **мегалополиса**» (Сухинов 2001, с.13).

2. «Пространство». Мир объективируется языковыми единицами «пространство» и «плоскость» как определенное пространство, определенная область. Данные лексические единицы имеют следующие словарные значения: «пространство» ... промежуток между чем-либо, место, область; «плоскость» ... область, сфера (Ушаков, Т. 3). Приведём примеры их употребления.

«Через 5 минут мы нырнем в **пространство**» (Борисов 2003, с.13).

«... в **подпространство**...» (Стругацкие 1989, с.21).

«В другой **гиперплоскости**» (Стругацкие 1988, с.352)

3. «Корабль». Данная лексема имеет словарное значение большое судно) (Ушаков, Т. 3). Посредством языковой единицы «корабль» при индивидуально-авторской объективации мира актуализируется признак «имеющий большие пространственные характеристики». Например:

«В огромном пространстве отдельные галактики подобны большим **кораблям**» (Ефремов 1986, с.463).

Таковы особенности объективации концепта «мир» в произведениях русских авторов.

В научно-фантастических произведениях немецких авторов также были выявлены прямые номинации мира и индивидуально-авторские номинации.

В случае прямой номинации мир объективируется языковыми единицами «die Welt», «die Parallelwelt», «Copyworld», «das System» («Die Welt – das System») (Duden). Например:

«...ferne **Welten** in der Tiefe des Alls» (Krupkat 1964, 196).

«Erik schaut zu den funkelnden **Welten** hinauf» (Krupkat 1964, 361).

«...in einem *Parallelwelt*» (Simon 2000, 8).

«...*Copyworld*...» (Simon 2000, 9).

«In diesem *System* liegt die Heimat des Mee» (Ziergiebel 2001, 103).

Индивидуально-авторские номинации осуществляются посредством следующих единиц.

1. Индивидуально-авторская номинация «der Staat». Посредством данной единицы мир объективируется как большое государство. («Der Staat - ...das Land» (Duden). Например:

«Es gab dort viele *Staaten*» (Lasswitz 1984, 13).

2. Индивидуально-авторская номинация – «das Ausland». Посредством данной лексемы мир объективируется как большая страна, расположенная далеко. («Der Staat – ...das Land») (Duden). Например:

«Besuch aus dem *Ausland* erwarte ich» (Ziergiebel 2001, 250).

В результате исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Номенклатура языковых единиц, объективирующих мир в научно-фантастических произведениях, многообразна.

2. В области способов номинации мира отмечено применение как прямых, так и индивидуально-авторских номинаций.

3. Тексты научной фантастики отражают черты индивидуально-авторского эмоционально-окрашенного восприятия образа мира и позволяют выявить национально-культурную специфику.

Авраменко О. Галактики как песчинки: Роман / А. Авраменко // Галактики как песчинки. – М.: Альфа книга, 2002. – 172 с.

Авраменко О. Звезды в ладонях: Роман / А. Авраменко // Звезды в ладонях. – М.: Альфа книга, 2001. – 172 с.

Беляев А.Р. Звезда КЭЦ / А.Р. Беляев // Собр. соч. в 4-х томах. – Т.4. – Романы. – В.: Анна, 1992. – с. 127 – 278.

Беляев А.Р. Прыжок в ничто / А.Р. Беляев // Собр. соч. в 4-х томах. – Т.3. – Роман, повесть, рассказы. – В.: Анна, 1992. – с.4 - 260.

Борисов К. Н. Энтони и компания. Верните мальчишке трон: Роман / К.Н. Борисов // Энтони и компания. Верните мальчишке трон. – М.: Диля, 2003.- 116 с.

Лазарчук А. За право летать: Роман / А. Лазарчук // За право летать. – М.: Эксмо, 2001. – 172 с.

Первухина С.В. Когнитивные и эмотивные способы создания фантастической картины мира // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004): Труды и материалы. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004.- с. 235-236.

Попова З.Д., Стернин И.А. Национальная картина мира // Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2002. – с.4-21.

Шмелев Д.Н. Новая космическая лексика / Д.Н. Шмелев // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982.- с. 228 -254.

Bach H. Generalprobe / H. Bach // Generalprobe. – Berlin: Neues Leben, 1990. – 18 S.

Krupkat G. Der Mann von Anti / G. Krupkat // Der Mann von Anti. – Berlin: Neues Leben, 1990. – 20 S.

Simon E. Der Bahnbrecher / E. Simon // Fremde Sterne. Phantastische Geschichten. – Berlin; Das neue Berlin, 1982. – S. 61 - 110.

Taubert H. Blinder Passagier // Das Raumschlepper. Wissenschaftlich-phantastische Erzählungen aus aller Welt. – Berlin: Neues Leben, 1981. – S. 230 - 240.

Ziergiebel H. Zeit der Sternschnuppen / H. Ziergiebel // Zeit der Sternschnuppen. – Berlin: Neues Leben, 2001. – 384 S.

Использованные словари

Писарев И. Словарь синонимов / И. Писарев. – М.: Том, 1997.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков // В 4. т. – М.: Терра, 1996.

Duden // Deutsches Universal Wörterbuch. A – Z. – 3., neu bearbeitete Auflage. Auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreibregeln. – Mannheim - Leipzig - Wien – Zürich. : Dudenverlag, 2001.

Duden // Das Synonymwörterbuch. Ein Wörterbuch sinnverwandter Wörter – 3., völlig neu erarbeitete Auflage. – Band 8. - Dudenverlag. Mannheim - Leipzig - Wien – Zürich, 2001.

О.А.Зиновьева

Лексико-фразеологическое представление концепта «Франция» в русской поэзии второй половины XIX века

Данная статья посвящена анализу лексико-фразеологических особенностей представления образа Франции в русской поэзии второй половины XIX века. Цель статьи – выявить концептуальные признаки этого образа, используя совокупность методов, разработанных для анализа художественного текста: концептуальный анализ, компонентный анализ, контекстуальный анализ и др.

В русских поэтических текстах XIX века доминантами репрезентации концептуального поля «Европа» являются две номинации – Италия и Франция. Образы, стоящие за этими топонимами, стали частью художественной картины мира XIX века и нашли отражение в сфере национальной картины мира.

Концепт «Франция» в поэзии XIX века отражает систему ценностей, приоритетов, установившихся в русского социуме девятнадцатого столетия: моду на всё французское, подражание парижскому вкусу, авторитет европейского образования и т.д.

Формирование образа *Франции* в русской поэзии начала XIX века связано в основном с творчеством А.С.Пушкина. В предыдущей нашей публикации, посвящённой описанию концепта *Франция* в поэзии А.С.Пушкина, были выделены следующие его признаки в концептосфере поэта: 1) бывшая территория Римской империи (Галлия); 2) западная держава в эпоху Просвещения; 3) французская империя в годы войны 1812 года; 4) Париж – центр светской моды и развлечений; 5) Париж – собирательный образ Франции, страны, где был основан католический

монашеский орден «картезианцы»; 6) библейский город Содом (Зиновьева 2007, с.96-100).

В русской поэзии второй половины XIX века поэты концептуализируют пространство на базе признаков, уже наработанных творчеством А.С.Пушкина и творчеством его современников. Большинство этих признаков попадают в поле данного концепта как стереотипные, другие варьируются в границах индивидуального знания, авторской интенции.

Текстовая репрезентация образа Франции в поэзии конца XIX века включает в себя использование поэтических штампов, описательных перифраз, метонимий, фразеосочетаний с наличием в них топонима, метафорических моделей создания пространственного образа, предикатов. Следует отметить, что в поэзии конца XIX в. наблюдается вытеснение исторических названий объектов пространства, используемых для их (объектов) поэтизации в контексте художественного текста, – *Галлии, Лютеции, Секваны вместо Сены..* В исследовании концепта *Франция* в поэзии второй половины XIX века особое внимание было уделено анализу лексической сочетаемости, в содержании которой были обнаружены многие признаки этого концепта (беспокойный Париж, императорский Париж, сумасбродный Париж и т.д.).

В ходе исследования лексико-фразеологических средств выражения концепта *Франция* в поэзии конца XIX в. были выявлены следующие его признаки: Франция – «народ, люди», «столица света», «страна виноделия»; Париж – антропоморфный образ, собеседник, «чужой край», «столица мира», «город в сравнении с Россией», «власть», «город суеты», «желанный город, центр притяжения». В других контекстах образ Франции обнаруживается в следующих признаках:

1. Франция – страна революций.

*Давно уж **Франция** купалася в крови.
К нам отклики неслись неведомого тира,
Неслись возгласы свободы и любви...
То тронов падавших летели к нам обломки,
То дребезги трибун выкидывал вулкан...
(А.Майков, Карамзин, 1865)*

В данном контексте топоним Франция входит в состав фразеологической единицы «купаться в крови». В Фразеологическом словаре под редакцией А.И.Молоткова находим следующее определение: «купаться [утопать] в крови – совершать казни, массовые убийства, кровопролития» (Фразеологический словарь 1986, с.217). Тема революции также создаётся на соответствующем лексическом фоне: «возгласы свободы», «падавшие троны», «дребезги трибун». В другом контексте образ Франции эксплицирован поэтическими перифразами, в которых реализованы такие признаки, как «**страна разврата, греха**» и «**антропоморфный образ**»:

*Давно ли ты, страна разврата,
Отчизна бунтов и крамол,*

*Была надеждою объята
Разбить ещё один престол?
(Н.Добролюбов, На взятие Парижа, 1859)*

2. Франция – лубочная картинка.

*В прочих стёклышках идёт иллюминация,
В каждом стёклышке особая нация.
Первая – **Франция** – Наполеон Третий,
Человек первый из девятнадцати столетий...
(Н.Огарёв, Восточный вопрос в панораме, 1869)*

В приведённом примере образ Франции концептуализирован народной лубочной картинкой, райком (или «потешной панорамой»). Описание райка находим в книге Д.А.Ровинского «Русские народные картинки». «Раёк – это небольшой, аршинный во все стороны ящик с двумя увеличительными стёклами впереди. Внутри его перематывается с одного катка на другой длинная полоса с доморощенными изображениями разных городов, великих людей и событий. Зрители, «по копейке с рыла», глядят в стёкла, – раешник передвигает картинки и рассказывает присказки к каждому новому номеру, часто очень замысловатые» (цитата по кн. Некрыловой 1984, с.87).

3. Франция – законодательница вкусов, моды.

*Ужель помещики в России таковы?...
Но есть премилые: прилично убран дом,
У дочерей рояль, а чаще фортепьяно.
Хозяин с **Францией** и с Англией знаком,
Хозяйка не заснёт без модного романа...
(Н.Некрасов, Отрывки из путевых записок..., 1853)*

В поэзии второй половины XIX в. концепт *Франция* представлен также образами Парижа и Ниццы.

Выделим основные компоненты содержательной структуры топонима *Париж* в текстах поэтов послепушкинского периода:

1. Париж – город звуков (звучащий город).

*Когда предстанут мне – средь дум:
Германия? Средь океана
Смышлёный Лондон? Вечный шум
Парижа?...
(Н.Огарёв, Юмор, 1867)*

2. Париж – воин.

*Но этот ли **Париж**, уж дважды пощаженный
Благословенного державною рукой,
Опять подьёмлет меч, бесчестно обнаженный.
Заране хвастаясь бесславною борьбой!
(И.Никитин, Новая борьба, 1854)*

3. Париж – резиденция монархов.

*Когда ты снова посетишь
Наш императорский **Париж**,*

*Смутит тебя победный крик,
Как пляска после похорон...
(Я.Полонский, На Чёрном море, 1855)*

4. Париж – вид сверху, многоликий город.

*Зато внизу – **Париж** иной,
Картинный, бронзовый, зеркальный;
Сверкают тысячи огней –
Гул катится по всем бульварам,
Толпа снуёт...
(Я.Полонский, И.С.Тургеневу, 1877)*

5. Париж – сатирический образ города.

*Город есть такой: **Париж**,
Про него недаром сказано:
Как заедешь – угоришь.
По всему по свету славится,
Мастер по миру пустить;
Коли нос тебе не нравится,
Могут новый наклеить!
(Н.Некрасов, Коробейники, 1861)*

В данном примере образ *Парижа* коррелирует с образом города в дискурсе раёшника. Раёк (или потешные панорамы) был чрезвычайно популярен в конце XIX века. «Потешные панорамы являлись своего рода обозрениями, устной газетой. Они откликались на разные события внутри страны и за её пределами...» (Некрылова 1984, с.92). В репертуаре райка XIX века среди картинок, показывающих русские и зарубежные города, наиболее яркими можно назвать Москву, Палермо, Париж, Петербург. «Безобидные виды этих городов давали повод к злой социальной сатире: противопоставлялось поведение русской «барской фамилии» за границей и у себя дома» (Там же, с.98). Каждая картинка сопровождалась комментариями, пояснениями самого панорамщика. Например, о Париже можно было узнать следующее:

*А вот **город Париж**,
Как туда приедешь –
Тотчас угоришь!..
Наша именитая знать
Ездит туда денежки мотать:
Туда-то едет с полным золота мешком,
А оттуда возвращается без сапог пешком (Там же, с.98).*

6. Париж – город, находящийся в состоянии беспокойства, волнения, город революций.

*Взволновался **Париж** беспокойный.
Наступили февральские дни,
Сам ты знаешь, читатель достойный,
Как у нас отразились они.
(Н.Некрасов, Недавнее время, 1871)*

7. Париж – город греха, соблазнов.

*Что, красавица, нагло глядишь?
Чем гордишься? Вот вся твоя повесть:*

*Ты ребёнком попала в **Париж**,
Потеряла невинность и совесть,
Научилась белиться и лгать...*

(Н.Некрасов, Убогая и нарядная, 1859)

Концептуальным содержанием богата и другая топонимическая единица – Ницца. В поэзии этого периода формируются следующие признаки образа Ниццы: «южный, курортный городок», «звучащий город», «многолюдный город».

*Шумна многолюдная **Ницца** зимою:*

*Движенья и блеска полна,
Вдоль стройных бульваров нарядной толпою
За полночь нестремит она...*

(С.Надсон, На могиле А.И.Герцена, 1885-1886)

Таким образом, в поэзии второй половины XIX века концепт Франция представлен признаками, которые в основном уже были созданы творчеством поэтов начала XIX века. Некоторые признаки отличаются от уже сложившихся: «Париж – образ многоликого города, рассматриваемый сверху» (Париж иной, картинный, бронзовый, зеркальный), «резиденция монархов», «воин» или «Париж – город суеты», «город в сравнении с Россией».

В русской поэзии, начиная уже с конца XIX, вырабатывается своё видение пространственных образов, «знаков» в сознании, которое, на наш взгляд, связано с понятием «внешнего наблюдателя», а точнее с изменением его «точки зрения», и определяется «процедурой интерпретации, с одной стороны, и <культурой наблюдателя> – с другой» (Пятигорский 1996, с.37). В то же время этот «знак» пространственного образа, воплощаемый в текстовом фрагменте через языковые средства, может быть описан в плане когнитивных, контекстуальных, семантико-стилистических исследований.

Зиновьева О.А. Концепт Франция в поэтической концептосфере А.С.Пушкина // Язык и национальное сознание. Вып.9. – Воронеж: Истоки, 2007. – С.96-100.

Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. Л.: Искусство, 1984. – 191с.

Пятигорский А.М. Избранные труды. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 590с.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. М.: Русский язык, 1986 – 543 с.

Концепт *убеждать* в русском художественном тексте

Нами было проведено исследование объективации концепта *убеждать* в современном русском художественном тексте.

В качестве источника материала был использован сайт www.ruscorpora.ru. В корпусе зафиксировано 538 фрагментов художественных текстов, в которых представлена развернутая объективация концепта *убеждать*.

Полученный материал был обработан методом когнитивной интерпретации (Попова, Стернин 2007). Для каждого признака был вычислен индекс его яркости как отношение числа объективаций этого признака к общему числу объективированных в художественном тексте признаков. Были выделены следующие когнитивные признаки исследуемого концепта:

Приводить доводы: 0,16

«Действительно, этот факт был достаточен для того, чтобы с его помощью убедить других» (Владимир Успенский. Семь размышлений на темы философии математики).

Воздействовать: 0,158

«То есть определенные психологические, информационные (в широком смысле) реакции возникают у человека не только в случае целенаправленного воздействия на него (как в исходных значениях глаголов убеждать, доказывать, показывать, а также жать, давить и т. п.)» (Г. И. Кустова. Производные значения с экспериенциальной составляющей).

Убеждение предполагает умение: 0,084

«Два проще трех для того, кто умеет убеждать» (Борис Васильев. Вещий Олег).

Не всех можно убедить: 0,056

«Убеждать в чем бы то ни было бессмысленно, топор убеждениям не поддается» (Владимир Войнович. Дело № 34840).

Убеждение может быть адресовано говорящим самому себе: 0,056

*«Он отгонял от себя эти мысли, он старался **убеждать себя**, что он живет не для здешней, временной жизни, а для вечной, что в душе его находится мир и любовь»* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина).

Убеждение – трудоемкий процесс, требующий времени: 0,054

«А главное, не приходится кого-то бесконечно убеждать в том, что нужно делать так, а не так» (Инна Соловьева. Продолжение театрального рассказа. В поисках радости).

Сведущих людей не надо убеждать: 0,050

«Тех, кто читает не от случая к случаю, убеждать в этом не надо» (Чупринин Сергей. Нулевые годы: ориентация на местности).

Подчеркивать необходимость: 0,045

«Когда Горюнов начал убеждать мужиков в необходимости закрыть кабак, Финоген первый откликнулся на его речи» (Горький Максим. Финоген Ильич).

Убеждать можно в чем-то и против чего-то: 0,041

«Вспоминая свой печальный опыт с Дыдынским, я еще раз стал убеждать его отказаться от своего решения» (Савинков Б.В. (В. Ропшин). Воспоминания террориста).

Может быть эмоциональным: 0,038

«Гостья разволновалась и стала страстно всех убеждать...» (Владимир Войнович. Дело № 34840).

Трудный, трудоемкий процесс: 0,032

«Но, знаете, странно: как раз взрослых и приходится титаническими усилиями убеждать в том, что учиться языку никогда не поздно» (Елизавета Зайцева. Только для взрослых).

Может вводить в заблуждение: 0,030

«Если вас, уважаемый читатель, будут убеждать, что легендарная "Аврора", стоя на Невском рейде, стреляла по Зимнему всего один раз, не верьте» (Борис Грищенко. Посторонний в Кремле).

Процесс, не доставляющий говорящему удовольствия: 0,026

«Пришла наконец пора, когда мне уже не нужно долго рассказывать и убеждать» (Николай Бурляев. Летопись «Золотого Витязя»).

Предполагает определенные приемы, способы, методы: 0,020

«Филиппов находил свои способы убеждать колеблющихся...» (Борис Старцев. Министр единого экзамена).

Может требовать многократности: 0,017

«За всю жизнь у меня был один случай, когда я к нему пять раз ходил убеждать» (Чуев Феликс. Ильюшин).

Эффективно апеллировать к материальным выгодам: 0,015

«Нужно убеждать их в том, что для них есть прямая выгода в использовании имеющихся конкурентных преимуществ, которыми, без

всякого сомнения, обладает российская экономика» (Владимир Гурвич. Рост ВВП в два раза - утопия).

Можно столкнуться с сопротивлением: 0,013

«Его стали убеждать в три голоса, но он упрямо замолчал, опустив голову, глядя под стол» (Максим Горький. Жизнь Клим Самгина. Часть 1).

Является даром, талантом, искусством: 0,15

«А искусством убеждать собеседников, заставлять их слушать себя и очаровывать этот человек владел в совершенстве» (Рубин Евгений. Пан или пропал. Жизнеописание).

Вести диалог: 0,011

«В разговорах пытались убеждать, вести диалог на равных» (Вячеслав Морозов. Адмирал ФСБ).

Наставлять: 0,011

«Они начали его убеждать: не думай так, отец, но исповедуй по преданию святой, соборной, апостольской Церкви» ((Брянчанинов) Игнатий. Отечник).

Эффективно использовать наглядность: 0,013

«Кроме того, отдавая красиво оформленный сертификат своему знакомому, ваш покупатель будет говорить хорошее о центре и лишний раз убеждать себя в целесообразности повторного обращения» (Владимир Ляпоров. Маркетинг: навыки общения).

Основывается на уверенности: 0,009

«Если бы я был уверен в своей правоте хотя бы процентов на семьдесят, то и убеждать тебя не стал бы» (Николай Леонов. Лекарство от жизни).

Эффективно убеждать конкретным делом: 0,009

«Легко подтвердил свой успех выдающимися победами в самых представительных турнирах, продолжая таким образом убеждать мир в правомочности своих притязаний на шахматную корону» (Игорь Зайцев. Артисты или спортсмены?).

Использовать красноречие: 0,007

«Иван Иванович, как упомянуто выше, необыкновенно живописно говорил, когда нужно было убеждать кого» (Н.В. Гоголь. Миргород).

Использовать обещания: 0,007

«Юдин продолжает убеждать обещаниями» (П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923-1926 гг.).

Есть собеседники, позволяющие себя убеждать: 0,006

«Сама Нивинская понимает мало, но дает себя убеждать» (Чуковская Л.К. Полгода в «Новом мире»).

Процесс убеждения может доставлять говорящему удовольствие: 0,006

«В сущности, - мрачно басил, опуская глаза, перетряхивая темной шапкой волос, развеваемых ветром, - мне очень чужда ваша аполитичность, чужда ваша литературная группа: люблю я замешиваться в толкотню, биться за убеждения, разубеждать, убеждать, а вы держитесь замкнуто; месиво жизни вам чуждо» (Андрей Белый. Начало века).

Убеждение может быть мотивировано желанием добра: 0,006

«Он стал убеждать свою спутницу, желая обратить ее на путь истины» (С.М. Степняк-Кравчинский. Андрей Кожухов).

Убеждение – наука: 0,006

«Наука убеждать» (Дмитрий Рогозин. Право на вооруженную защиту).

Есть логически способы убеждения: 0,004

«Замечательных романтиков трудно убеждать с помощью логики» (Большая мечта о земном рае. Брак по расчету).

Вдохновлять: 0,004

«Но тренер умеет убеждать, ей веришь, получаешь после общения какой-то необъяснимый заряд энергии» (К. Кухаренко. Спортсменка, чемпионка и просто красавица).

Есть эмоциональные способы убеждения: 0,002

«Давайте не убеждать друг друга криком и пробивными словами» (Дудинцев Владимир. Белые одежды).

Информировать: 0,002

«Иоганн убедился в том, что полезнее для получения более обширных сведений ставить себя в положение человека, которого надо в чем-то еще убеждать» (Вадим Кожевников. Щит и меч).

Убеждение может быть привычной деятельностью: 0,002

«Чавканья я так и не понял, но из привычки отрицать сверхъестественное в быту, из привычки убеждать себя, что живешь в мире причинных связей, которые так просты и нетаинственны, если

известны, я объяснил себе так, что это только я не могу понять, в чем дело, а на самом деле все происходит, может, оттого, что чавкает воздух, который выжимает из земли вода...» (Андрей Битов. Записки из-за угла).

Ядерными признаками концепта *убеждать* являются: *приводить доводы 0,16, воздействовать 0,158.*

К ближней периферии относятся: *наличие умения 0,084, не всех можно убедить 0,056, убеждение может быть адресовано говорящим самому себе 0,056, убеждение – трудоемкий процесс, требующий времени 0,052, сведуших людей не надо убеждать 0,050, подчеркивать необходимость 0,045, убеждать можно в чем-то и против чего-то 0,041, убеждение может быть эмоциональным 0,038.*

Дальняя периферия: *трудный, трудоемкий процесс 0,032, может вводить в заблуждение 0,030, процесс, не доставляющий говорящему удовольствия 0,026, предполагает определенные приемы, способы, методы 0,020, может требовать многократности 0,017, эффективно апеллировать к материальным выгодам 0,015, можно столкнуться с сопротивлением 0,013, является даром, талантом, искусством 0,15, беседовать 0,011, наставлять 0,011, эффективно использовать наглядность 0,013, основывается на уверенности 0,009, эффективно убеждать конкретным делом 0,009, использовать красноречие 0,007, использовать обещания 0,007, есть собеседники, позволяющие себя убеждать 0,006, процесс убеждения может доставлять говорящему удовольствие 0,006, убеждение может быть мотивировано желанием добра 0,006, убеждение – наука 0,006, есть логически способы убеждения 0,004, вдохновлять 0,004.*

Крайняя периферия: *есть эмоциональные способы убеждения 0,002, информировать 0,002, убеждение может быть привычной деятельностью 0,002.*

Полученные когнитивные признаки дополняют признаки исследуемого концепта, выявляемые другими приемами.

Соотношение национальных и индивидуальных когнитивных признаков в художественном концепте (на примере концепта «родина»)

Проблема соотношения национального и личностного в концепте является недостаточно изученной, и, следовательно, актуальной.

Известно, что национальная концептосфера более устойчива, т.к. порождается коллективным сознанием носителей данного языка. Человек овладевает языком в процессе приобщения к коллективному опыту того сообщества, в котором он живет.

Личностная, или индивидуально-авторская, концептосфера субъективна и гораздо менее устойчива. Её элементы могут значительно отличаться от элементов общенациональной концептосферы, поскольку в индивидуальном сознании существует избирательность, определяемая целым рядом факторов: уровнем развития общества, условиями жизни и быта, профессиональными, возрастными, гендерными и другими особенностями личности. «Степень развитости личности прямо зависит от богатства реальных общественных отношений, в которые она включена» (Философский словарь 2001, с.290).

Наиболее ярким и наглядным материалом для выявления национальных и индивидуальных признаков концепта служат публицистические тексты (в частности, интервью) и тексты художественной литературы, дающие доступ к концептуально-языковому тезаурусу авторов литературных произведений.

Цель данного исследования – выявить сходства и различия когнитивных признаков концепта «родина» в национальной и индивидуально-авторской концептосферах. С этой целью был проведен сопоставительный анализ репрезентации данного концепта в национальном языковом сознании и в произведениях Сергея Довлатова и Дины Рубинной.

Выявление когнитивных признаков концепта *родина* в национальной концептосфере проводилось на основе анализа языкового материала, извлечённого из толкового и энциклопедического словарей, словаря синонимов, частотного и ассоциативного словарей, а также анализа русских фразеологизмов и паремий (во фразеологических словарях концепт *родина* не номинирован). Описание концепта как элемента национальной концептосферы осуществлялось через описание семантики единиц целостной номинации – когда обозначается концепт в целом.

Признаки, полученные в ходе когнитивной интерпретации значений целостных номинаций, паремий, ассоциативного поля слова *родина*, отражают национальную структуру концепта; признаки, полученные путем интерпретации употреблений номинаций концепта в

художественной речи, отражают специфику индивидуально-авторской интерпретации данного национального концепта.

Перечень когнитивных признаков концепта «родина» в общенациональной концептосфере и в авторских концептосферах представлен в таблице (с указанием частотности актуализации признаков: ч – частотный, уч – умеренно-частотный, е - единичный):

Когнитивные признаки	Сло- вари	Ассо- циа- ции	Фра- зео- логия	Па- ре- мии	С. Довла -тов	Д. ру- би- на
родная страна	ч					
исторически принадлежащая данному народу территория с ее природой, населением, обществ. и гос. строем, особенностями языка, культуры, быта и нравов	е					
край отцов	е					
место рождения, происхождения кого-чего-н., возникновения чего-н.	е					
чего-л.: колыбель	е					
место возникновения, открытия или изобретения чего-либо	е					
мать		ч				
Моя		ч			уч	
Совет		уч				
любимая		уч				
единственная		уч			е	
Россия		уч			уч	
Большая		уч				
Край		уч				
Город		уч				
ее любит патриот		уч			уч	
Природа (березка зелень, лес, поле, речка)		е				
красивая		уч				
Могучая		е				
вызывает чувство достоинства		е				
Гадкая		е				

глупая		е				
родина бесценна				е		
Родина - самое важное для человека				ч		
родина - самое красивое на свете				е		
Любовь к родине у человека постоянна, неуничтожима				е	е	
родина необходима для всех				е		
родину надо уметь защитить		е		е		
родине надо отдавать свои силы и жизнь				е		
для родины можно пойти на смерть				е		
Родину любят еще больше на чужбине				е	е	
на родине все кажется лучше				е		
родине надо служить верно				е		
жизнь без родины не имеет смысла				е		
родина - лучшее в мире место				е		
советское государство обирало эмигрантов						е
родину надо беречь и любить				е		е
родина в эмиграции постепенно забывается						е
связь человека с родиной пожизненна					е	е
родина отвергает любовь своих детей					е	
родина предаёт своих детей					е	
родина унижает своих граждан					е	е
Судьба родины принимается близко к сердцу					е	е
литература - высшее достижение нашей родины					уч	
наше отечество обязательно возродится					е	
наше государство сурово к своим гражданам					е	
родина необратимо изменяет человека					е	
Россия переживает трагические времена					уч	
в советском государстве были взаимопомощь и доброта					е	
Россия всегда интересна для наблюдения писателя						е

родина прекрасна и заслуживает бережного обращения		е				е
в России жестокое молодое поколение						е
Россия, по мнению израильской госбезопасности, опасная страна						е
родина для писателя – это то, что дорого						е
наша родина многострадальная					ч	
наша родина разлучает друзей					е	
наше отечество опозорено					е	
наша родина нищая					е	
культурная привязанность писателя-эмигранта к России очень сильна					е	е
никогда не разлучаться с родиной - это счастье					е	е
Россия – страна неограниченных языковых возможностей						е
в России сохранилась уродливая реальность – хамство вахтера						е
в России издеваются над репатриантами					уч	уч
дети репатриантов быстро привыкают к новой стране					е	
родина – это подробности всей нашей жизни					е	
литература – лучшее достижение нашей родины					е	
на родине обладание предметами обеспечивало социальный статус человека					е	
сексуальное просвещение в России недостаточно					е	

Таким образом, национальная и индивидуальная концептосферы имеют больше различий, чем сходств. Разные типы объективации совпадают лишь в нескольких когнитивных признаках (*наша; единственная; прекрасная; любовь к родине неуничтожима; родину надо беречь и защищать*). Остальные признаки в разных источниках различаются.

Ряд когнитивных признаков объединяет художественную концептосферу С.Довлатова и Д.Рубиной (*связь человека с родиной пожизненна; родина унижает своих граждан; наше государство сурово к своим гражданам; в России издеваются над репатриантами; судьба родины принимается близко к сердцу; культурная привязанность писателя-эмигранта к России очень сильна*).

Специфику индивидуальной концептосферы в текстах С.Довлатова составляют когнитивные признаки: *литература – высшее достижение нашей родины; родина необратимо меняет человека; наша родина*

ужасна и вызывает душевную боль; наше отечество обязательно возродится.

В авторской концептосфере Д. Рубиной специфичны следующие когнитивные признаки: *Россия всегда интересна для наблюдения писателя; Россия, по мнению израильской госбезопасности, опасная страна; советское государство обирало эмигрантов; в России сохранилась уродливая реалья – хамство вахтера; Россия – страна неограниченных языковых возможностей; Родина для писателя – понятие сложное и драгоценное.*

Результаты анализа наглядно показали специфику соотношения национальных и индивидуальных концептов.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М., 1998.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.

Философский словарь \ Под ред. И.Т.Фролова. – Изд.7-е. – М., 2001.

Источники

Рубина Д. Больно только когда смеюсь. М.: Эксмо, 2008. – 336 с.

Рубина Д. «Их бин нервосо...»! – М.: Эксмо, 2005. – 256 с.

Рубина Д. Наш китайский бизнес: роман и рассказы. – М.: Эксмо, 2004. – 496 с.

Довлатов С. Речь без повода... или Колонки редактора (Ранее неизданные материалы). – М., 2006. – 432 с.

Медиадискурс

Валид Абдулла Латиф

Экономическая терминология концептуальной области «финансы» в современных СМИ

Как известно, экономика – это сфера жизни социума, включающая производство, обмен, распределение и потребление материальных благ и услуг. Следовательно, можно говорить о производственной сфере, финансовой (банковской) сфере и сфере торговли.

Поскольку экономические отношения являются базисными для любого социума, они с необходимостью обсуждаются в СМИ, что обуславливает употребление соответствующей терминологии. Статьи экономической тематики освещают вопросы качества товаров и услуг, эффективности производства, регулирования денежных потоков, оборота капитала.

Представляется интересным рассмотреть, какие экономические термины являются наиболее востребованными в современных средствах массовой информации. Источником практического материала послужили газеты «Аргументы и факты» (далее – АиФ) и «Комсомольская правда» (далее – КП). Выбор данных изданий был обусловлен двумя факторами. Во-

первых, это наиболее читаемые газеты (занимают первое место в России по количеству подписчиков), во-вторых, они не являются специальными, как, например, газеты «Деньги» или «Коммерсант», то есть рассчитаны на обычного читателя.

Анализ указанных газет показал, что экономическая терминология используется в них достаточно активно. Особенно активизировалось на страницах указанных изданий употребление терминов, относящихся к концептуальной области «финансы», например:

*Говорят, что **банки** начали **повышать комиссии** за операции по **пластиковым картам**?*

В рамках тематического поля «банковское дело» выявляются следующие микрополя:

1. КРЕДИТОВАНИЕ: кредит, кредитный договор, займ, ставка по кредиту, заёмщик, задолженность по кредиту, невыплата, долг, реструктуризация кредита, отсрочка выплаты основной суммы долга, погашение задолженности, коллекторское агентство:

*Обязанность **банков** предоставлять полную информацию об условиях **выдачи кредитов**, включая все **скрытые проценты** (КП 29 января 2009).*

*Если вы уверены в своих будущих **доходах**, можете попробовать получить **ипотечный кредит** и купить квартиру в будущем году, когда упадут цены на недвижимость (КП, 5 февраля 2009).*

*Если **ставка по кредитам** не **повысится**, нужно просто продолжать их **выплачивать** и стараться не потерять работу (КП, 22 января 2009).*

*Скорее всего, чтобы **расплатиться по уже взятым кредитам**, владельцы недвижимости будут **распродавать её по любым ценам** (КП, 12 февраля 2009).*

*Чем **заёмщику** заинтересовать банк? (КП, 22 января 2009).*

*Что делать, если **банк выбивает долг через коллекторское агентство**? (КП, 29 января 2009).*

Следует отметить, что при несомненных трудностях у многих заёмщиков с выплатой кредитов банки продолжают активно рекламировать этот вид услуг, например:

*С большим **кредитом** – на новый уровень бизнеса (реклама банка ВТБ 24) (АиФ, №5, 2009).*

*Доступные **кредиты** малому бизнесу (реклама Московского кредитного банка) (КП, 18 декабря 2008).*

2. ВКЛАДЫ: вклад, депозит, процент по вкладам, страхование вкладов.

*Самый надёжный способ сохранить средства – это **вклады** в банках (АиФ, №7, 2009).*

***Депозиты** до 700 тысяч рублей **застрахованы** в любом банке: государственном или частном (КП 26 февраля 2009).*

Банкиры обещают высокие проценты по вкладам (КП, 19 февраля 2009).

Обращает на себя внимание большое количество рекламных объявлений, призывающих население не держать денежные средства дома, а доверить их банку под высокий процент, например:

Райффазейнбанк заботится о спокойствии своих клиентов, гарантируя их вкладам абсолютную ликвидность и стабильный рост! (АиФ, №52, 2008).

Вклад «Новогоднее настроение». Хорошие процентные ставки и новогодние подарки. При открытии вклада – подарок. Промсвязьбанк. (АиФ, №51, 2008).

16, 5%. Пожалуй, максимальный процент по вкладам с государственной гарантией. Совкомбанк. (КП, 25 декабря 2008).

Большое количество рекламных объявлений и предлагаемый банками высокий процент по вкладам свидетельствует о недостатке наличности в банковской системе.

3. ВАЛЮТА: валюта, валютный рынок, рубль, доллар, евро, обмен, обменник, комиссионные.

Валютный рынок ожидает, что рубль подешевеет в отношении к доллару примерно на 10% в ближайшие полгода, а за год – на 20% (КП, 18 декабря, 2008).

Таким образом, набор терминов из экономической сферы «финансы» и контекст их употребления в периодической печати совершенно очевидно свидетельствует о финансовом кризисе в России. В рамках исследуемого материала употребление экономической лексики обусловлено главными задачами СМИ – информировать читателя и воздействовать на него: предостеречь от возможных опасностей и тем самым привлечь к данному печатному изданию потенциального читателя.

А.О.Гирчева

Социальная реклама как тип дискурса

Реклама определяется как завершенное сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку (привлечение внимания к предмету рекламы), сочетающее признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических (пара- и экстралингвистических) средств. Традиционно принято говорить о дискурсе коммерческой рекламы, но с каждым днем возрастает необходимость в актуализации социальной рекламы, выполняющей функцию гуманизации общества и формирования нравственных ценностей.

Первостепенное отличие социальной рекламы от коммерческой заключается в **различном предмете рекламы**. Например:

«Войди в мир Kent!» - сообщение коммерческой рекламы, ставящее целью привлечь внимание людей, имеющих зависимость от никотина, к марке сигарет «Kent». Предметом рекламы являются сигареты «Kent».

«Уэйн Макларен. Лицо рекламы сигарет. Умер от рака легких» - сообщение социальной рекламы, ставящей своей целью привлечь внимание людей, имеющих зависимость от никотина, к здоровому образу жизни, то есть предметом рекламы является здоровый образ жизни / жизни без сигарет.

Вместе с тем, как показывают примеры, социальная и коммерческая реклама имеют и сходные черты, которые обусловлены тем, что обе эти разновидности рекламного дискурса ориентируются на потенциальную аудиторию следующего состава:

1) адресатами коммерческой рекламы являются те, кто уже воспользовался данным продуктом / услугой (реклама-напоминание), и те, кто ещё должен сделать свой выбор;

2) адресатами социальной рекламы являются те, кто придерживается определенного позитивно направленного поведения в обществе, и те, кто его не придерживается.

Сходство между этими видами рекламы может заключаться в выборе **одной и той же потенциальной аудитории** (так, в приведённом выше примере и в первом, и во втором случаях сообщение адресовано людям, имеющим никотиновую зависимость).

Однако отличие социальной рекламы от коммерческой заключается в том, что существует такая потенциальная аудитория, которая никогда не будет потенциальной аудиторией коммерческой рекламы. Это люди, болеющие наркоманией и токсикоманией. Невозможность адресовать коммерческую рекламу данной социальной группе обуславливается тем, что в Статье 7 Федерального закона о рекламе от 3 марта 2006 года «не допускается реклама наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров».

Различия коммерческой и социальной рекламы проявляются также в способе подачи рекламного сообщения. Существенным **различием в способах рекламы** является то, что коммерческая реклама обращена к тем, кто ещё должен сделать свой выбор, и в этом случае в рекламном сообщении будет говориться о достоинствах услуги / продукта. Социальная реклама адресуется тем, кто не придерживается определенного позитивно направленного поведения в обществе, и поэтому в рекламном сообщении говориться о последствиях, которые их ожидают.

Наконец, различие между коммерческой и социальной рекламой заключается в трудностях, ожидающих копирайтеров: в коммерческой рекламе – трудность состоит в том, чтобы побудить адресата *из множества конкретно обозначенных продуктов, выставленных на продажу, сделать выбор в пользу одного*; в социальной рекламе - трудность состоит в том, чтобы побудить потенциального реципиента *из двух субъективных понятий о жизни выбрать одно - правильное*.

Перечисленные различия между социальной и коммерческой рекламой обуславливают и отличия в оформлении рекламных текстов, то есть отличия в их композиционно-языковых характеристиках. Рассмотрим это подробнее.

Выделяют три основных структурных компонента рекламы – вербальный текст, визуальный ряд и звучание. Традиционно в вербальной составляющей рекламного сообщения выделяют четыре основные части:

1. слоган (или рекламный лозунг);
2. заголовок;
3. основной рекламный текст (ОРТ);
4. эхо-фраза (или кода).

Структура сообщения социальной рекламы по форме несколько отличается от структуры сообщения коммерческой рекламы. Можно выделить несколько наиболее популярных структурных типов сообщения.

Одна из распространенных форм социальной рекламы – классическая, включающая 3 лингвистические составляющие:

1. Некое **утверждение** (то, что в коммерческой рекламе называется ОРТ). Пример - *«Думаете, налоги уходят в песок? Да, это правда. В 2004г. в Москве за счет налогов оборудовано 200 детских площадок».*

2. **Слоган** (то, что и в коммерческой рекламе называется слоганом). Пример - *«Спасибо тем, кто заплатил налоги, пожалуйста тем, кто этого не сделал»*

3. **Ссылка** на источник сообщения. Пример - **МВД РОССИИ, Федеральная Служба по контролю за оборотом наркотиков.**

Часто структура текста социальной рекламы строится на основе сообщений, реализующих речевые акты определённого типа в такой комбинации, которая будет обуславливать необходимый прагматический эффект. Покажем это на конкретных контекстах.

Пример 1.

Утверждение	<i>Мат – язык примата</i>
Реакция на утверждение в форме риторического вопроса	<i>А ты на какой ступени эволюции?</i>

Пример 2.

Утверждение	<i>Утром мы тоже идем на работу</i>
Реакция на утверждение в форме утверждения	<i>Только не всегда возвращаемся вечером. (МВД)</i>

Пример 3.

<u>Утверждение</u>	<u><i>Никто не доказал, что это безопасно.</i></u>
<u>Реакция на утверждение в форме назидания.</u>	<u><i>Не стоит есть генетически модифицированные продукты.</i></u>

Ещё один тип структуры сообщения социальной рекламы - это несколько утверждений и реакций одновременно. Пример:

«Красота – хрупкая сила! Бросай, пока она не стала страшной! Многие отдадут любые средства, чтобы, пусть даже совсем ненадолго продлить свою молодость. Хотя достаточно не ускорять время сигаретами»

Наконец, наиболее распространенный структурный тип рекламного текста – слоган в чистом виде, например:

«Сохрани мир вокруг себя!».

Слоган может выступать в форме утверждения («Старость – радость, когда внуки рядом!»), в форме вопроса («Сколько у тебя жизней?»), в форме побуждения («Экономь свет»).

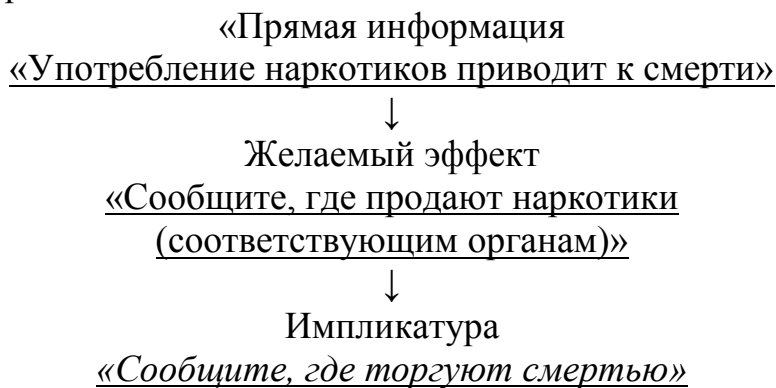
Эффективность рекламного дискурса зависит также от стилистической окраски, которую сообщение приобретает с помощью различных лингвистических средств. Сообщения социальной рекламы, так же как и коммерческой, могут включать в числе прочих средств создания экспрессии и языковую игру. Языковой игрой называется сознательное нарушение языковых норм, правил речевого общения, а также исключение речевых клише с целью придания сообщению большей экспрессивной силы. Для понимания подтекста адресату приходится прилагать некоторые усилия, чтобы обнаружить, какое из языковых правил было нарушено и зачем.

Говоря об эффективности сообщения социальной рекламы, подразумевают в первую очередь *воспроизводимость* сообщения потенциальными читателями /слушателями. Это можно проверить с помощью эксперимента. С целью выявления воспроизводимости рекламного сообщения нами был проведён опрос 1143 информантов различного пола возраста и социального положения. Опишем результаты, полученные при предъявлении одного из рекламных текстов.

«Сообщите, где торгуют смертью» - российский слоган, запущенный в рамках Всероссийской акции Наркоконтроля в качестве надписей на автобусах и троллейбусах, акция в Воронеже продлилась с 1 по 26 июня 2008 года; слоган был активизирован на рекламном плакате, содержавшем, помимо слогана, изображение шприца, номер телефона; правильно интерпретировать данный слоган надо следующим образом «Сообщите УФСКН РФ по Воронежской области, где торгуют наркотиками»

Информантам необходимо было ответить на вопрос: «Что означает это высказывание?» и самостоятельно записать ответ. Испытуемые были намеренно лишены возможности «увидеть» слоган, им предстояло анализировать только содержание рекламного сообщения. Целью эксперимента было выяснение количества информантов, не сумевших воспроизвести смысловое или тематическое содержание рекламного сообщения.

Слоган *«Сообщите, где торгуют смертью»* вызвал затруднения у 28% респондентов. Чем можно объяснить этот факт? Слоган социальной рекламы создан по первоначально применяемому в коммерческой рекламе принципу имплицатур. **Имплицатуры - особый вид языковой манипуляции, при котором информация в явном (эксплицитном) виде в тексте не выражается, но в скрытом виде (имплицитно) присутствует.** Слоган *«Сообщите, где торгуют смертью»* выстраивается следующим образом:

274 респондента (24%) указывали тему, заявленную в слогане («наркотики», «наркопритоны», «барыги»), но это нельзя расценивать как хороший показатель, ведь, кроме уровня понимания темы сообщения, есть уровень понимания его целостного смысла, наконец, уровень репрезентации воспринятого материала. Очевидным оказалось небрежное (в смысле использования языковых единиц) отношение к ответу на данный вопрос, особенно по сравнению с тщательным прописыванием полных, сложных синтаксических конструкций в предыдущем задании.

Интересным является то, что восстановление полного смысла слогана *«Сообщите, где торгуют смертью»*, то есть с указанием потенциально информируемых объектов («милиция», «Наркоконтроль», «ФСБ», «правоохранительные органы») оказалось характерным для мужчин от 19 до 30 лет и женщин в возрасте от 10 до 30 лет. Затруднилось ответить на вопрос 36 % сотрудников ФБУ ОТБ-1 УФСИН России по Воронежской области (мужчины, 19-47 лет). Заключение ФБУ ОТБ-1 УФСИН России по Воронежской области, осужденные на второй срок (мужчины, 21-55 лет), напротив, отвечали полными конструкциями с указанием информируемых. Именно для данной группы людей проблема наркомании является наиболее актуальной, что, вероятно, и способствовало распознаванию языковой игры в слогане социальной рекламы.

Таким образом, анализ показал, что социальная реклама имеет как отличные от коммерческой, так и общие с ней признаки. Отличия проявляются в: 1) различном предмете рекламы; 2) существовании потенциального адресата, который по закону не может быть подвергнут воздействию коммерческой рекламы, вступающей в противодействие с социальной; 3) в способах предъявления материала; 4) в структурно-композиционных и частично языковых особенностях.

Сходства проявляются в: 1) направленности на одну и ту же потенциальную аудиторию; 2) использовании общих приёмов воздействия на реципиента. Дискурс социальной рекламы предполагает, как и дискурс коммерческой рекламы, использование разнообразных стилистических приемов, целью которых является активизация интереса и создание благоприятных условий для закрепления рекламного сообщения в сознании адресата.

Существует рекламное пространство, которое коммерческая и социальная реклама занимают попеременно. Большинство роликов, джинглов и текстов, посвященных рекламе алкоголя (в частности, пива) и табачных изделий, выбирают ведущим мотивом общепринятые человеческие ценности, такие как мужская дружба, любовь к родине, – основные компоненты положительного прагматического фона. Основная функция положительного прагматического фона в рекламе – это формирование установки, то есть создание устойчивого образа будущего состояния. Установка должна быть положительной, образ будущего состояния привлекательным, желанным и непротиворечивым.

Рекламное сообщение может не просто создать настроение на какой-то отрезок времени, но, при регулярном повторении рекламы на радио, телевидении, в печати, может создать образ мыслей и даже образ жизни. Например: «Балтика №3 – там, где Россия». Данное сообщение пытается воздействовать на потребителя, взывая к чувству «отчизны», т.е. прививает мысль о равенстве понятий «Россия» и «Балтика № 3», следовательно, «Россия» = «Пиво», «Россия» = «Алкоголь».

В приведённом сообщении имплицитно заключаются две мысли: 1) патриотизм – общенациональная ценность, поддержание которой способствует улучшению эмоционального состояния; 2) «Балтика № 3» «ближе» и «роднее» других напитков. Такой приём подводит потенциального потребителя к мысли о том, что пиво «Балтика № 3» способствует улучшению эмоционального состояния. Правомерна ли такая реклама?

Статьей 22 Федерального закона о рекламе с 3 марта 2006 г. определены особенности рекламы пива и напитков, изготавливаемых на его основе: *«реклама пива и напитков, изготавливаемых на его основе, не должна содержать утверждение о том, что употребление пива и напитков, изготавливаемых на его основе, имеет важное значение для достижения общественного признания, профессионального, спортивного или личного успеха либо способствует улучшению физического или эмоционального*

состояния». Таким образом, данная реклама нарушает законодательство РФ.

Можно привести ещё пример. Статьей 23 Федерального закона о рекламе с 3 марта 2006г. установлено, что *«реклама табака не должна содержать утверждение о том, что курение имеет важное значение для достижения общественного признания, профессионального, спортивного или личного успеха, либо способствует улучшению физического или эмоционального состояния»*. Ярким примером нарушения данного положения законодательства является реклама сигарет марки «Bond Street» - сообщение промо-акции с розыгрышем призов - «Повезет с Bond Street!». В этом случае создается впечатление, что курение сигарет данной марки имеет важное значение для достижения личного успеха.

Таким образом, копирайтеры коммерческой рекламы пытаются захватить пространство у социальной рекламы. Получается, что в одних временно-пространственных рамках равнозначны провозглашаются взаимоисключающие ценности. Поэтому социальная реклама как особая, общественно значимая разновидность рекламного дискурса должна использовать средства речевого воздействия, обладающие очень высоким прагматическим потенциалом.

С.А. Лысенко

Особенности сетевого диалога

Стремительно развивающиеся интернет-технологии привели к тому, что в наше время всемирная паутина сети Интернет образует свою реальность, пусть виртуальную, но с целым рядом интересов, мотивов, целей, потребностей, установок, а также форм психологической и социальной активности, непосредственно связанных с этим новым пространством. В итоге образуется новое информационное общество, в котором коммуниканты живут практически полноценной, хотя и виртуальной, жизнью.

Перед тем как приступить к рассмотрению особенностей диалогической речи в сети Интернет, необходимо понять, в чем заключаются конструктивные особенности диалогической речи и чем диалог отличается от монолога.

Различие между этими типами речи определяется типом логической связи предложений внутри контекста. Монолог сообщает о фактах действительности, а факты действительности всегда находятся во временной или причинно-следственной связи (отношениях) друг с другом.

В монологической речи используется все многообразие простых и сложных синтаксических конструкций литературного языка, которые и делают речь связной: предложения с однородными членами, с обособленными оборотами, сложносочиненные и сложноподчиненные

предложения, которые выстраивают монологическую речь в логичном порядке, делают связной и понятной адресату.

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ – форма речи, при которой происходит непосредственный обмен высказываниями между двумя или несколькими лицами. Условия, в которых протекает диалог, определяют ряд ее особенностей, к которым относятся: краткость высказывания, широкое использование экстралингвистических средств общения (мимика, жесты), интонации, разнообразие предложений неполного состава, свободное от строгих норм книжной речи синтаксическое оформление высказывания, преобладание простых предложений, непосредственность восприятия, активная роль адресанта и др. «Диалогическая речь – первичная естественная форма языкового общения – генетически восходит к устно-разговорной сфере, для которой характерен принцип экономии средств словесного выражения. Информативная полнота диалогической речи может (помимо интонации, мимики и жеста) быть обеспечена тем меньшим их объемом, чем больше проявляются ее ситуативная обусловленность и общность апперцепционной базы» (Языкознание. БЭС 1998, с.135) .

Каждая в отдельности реплика участников диалога не имеет законченного смысла, но все они воспринимаются в «диалогическом единстве» (Щерба 1974, с.26). В диалогической связной речи часто используются неполные предложения, пропущенные члены которых домысливаются слушающим из ситуации речи, и очень часто используются полные предложения стандартной конструкции (штампы) разговорного стиля: «Не может он не прийти» (т. е. «Он непременно придет»), «Жди!» (т. е. «Вряд ли это произойдет»), «Дождешься от вас помощи!» (т. е. «Вы не окажете помощи»).

Данные особенности диалогической речи актуальны и для сетевого общения, с той лишь разницей, что сетевой диалог имеет письменную фиксацию. Происходит объединение свойств устной и письменной речи. Взвешенность и обдуманность письменной речи сочетается с легкостью и непринужденностью устной. Устная речь, в отличие от письменной, подразумевает большое количество разговорных выражений, просторечий, широкое использование эмоционально-экспрессивной лексики и характерных синтаксических средств (простых и бессоюзных предложений); важная роль принадлежит интонации. И все эти свойства находят свое выражение в интернет-коммуникации.

Например:

 Pirat (09:08:40 16/03/2009)

привет))

 Натали (09:08:46 16/03/2009)

Как настроение?

 Pirat (09:08:50 16/03/2009)

суперское) а у тебя?

 Натали (09:09:09 16/03/2009)

и у меня))) прохланова-то правда

 Pirat (09:09:22 16/03/2009)

когда приехала?

 Natalli (09:09:29 16/03/2009)

вчера

 Pirat (09:09:32 16/03/2009)

да ну, наоборот супер...

Стоит также отметить, что диалог в Сети со всеми его конструктивными особенностями возникает зачастую в *синхронной коммуникации* (IRC, ICQ, различные чаты). Общение в *асинхронной коммуникации* (электронная почта, форумы, блоги, интернет-дневники и др.) больше походит на обмен монологами, чем на отложенный во времени диалог. Сравните:

Hello, Dietmar

Mihail asks if Robert gave you the cropping plan for the livestock?

If you do have it would you be so kind to mail it to us.

Thanks a lot

Viktoriya

Hi Vicktoriya,

attached I send you our current plan. But we are still in discussion.

Maybe it changes again until the end of the week.

BR Dietmar

У сетевой диалогической речи можно отметить следующие особенности: краткость, разорванность высказываний, по большей части, отсутствие четких, структурированных, законченных диалогов или смысловых единиц.

Одной из причин данного явления будет большая открытость коммуникации. В интернет-коммуникации общение может происходить более чем с одним собеседником, что, в принципе, характерно для устной речи. При этом пользователи могут постоянно подключаться к коммуникации, выходить из нее или просто наблюдать за ходом беседы со стороны. Например, следующий диалог наглядно демонстрирует процесс ведения коммуникации в Сети:

Экспериментатор: Как ты ухитряешься беседовать сразу с несколькими людьми?

Испытуемый: Нормально, самое главное ответы писать покороче.

Экспериментатор: Зачем?

Испытуемый: Так более реалтаймее (более похоже на реальный диалог) получается.

Экспериментатор: Но тогда разговор получается какой-то глупый и бестолковый.

Испытуемый: Да ерунда, к этому здесь все давно привыкли, и никто на это не обращает внимания.

Экспериментатор: И со сколькими людьми ты можешь беседовать одновременно?

Испытуемый: Ну, с пятью-десятью, иногда и больше, но лучше с двумя-тремя (http://www.erudition.ru/referat/ref/id.34633_1.html).

В результате вся речь становится похожа на разговор ни о чем. Кроме того, можно заметить, что большинство высказываний в подобных диалогах являются по существу репликами в никуда и имеют целью выразить мнение или состояние автора высказывания, а не узнать мнение или состояние собеседника. При этом следует сказать, что данная особенность ведения диалога характерна только для сетевого общения. Использование подобных высказываний в реальном диалоге будет выглядеть нелепо и даже оскорбительно по отношению к собеседнику. В интернет-коммуникации – это, напротив, будет средством поддержания коммуникации.

Одним из наиболее ярких свойств интернет-диалога является ослабление различного типа барьеров и ограничений, даже по отношению к устной речи. Он допускает гораздо большую степень свободы и проникновения для сетевых коммуникантов, если сравнивать с физической средой обитания человека. Например, мы можем не только общаться с большим количеством собеседников сразу, но и менять их, перемещаться по сети в течение нескольких секунд, по своему выбору управлять поступающей к нам информацией, без труда меняя ее в широчайших пределах, репрезентировать себя как мы сами того желаем, например, с легкостью сменить собственный пол, легко выйти из контакта в любой момент в случае нежелательного развития событий и т.д. Как писал П.Келли: «В виртуальной среде вы вообще можете быть кем хотите, выглядеть как угодно, быть существом любого пола по выбору, словом, у вас нет ограничений, характерных для реального мира» (http://www.erudition.ru/referat/ref/id.34633_1.html).

Некоторые из перечисленных действий возможны и в реальной жизни, но требуют значительных затрат и усилий, некоторые же невозможны в принципе.

Рассматривая особенности интернет-диалога, невозможно не обратить внимания на эмоциональную составляющую интернет-общения, а точнее, на ее неполноценность. Информация в интернет-коммуникации представлена графически, то есть в письменном виде, поэтому возникают различные трудности с передачей экстралингвистических особенностей звучащей речи, так как письменная коммуникация теряет часть смысловых средств, присущих устной коммуникации – в первую очередь, интонацию, мимику и жесты (то есть именно те средства выражения, которые передают эмоциональный компонент). При этом сжатый, экономящий усилия и время отправителя виртуальный жанр не способствует детализации описания, присущей традиционной письменной речи – что могло бы хотя бы отчасти компенсировать отсутствие вербальных средств (Лысенко 2008, с.163). В интернет-диалогах коммуниканты давно придумали альтернативу выражению эмоций –

смайлики, отклонение от норм орфографии и пунктуации, описание действий или эмоций.

Описание действий или эмоций здесь используют довольно редко, так как скорость общения диктует свои правила, а если и используют, то зачатую «односложные», как например: «*кую*», «*сплю*», «*супер*» и др.; либо в акронимах различного типа: *LOL*, *ИМХО* и др.

Но самое широкое распространение получили так называемые «смайлики» – смáйлик, смайл (англ. *smile, smiley*), эмотикóн (англ. *emoticon – emotional icon*), эмотикóнка, эмоциóн – это идеограмма, изображающая эмоцию. Состоит из различных символов, в том числе и служебных. Распространение смайлик получил в Интернете и SMS, однако в последнее время он используется повсеместно (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Смайл>).

Смайлики уже давно перестали быть просто попыткой передать улыбку, лукавую усмешку, озабоченность, злость, а также выразить другие эмоции. Многие пользователи с помощью смайликов пытаются создавать различные рисунки, напоминающие примитивную живопись. И действительно, данный вид коммуникации с использованием большого количества смайликов и акронимов сильно напоминает письменность древних народов, например древнеегипетскую.

На наш взгляд, это происходит потому, что слова или рисунка зачастую бывает не достаточно для выражения определенной идеи с необходимой ясностью, точностью и полнотой.

Таким образом, мы приходим к выводу, что интернет-коммуникация является новым специфическим образованием, в котором происходит переплетение свойств устной и письменной форм речи, а именно: устная диалогическая речь получает письменную фиксацию, и в связи с этим письменная (по форме) речь интернет-коммуникации приобретает ряд характеристик, сближающих ее с устной разговорной речью, а также отличает ее как от устной разговорной речи, так и от устной письменно зафиксированной речи художественных произведений. В связи со всем вышесказанным возникает предположение о возможном появлении новой формы речи интернет-коммуникации, а именно устно-письменной формы, что будет являться предметом дальнейших исследований.

Языкознание. Большой Энциклопедический Словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – Я41 М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685с.: ил. С.135

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974. - С. 24-39

Лысенко С.А. Изображение интонации в интернет коммуникации // Язык и национальное сознание. Вып. 11 – Воронеж: «Истоки», 2008. – С. 163-167

http://www.erudition.ru/referat/ref/id.34633_1.html

<http://ru.wikipedia.org/wiki/Смайл>

Эволюция жанров в современных печатных СМИ (на материале публикаций в газете «Коммерсант»)

За последние 20 лет система отечественной журналистики коренным образом поменялась. Журналистика в современной России развивается стремительно. На происходящие изменения влияют факторы политического, экономического, социокультурного характера. Журналистика чутко реагирует на все перемены, потому что в силу своей специфики должна идти в ногу со временем и в определённой мере даже опережать его. Ломка командно-административной системы освободила журналистов от идеологии, от необходимости четко следовать партийной линии, но нельзя утверждать, что эти изменения породили только положительные результаты. Свобода для многих обернулась беспределом, в журналистике оказалось множество случайных людей, не имеющих моральных и этических принципов. Появилась желтая пресса, пышно расцвел черный пиар. Перестройка системы журналистики проходит тяжело.

С исчезновением старой системы организации СМИ возникли резонные вопросы: куда и как дальше двигаться? Какими должны стать в новых условиях средства массовой информации, в частности печатные? Обнаружилось два пути, две тенденции: отечественная и западная. Сегодняшняя западная пресса в большей степени ориентирована на подачу точной информации, сухого факта. Образно выражаясь, западная пресса провозгласила своей главной целью объективность, а личный взгляд и субъективный анализ автора отбросила. В отечественной же прессе вот уже два века существует совершенно иная традиция. Мнение автора, его осмысление конкретного факта ставится во главу угла. Создатель текста пропускает описываемое событие через себя, открыто или завуалированно высказывает свою точку зрения.

На данном этапе развития российских СМИ ни одна из этих тенденций не восторжествовала, более того, они органично уживаются вместе. Российская журналистика, сохраняя верность традициям, впитывает в себя всё наиболее продуктивное из журналистики западноевропейской и американской. Каждый конкретный журналист и каждое конкретное издание сами выбирают, в каком «формате» им удобнее и комфортнее работать, какая традиция лучше удовлетворяет решению их творческих задач. Кто-то тяготеет к унификации, кто-то – к персонификации. Такая раскованность мысли, такое многообразие методов работы над текстом являются одной из причин трансформации и эволюции жанров.

Система журналистских жанров претерпела серьезные изменения в редакционной практике. Поменялась не только система жанров, изменился подход к самому понятию «жанр». Содержание этого понятия постоянно изменяется и усложняется, что позволяет исследователям давать

различные определения, по-разному расставлять акценты. Не только в публицистике, но и в лингвистике, и в литературоведении никто из исследователей до сих пор не дал исчерпывающего определения жанра.

Заметим, что некоторые исследователи отказываются от использования понятия «жанр», считая его историзмом и предлагая заменить его понятием «текст». Эта точка зрения не лишена логики, но, на наш взгляд, жанр и текст – это не одно и то же, это разноуровневые понятия, характеризующиеся сложными отношениями. Жанр и конкретный текст не могут и не должны совпадать, «сливаться» воедино. Текст очень редко представляет собой жанр в чистом виде. Гораздо чаще, особенно в последнее десятилетие, он совмещает в себе признаки нескольких жанровых форм. Отсюда – жанровые метаморфозы современной российской прессы.

Мы в данной работе понимаем жанр как *исторически сложившийся тип произведений, характеризующийся набором постоянных признаков формально-содержательного характера.*

Что не подлежит сомнению, так это несоответствие классической трехчастной системы публицистических жанров («информационные – аналитические – художественно-публицистические жанры») современным реалиям. Однако и новой классификации жанров, полностью соответствующей нынешней ситуации, пока не разработано, несмотря на многочисленные труды теоретиков в этой области.

Освободившись от цензурного гнета, российская журналистика попала в зависимость от так называемого «формата». Без сомнения, использование тех или иных жанров зависит от типа издания. Если в качественной прессе, ориентирующейся на аналитические и новостные материалы, чаще используются жанры в их классической форме, то в «желтой» прессе практически все жанры приобретают элементы сенсационности. «Желтая» пресса поражает многообразием гибридных жанровых форм, на ее страницах богато представлены новообразования.

В погоне за читателем «бульварные» издания не боятся экспериментировать с формой, зачастую в ущерб содержанию. Часто темами публикаций становятся непроверенные сплетни, слухи, а то и ситуации, рожденные исключительно воображением журналиста. В других же типах изданий, например в так называемых глянцевах, «гламурных» журналах, сформировалась своя методика подачи информации, а следовательно, и свои жанровые модификации. Кроме того, в изданиях информационно-развлекательного характера журналистский текст неразрывно связан с иллюстрациями, визуальной информацией, что одновременно усложняет и делает более занимательной идентификацию жанра.

Понятие «формат» возникло в теории журналистики сравнительно недавно. На смену партийной прессе пришли коммерческие издания, принадлежащие холдингам, корпорациям и т. д., а это в свою очередь привело к появлению новых типов и видов изданий.

Изменилась социально-экономическая ситуация – меняется и значение типологических критериев: какие-то становятся ведущими, какие-то утрачивают лидирующее положение. Для классификации изданий по типологическому признаку уже недостаточно одного основания. Более того, появляются новые факторы, которые позволяют объединять издания в отдельные группы.

Под типом печатного периодического издания обычно понимают совокупность характеристик, которыми оно отличается от других изданий. Этот тип включает характеристики как содержания издания, тематики его публикаций, так и его дизайна, внешнего лица. Исследователи типологии СМИ согласны с тем, что важнейшими факторами, определяющими типологические особенности газеты, являются, во-первых, цель издания и ее концепция и, во-вторых, ее читательская аудитория.

Если определения понятий «концепция издания», «бренд издания», «имидж издания» довольно часто встречаются в работах современных исследователей журналистики, то дефиниция термина «формат издания» встречается крайне редко. В основном своем значении (от лат. *formato* – придаю форму) этот термин употребляется при определении линейных размеров печатных форм – длины, ширины, высоты листов бумаги, страниц книги, колонок, полей и т. п., а также фотокинопродукции, телекадров и т. д. (Землянова 1999, с. 245). Понятно, что в данной работе мы будем рассматривать второе, дополнительное значение – «вид, тип, характер, форма подачи информации» (Там же, с. 245).

Формат издания можно представить как совокупность типологической и графической моделей. Типологическая (содержательная) модель издания включает в себя тематические направления, иерархию основных разделов и рубрик, модальность и жанровую палитру материалов, их локальность, авторство и лексико-стилистические особенности. Графическая (оформительская) модель издания определяет сетевой график основных разделов и рубрик, а также дизайнерские принципы художественно-технического оформления номеров.

Покажем, как влияет формат издания на трансформирование жанровой структуры и видоизменение жанровых форм на примере газеты «Коммерсантъ». В начале 90-х сотрудники «Коммерсанта» совершили переворот в тогдашней журналистике. Они предложили читателям почти иностранную газету. Это выразалось в первую очередь в жестких форматных требованиях, свойственных «Коммерсанту». Посмотрим, каким образом формат «Коммерсанта» определяет жанровую структуру и трансформирует жанры.

Главное, что характеризует жанровую структуру «Коммерсанта», – это практически полное отсутствие крупных жанров, за исключением рецензии, которая встречается на полосе «Культура». На страницах «Коммерсанта» чаще всего появляются 4 основных жанра – короткая заметка (информация), развернутая заметка (аналитическая), репортаж, интервью. Рассмотрим каждый жанр.

Короткая заметка (информация), которая в «Коммерсанте» называется «ведомость», полностью соответствует классической западной схеме заметки. Согласно формату, ее объем не должен превышать 1000 знаков. Информация подается по принципу «перевернутой пирамиды» – что?, где?, когда?, как?, сколько это стоит? Ведомость должна быть предельно сжатой и не должна содержать ярких подробностей и лишних деталей. Для нее характерно отсутствие комментариев и авторской позиции. Такой тип информационной заметки встречается в ежедневных деловых изданиях Запада, например, в «New York Times». Интересно, что в газете «Ведомости», основные характеристики формата которой похожи на формат «Financial Times», пошли еще дальше. Там практикуется публикация так называемых «заметок-малышек» – новостей одной строкой, как в лентах новостей во всемирной сети Интернет.

Аналитическая заметка. В самом названии уже содержится жанровый парадокс, так как согласно устоявшейся системе жанров заметка является информационным, а не аналитическим жанром.

Жанровое определение «заметка» соотносится с типом материала, отличающегося небольшими (с точки зрения устоявшихся в журналистике представлений об объеме соответствующих публикаций) размерами, в котором излагаются результаты определенного изучения предмета выступления (знакомства с этим предметом). В таких материалах если и упоминается о том, из какого источника почерпнута информация, то очень кратко; обычно не рассказывается о степени глубины изучения объекта, о том, какими методами была получена информация о предмете. Не излагается ход этого изучения, авторские эмоции, которыми оно сопровождалось, и т.п. Главное для заметки – именно краткое изложение результата изучения, «сигнализирование» о существовании (или отсутствии) и основных чертах какого-то явления, события, человека, проблемы. Причем эти события, явления, проблемы, стороны личности человека должны выступать для аудитории как «новость», т.е. информация, превышающая уровень сведений, уже известных читателям. Чем больше будет это «превышение» (естественно, в рамках доступного осознанию), тем значимее будет новость.

Аналитическая заметка в «Коммерсанте» приближается по своей жанрообразующей схеме к комментарию. Что в этом случае делает заметку похожей на комментарий? Во-первых, помимо изложения собственно новости, которая должна быть значимой, полученной от достоверных и часто эксклюзивных источников, в последней части даются комментарии экспертов. Причем комментарии должны быть получены от влиятельных лиц, VIP-персон. Если заметка на тему бизнеса, то опрашиваются участники рынка, конкуренты, аналитики, если на политическую тематику – источники в административных кругах и опять-таки конкуренты.

Во-вторых, формат требует подачи эксклюзивной информации, поэтому при подготовке оперативной заметки используются методы журналистского расследования – работа с документами и анонимными источниками.

Третье сходство с комментарием обнаруживается в структуре текста. Материал обычно строится по западной схеме: первый абзац – лид, вступ, вводка – сразу дает понять, о чем речь, в нем вкратце излагается суть информации. Элемент анализа присутствует в бекграунде, где дается вся предыстория событий. И, как уже отмечалось, материал обязательно сопровождается комментарием. Иногда на полосах встречаются выносы, отделенные от текста графически, но продолжающие и развивающие тему. В них может содержаться информация, прямо не относящаяся к теме, но сопряженная с ней. Таким образом, получается, что цель аналитических заметок – информирование (как у заметки), а структура – как у комментария.

Особо стоит сказать о месте автора в заметке. Авторских мнений и оценок в тексте содержаться не должно. Заголовок должен быть броским (к тому же из заголовка и подзаголовка должно быть понятно, о чем идёт речь в публикации, даже без чтения текста), но авторское отношение к происходящему он может иллюстрировать лишь в крайне редких случаях. Мнение автора может косвенно выражать лишь подбор экспертов и то, как подаются их комментарии.

Как мы видим, под воздействием формата заметка в «Коммерсанте» претерпевает существенные изменения. По объему она превосходит классические образцы. Главная функция заметки – информирование о происшедшем, но целевой аудитории необходим также и анализ ситуации. Журналисты помогают читателям разобраться, предлагая комментарии экспертов и историю вопроса. Это делает заметку жанровым гибридом с комментарием, корреспонденцией и иногда даже статьей.

Что касается **репортажа**, то требования формата приближают его к классическому типу, но и здесь есть свои особенности.

Задача любого репортажа заключается прежде всего в том, чтобы дать аудитории возможность увидеть описываемое событие глазами очевидца (репортера), т.е. создать «эффект присутствия». Репортажи в «Коммерсанте» работают на эту идею. Чаще всего журналист описывает то, что видит. Однако существуют и специфические черты, зависящие от формата.

1. Событие, на основе которого пишется репортаж, должно иметь социальную значимость.

2. Репортаж должен иметь общую идею, которая выносится во вступ (лид), и чаще всего выражается через эзопов язык.

3. Ирония. Репортеры «Коммерсанта» описывают происходящее холодным саркастическим тоном.

4. Часто используется прямая речь героев (и антигероев) события, причем без купюр.

5. Яркие детали и значимые подробности подчеркиваются автором, даже если они неприглядны.

6. Для репортажа в «Коммерсанте» характерно отсутствие авторской позиции, авторских размышлений. Допускаются только предположения,

которые подчеркивают авторскую идею и в тоже время помогают отгородиться от судебных преследований.

7. Для репортажа практически нет ограничений по объему. Для самого известного репортера «Коммерсанта» Андрея Колесникова формата вообще не существует. Его репортажи могут выходить на нескольких полосах.

В целом, формат «Коммерсанта» не сильно влияет на трансформацию репортажа. Он должен быть сугубо информативным и косвенно передавать авторскую мысль. Но именно этим он выделяется среди репортажей в других изданиях, где на первое место может выходить авторская оценка происходящего.

В современной российской прессе интервью часто трансформируется в беседу (дискуссию участников диалога), либо приближается к портретному очерку (когда журналист с помощью методов интервьюирования хочет дать портрет собеседника). В «Коммерсанте» же **интервью** построено по западной схеме: краткие, по делу вопросы – четкие ответы. Согласно требованиям формата, интервью по объему не должно превышать 8 тысяч знаков, в нем может быть максимум 8-10 вопросов. Только в редких случаях могут встречаться отступления от этого правила.

Аналитических интервью в «Коммерсанте» практически не бывает. Этот жанр для формата оперативен, поэтому интервью подчинено задаче получения информации «из первых уст». Интервью никогда не берется по мелким поводам. Характерной особенностью, подчиненной формату издания, является то, что в тексте, построенном на основе интервью, и автор, и его собеседник полностью обезличены. Есть только фактура, полученная от первого лица.

В интервью не должно быть никаких лирических отступлений. Даже если респондент сообщает информацию интересную, но не относящуюся к делу, в соответствии с требованиями формата она не войдет в материал.

Таким образом, западная модель интервьюирования полностью нашла свое воплощение в «Коммерсанте». Не будет преувеличением сказать, что на страницах этого издания интервью предстает даже не как жанр, а как метод получения информации.

Однако в «Коммерсанте» есть и крупные жанровые образования. Это материалы, не относящиеся к основной тематике издания (бизнес, политика, экономика, международные отношения) и выходящие на полосах, посвященных культуре и спорту. Поэтому рубрики «Культура» и «Спорт» менее подвержены жёстким форматным требованиям. В материалах Алексея Доспехова о спортивных и Лидии Масловой о культурных событиях присутствует большая доля субъективности, авторская оценка, четко выраженная позиция журналиста. Интересно, что **рецензия** в «Коммерсанте» существует не в чистом виде, а как гибридная жанровая форма. Рецензия тесно сплетена с репортажем. Поэтому при анализе, например, очередной кинопремьеры, наряду с мнениями

аналитиков, авторскими размышлениями в рецензии присутствуют репортажные моменты – как проходило это культурное событие, как зал реагировал на премьеру и т. д.

В материалах о спорте обязательно должны быть элементы анализа, а не только авторские эмоции. Поэтому на полосе «Спорт» много выносов, в которых вниманию читателей предлагаются комментарии человека, имеющего статус эксперта в данной сфере.

Поэтому можно сказать, что хотя тексты о культуре и спорте менее других ограничены жёсткими рамками, но и на них распространяются требования формата.

Таким образом, можно проследить четкую взаимосвязь между форматом издания и его жанровой структурой. Нельзя рассматривать формат только как ограничитель творческих возможностей журналиста, необходимость подстраиваться под требования редактора. Формат – это еще и способ упростить труд журналистов, когда человек точно знает, как и о чем ему писать. К тому же издание, выдержанное в определенном формате, привлекает свою целевую аудиторию. Часто формат – это показатель качества СМИ, возможность сформировать позитивный имидж издания. Формат прочно вошел в теорию и практику журналистики как один из основополагающих жанрообразующих признаков.

Вместе с тем все традиционные жанры публицистики под давлением формата приобретают гибридные формы, что является важным признаком эволюции жанровой системы современных российских СМИ и эволюции отдельных жанров.

Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций – М.: Изд. МГУ, 1999.

И.А.Щербакова

Репрезентация концепта «извинение» в публицистических текстах

Лингвокогнитивное описание концептов - это описание концептов в языковом сознании носителей языка, поскольку выводы лингвиста о структуре и содержании описываемых концептов ограничены лингвистическим материалом и лингвистическими методами (Стернин И.А.). В данной статье мы обратились к анализу – объективации концепта ИЗВИНЕНИЕ в современных публицистических текстах. Из современных газет и журналов извлекались номинации видовых разновидностей концепта ИЗВИНЕНИЕ (извинить, извиняться, простить, прощать, повиниться, каяться, покаяться и др.) и отдельных его признаков.

Полученные примеры были обработаны методом когнитивной интерпретации (Попова, Стернин 2007), то есть близкие по значению языковые объективации обобщались, их частотность суммировалась и подбирались наиболее адекватная формулировка для соответствующего когнитивного признака.

В результате анализа полученного материала (более 2,5 млн. словоупотреблений) из публицистических статей были выявлены следующие когнитивные признаки концепта «Извинение»:

имеет адресанта (субъекта), обращено к субъекту

«Когда Света дозвонилась отцу, она только и смогла повторить: «Папочка, прости меня». (Кожин С. Приму её любой / Кожин С. // Аргументы и факты. - 2007. - 24-30 октября (№43 (1408)).

«Оля, прости, у меня были проблемы, - быстро заговорил муж. - Но теперь всё позади.» (Велигжанин А. Скрытые мотивы / Велигжанин А. // Комсомольская правда. - 2008. - 14-21 февраля (№22-т/7 (24049)). - С.7.)

«Но стоило мне пойти к двери, как он схватил меня за руки:

- Прости, прости, любимая! Я опять не в себе! Ты должна меня успокоить!» (Кнорре К. Кнут и пряник / Кнорре К. // Добрые советы. - 2005. - август. - С. 93-95.)

выражает сожаление говорящего по какому-либо конкретному поводу
неправильный адрес:

«Молодой человек, простите, но это квартира, а не больница». (Григорьев М.П. Безвыходная ситуация.// Комсомольская правда. -2008. - март.)

неправильно набранный номер:

«Простите, я, кажется, ошиблась номером... и короткие гудки, словно пенопласт по стеклу...» (Гончаров О. Говорят под новый год.../ Гончаров О. // Веста. - 2004. - январь (Ш))

сообщение недостоверной информации:

«Редакция газеты «Московский комсомолец» приносит свои извинения за неточно указанный адрес». (Редакция / Редакция // Московский комсомолец. - 2004.-(№11))

«Газета приносит извинение за недостоверность информации в вышеназванной статье». (Редакция / Редакция // Борисоглебский вестник. - 2008.-20 мая (№57))

избыточный объем чего-либо, затрудняющий адресанта:

«Чувствую, много написала - простите». (Гращенкова Т.И. Так я впервые почувствовала трепет моей души / Гращенкова Т.И. // Вестник ЗОЖ. -2008. -февраль (№4 (354)). -С.13.)

личное мнение, которое может быть неприятным для собеседника:

«Извините, но человек, вечно жующий огромные порции овощных салатов, похож на коровку на лугу». (Ионова Е. Радость - есть? / Ионова Е.

// Комсомольская правда. - 2008. - 26июня - 3 июля (№93-т/26 (24140-т)). - С. 21.) всего 80)

«Простите, я вижу, что вам неприятны мои слова...» (Кнорре К. «Папина» дочка / Кнорре К. // Добрые советы. - 2005. - №8 (август). - С. 86-87.)

«Простите, не верю». (Дадыгин С. Илья Ковальчук: После Квебека в Сен-Тропе! / Дадыгин С. // Экспресс Газета. - 2008. - май (№19(692)). - С. 32.)

создаваемое для адресата затруднение:

«Извините, Георгий, но я уезжаю завтра утром.» (Лихачева А. Деревня / Лихачева А. // Веста. - 2006. - ноябрь (№11 (138))

настойчивость, назойливость:

«Извините за назойливость, хотите, я поделюсь с вами своими удобствами для путешественника?» (Калугина Л. Сказка странствий / Калугина Л. // Антенна. - 2002. - 19-25 августа.)

неудачная шутка:

«Конечно, нет. Извините, неудачно тогда пошутил.» (Сухорукова Г. Удачная ошибка / Сухорукова Г. // Вне политики. - 2007. - октябрь (№10 (766).)

сообщение неприятных для адресата сведений:

«Полицейский сжался. - Простите, мэм, - ответил он. - Ваш муж мертв». (Чекалов Д. Управление временем / Чекалов Д. // Аномальные новости. - 2008.-(№8))

«Но что здесь, простите, можно сделать? Подстелить соломку везде невозможно». (Орлова О. Страховка от измен / Антенна. - 2008. - 30 июня-6 июля (№27 (702)). -С.51.)

невозможность выполнить просьбу адресата:

«Сейчас он, извините, спит». (Светлова М. Семейный груз Михаила Пуговкина / Светлова М. // Экспресс Газета. - 2008. - май (№19(692)). - С. 12.)

необходимость выйти из контакта:

«Супруга актера, извинившись и попрощавшись, поторопилась к мужу, опираясь на костыль». (Светлова М. Семейный груз Михаила Пуговкина / Светлова М. // Экспресс Газета. - 2008. - май (№19(692)). - С. 12.)

неудачное, неуместное слово:

«Для меня важны ум, талант. И, извините за такое заезженное слово, доброта». (Колобаев А. Ольга Погодина на экране стерва, а в жизни.../Колобаев А. // Мир новостей. - 2008. -24 июня (№27 (757)). - С.24-25.)

«Неужели выразителем - простите нам невольный пафос! - духа современной России является поэт Кибиров?» (Справедливых Н. Лавры по-киевски, или Без божества, без вдохновенья / Справедливых Н. // Литературная газета. - 2008. - 23-29 июля (№30(6182)). - С.7.)

«У дамы началась истерика: «Почему мне до операции не сообщили, что я буду, простите, носить в себе кусочек чьего-то трупа!» (Велигжанина А. Пересадили нос...от трупа / Велигжанина А. // Комсомольская правда. - 2005. - 14-24 ноября (№179-т/46 (23613-т). - С.23).

«Привет, пончик! Ой, прости, пожалуйста». (Батаева В. Приключения в деревне / Батаева В. // Окна. - 2008. -(№10))

пренебрежение нуждами, потребностями адресата:

«Да перестань, не строй из себя буку. Я виновата. Совсем тебя забросила. Прости, я все исправлю...» (Корина С. Настоящая женщина / Корина С. // Веста. - 2004. - август №8 (131).)

излишняя эмоциональность:

«Простите, пожалуйста, я не сдержала своих эмоций». (Ткаченко Е. Не прячь зеленые глаза / Ткаченко Е. // Вне политики. - 2008. - (№11))

нарушение этикета:

«Андрюшенька, миленький, ну прости меня, непутёвую, прости за всё, и с подарком я не попала...» (Володина Л. Один - один, или необычное 8 марта/ Володина Л. // Веста. - 2008. - март (№3 (154).)

умолчание важных сведений:

«Прости, Сашенька, грех на мне. Было извещение о гибели Павла». (Тестов В. Почтальонка / Тестов В. // Веста. - 2005. - май (№5).)

подвержение адресата опасности:

«Впервые в жизни он трясся в рыданиях, умоляя Машу простить его за то, что он подвергает её опасности и, кажется, портит ей жизнь». (Добров В. Я помогу тебе все забыть / Добров В. // Моя семья. - 2008. - 7 июля (№ 27)

невыполнение обязанностей, долга:

«У одной из могил причитает пожилая женщина: «Прости, не наговорила с тобой, хоть сейчас скажу тебе несколько слов...» (Пустовойтов С. Никому не нужные / Пустовойтов С. // Собеседник. - 2007. -5-11 декабря (№46 (1191). -С. 10)

нетактичный вопрос:

«Простите за нескромность, а какой у вас размер? - поинтересовалась у корреспондента «За рулем» в центре общественных связей «ЛУКОЙЛ-Вол газнефтепродукт». (Морозов А. Наемный принц бензоколонки / Морозов А. // За рулем. - 2008. - №2 (920). - С.141.)

«Извините меня за столь нескромный вопрос: вы согласны с диагнозом врачей по поводу вашей «звездной» болезни?» (Шаблинская О. «Бумер» меня не звезданул, или Почему в плохом надо всегда искать хорошее / Шаблинская О. // Аргументы и факты. - 2008. -9-15 апреля (№15 (1432)).

причинение беспокойства адресату, использование его времени:

«Вот строки из письма: «Извините, что напоминаю вам о себе. Помните ли вы меня?» (Демидова Л. Внучка будет журналисткой / Демидова Л. // Вестник ЗОЖ. - 2008. -(№2 (352)).

вежливо привлекает внимание

«Извините, пожалуйста, не могли бы вы одолжить мне свой телефон». (Андреева Е.А. Любимая история / Андреева Е.А. // Аргументы и факты. -2007.-(№15)).

«Извините, не могли бы вы мне помочь». (Пивоваров Е. Мобильная история /Пивоваров Е. // Вне политики. - 2008. - (№20))

«Ой, простите, мы случайно услышали про вашу беду и знаем, как вам можно помочь». (Крылов Д. Помогли тебе, помоги другим / Крылов Д. // Вне политики. - 2008. - (№19))

«Извините, а вы не знаете, как пройти». (Ольга П. Иностранец / Ольга П. //Окна.-2008.-(№10))

«Извините, - вежливо обращаюсь к девушке. - А где на вокзале может быть моё место?» (Супрычева С. Как я была гастарбайтером в Москве / Супрычева С. // Комсомольская правда. - 2007. -22 сентября.)

«Ой, извините, Марья Ильинична, вас подвезти?» (Шипилов А. Родные мои / Шипилов А. // Окна. - 2008. - (№19))

«Извините, а как же Панин - старший, Панин - младший?» (Страхов Д. Мой Штирлиц ошибается и влюбляется / Страхов Д. // Аргументы и факты. -2008. - 8 апреля)

может быть недостижимым

в связи с несоблюдением иерархии:

-«Птичка из золотой клетки, которая захотела на свободу. Наивная домохозяйка, которая встала на пути хозяина жизни. Такое не прощают». (Иванушкина П. Отцы-олигархи: маму выбросить и забыть / Иванушкина П. // Аргументы и факты. - 2008. -2-8 июля (№ 27 (1444)). - С. 16-17.)

в связи с изменой:

- Вы можете простить измену? - Нет. Можно простить многое, но не «нож в спину». (Велигжанина А. Анна Снаткина ради Безрукова похудела на 10 килограммов / Велигжанина А. // Комсомольская правда. - 2008. - 26июня - 3 июля (№93-т/26 (24140-т)). -С.14-15.)

«А чего бы я никогда не простила любимому мужчине, так это предательства». (Литвин Е. Лера Кудрявцева: Секс без любви не признаю! / Литвин Е. // Телеэкр. - 2008. - 12-18 мая (№19). - С.20.)

в связи с памятью о поражении:

«Европейцы не могут простить нам победу над Гитлером, перед которым они встали на колени». (Меркулов М. Как живёт гамбургский докер? / Меркулов М. // Борисоглебский вестник. - 2008. - 19 января (№6 (15840))

в связи с нанесением адресату серьезного материального ущерба:

- «Единственный внук не может простить артисту, что тот лишил его наследства.» (Светлова М. Семейный груз Михаила Пуговкина / Светлова М. // Экспресс Газета. - 2008. - май (№19(692)). - С. 12)

в связи с разрушением счастья человека:

«Я уважаю твое творчество, Максим, но не могу простить Киркорова...Ты разрушил чужое счастье». (Бабаева Д. Новости нашего города и страны / Бабаева Д., Власюк И. // Антенна. - 2008. - 30 июня-6 июля (№27 (702)). -С.4.)

в связи с нанесенным адресату унижением:

«Унижение даже во имя любимого человека все равно унижение, и любимые обычно бывают первыми, которые нам этого не прощают» (Морозова О. Отношения / Морозова О. // Заря. - 2006. - апрель.)

может проявляться в отношении адресата неоднократно, постоянно

«Любить, сгорая от стыда за содеянное им; любить, каждый раз преодолевая в себе волну ненависти, отчуждения и протеста; и все равно, бесконечно прощая, любить, переживая его грех как свой,- это уже подвиг.» (Городова М. Если сын - вор / Городова М. // Российская газета. - 2008. - 24-30 апреля (№90 (4647)) - С 19.)

«Уже покрикивали на Сашу, что он там под ногами путается, давай-ка не мешайся. А Саша все прощал.» (Велигжанина А. Хочу у всех попросить прощения. И всех простить. / Велигжанина А. // Комсомольская правда. - 2008. - 10-17 января (№2-т/2(24029-т) - Сб.)

«И ещё ему, конечно же, нравится, что Галя, как насадка, крутится возле него, прощает ему любые проступки». (Гуревич Ю. Пьет один, страдают двое / Гуревич Ю. // Мир новостей. - 2008. - 24 июня (№27 (757)). - С. 13.)

выражение подозрения

«Простите, а это случайно не сетевой маркетинг или интимные услуги?» (Тененева Т. Профессия / Тененева Т. // Веста. - 2007. - июнь (№6 (145))

выражение готовности примириться

Я донашивала вещи его покойной жены, но все прощала, зная, что Ира смертельно больна и не ведает, что творит». (Владимирова Л. Жена должна работать бесплатно / Владимирова Л. // Моя семья. - 2008. - 7 июля (№ 27 (413).-СП.)

«Мы прощаем ей этот мат, потому что женщина красивая». (Максимов А. Михаил Жванецкий: «Спортсмены будут в Думе бить морды?» / Максимов А. // Аргументы и факты. - 2007. - 26 сентября- 2 октября (№39 (1404)). -С.18.)

«Инна даже не сомневалась, что жена простит её, уже простила...»

(Роккель Л. Работа над ошибками / Роккель Л. // Веста. - 2007. - декабрь (№12(151))

«Петуха, безусловно, простят, но зачем в такой хороший год лишние переживания?» (Матвеев В. Что принесет год Крысы... / Матвеев В. // Толока. Народный доктор. - 2008. - январь (№1 (263)). - С. 20.)

выражение корыстолюбивого интереса, наличие корыстолюбивого мотива в отношении адресата

«Извини, конечно, я рада бы тебе помочь, но мне еще только 26 лет...если бы я пожилая была...» (Иванушкина Г. Боль «бабьего царства» / Иванушкина Г. // Аргументы и факты. - 2007. - 11-27 июля (№28 (1393)).

можно просить прощения в письменной форме

«Однажды он получил письмо, где Наташа просила у него прощения, потому что поняла, что их брак был ошибкой». (Переславцева Н. На Донушке Души? / Переславцева Н. // Веста. - 2004. - май (№5 (108)).

возможно обращение с просьбой простить за провинившегося

«Я пришел просить у вас извинение за него». (Онищенко А.Е. Девушка моего дедушки / Онищенко А.Е. // Окна. - 2006. - (№19))

«Я просил Господа, чтобы он не посылал людям бед, чтобы избавил их от зла, чтобы в нашем поселке Устье построили православную церковь и ...чтобы папе простили его грехи, и он бросил пить!» (Быстрова И. Школьник построил храм, чтобы излечить отца от алкоголизма / Быстрова И. // Комсомольская правда. - 2008. - 14-21 февраля (№22-т/7 (24049)). - С. 35.)

есть предел нарушений, которые можно простить

«Давать» - это не значит забывать себя, а прощать можно только до известного предела». (Муравьев С. Это про любовь / Муравьев С. // Комсомольская правда. - 2003. - январь.)

«Патриотичные американцы ещё могли простить Бушу провал военной операции в Ираке, однако они никогда не смирятся с тем, что из-за него им придется теперь платить на 50% больше за их любимое лакомство - вишневое ванильное мороженое». (Иванов Н. Буш поднял цены в США и России / Н. Иванов // Мир новостей. - 2007. - (№31 (709)).

извинение необходимо приносить во-время

«Но потом дирекция студии извинялась.» (Велигжанина А. Вахтанг Кикабидзе: Настоящий мужчина всегда хочет Ларису Ивановну / Велигжанина А. // Комсомольская правда. - 2008. - 24-31 июля (№108-т/30(24135-т).-С.5.)

может быть произнесено тихо

«В Лозанне подошла Наталья Дубова, известный тренер, и тихо сказала: «Извините за все. Нам ведь даже здороваться с вами запрещалось - не то, что говорить». (Дадыгин С. Людмила Белоусова и Олег Протопопов / Дадыгин С. // Экспресс газета. - 2008. - (№26 (647)).)

может растрогать адресата, вызвать у него сильные эмоции

«Костя аж прослезился - любимая пришла прощения просить... И смотрит с выражением: мол, прости засранку, хозяин.» (Никонорый Г. Любовь бизнесмена / Никонорый Г. // Моя семья. - 2008. - 7 июля (№ 27 (413)). - С.9.)

требует мужества

«Он молодец, нашёл в себе силы извиниться». (Сабунова О. Современные артисты - они жадные / Сабунова О. // Собеседник. - 2008. - 8 апреля (№13 (1206)).)

адресат ожидает извинения

«В глубине души Зина хотела его проучить, а потом, когда он «приползет на коленях», умоляя её о прощении, может быть, простит». (Переславцева Н. Жизнь вдребезги? / Переславцева Н. // Веста. - 2001. - январь (№1(68)).

может быть вынужденным

«Пришлось Галкину переносить гастроли и приносить извинения зрителям.» (Павленко Л. Лифт со звездами / Павленко Л. // Комсомольская правда. - 2008.-(№15(319)).)

в нарушение этикета может быть не принесено

«Влетевшая в последний момент в спорткомплекс Кристина Орбакайте чуть не столкнула с лестницы, ведущей на высокую сцену, беременную Алсу и даже не извинилась.» (Игумнова З. Орбакайте едва не сшибла

беременную Алсу / Игумнова З. // Собеседник. - 2007. -5-11 декабря (№46 (1191). - С.26)

прощения могут просить невинные люди

Я пришел попросить прощения и у вас, и у вашей дочки.- Вам не за что извиняться, Андрей, вы ни в чем не виноваты. (Кнорре К. «Папина» дочка / Кнорре К. // Добрые советы. - 2005. - август. - С. 86-87.)

«Готовая разреветься, я резко повернула тележку влево и столкнулась аккурат с его тележкой... -Простите. -Не извиняйтесь, это полностью моя вина...» (Сафронова М. Вираз судьбы / Сафронова М. // Вне политики. - 2007. - апрель (№15 (719))

может быть попутным

«Нет, не забыла - приветливо приглашает пройти, попутно извиняясь за «творческий» беспорядок.» (Зельцер М. Не в моем характере кому-то уступать! / Зельцер М. // ТВ7. - 2006. - 23-29 октября (№43).- Сб.)

«Может своей статьей я обижу хороших людей, наплюю на их мнение... Хочу сразу принести свои извинения...Но все же инопланетяне существуют» (Шестюков Б. Это есть... / Шестюков Б. // Аргументы и факты. - 2003. - 7 июня.)

может приноситься многократно

«Отрезвев, Михаил каждый раз умолял простить, но все повторялось». (Светлова М. Семейный груз Михаила Пуговкина / Светлова М. // Экспресс Газета. - 2008. - май (№19(692)). - С. 12.)

может сопровождаться недоговоренностью, растерянностью

«И - извините..- растерялась девушка.» (Гребенникова С. Седина в бороду / Гребенникова С. // Веста. - 2005. - март (№3).)

является условием продолжения общения

«КНДР возобновит переговоры только после извинений США...» (Мельников М.В. Право и политика / Мельников М.В. // Антенна. - 2005. -(№13))

можно просить прощения часто

«Я очень часто прошу прощения - у меня комплекс вины перед всеми, а перед детьми особенно». (Серова М. Татьяна Васильева: «У меня комплекс

вины перед всеми» / Серова М. // Новая неделя. - 2006. - №48 ((113) 2-10 декабря). - С.5.)

надо просить за грехи прощения у бога

«Понятие греха относительно, и за многие прегрешения, нравственные отступления можно вымолить у Бога прощение». (Дементьева И. Что может магия / Дементьева И. // Толока. Народный доктор. - 2008. - январь (№1 (263)).-С. 23.)

«Сергей Безруков взял под опеку целый монастырь, чтобы Бог простил грехи его предков». (Пахомова А., Смоляков А. Роковая тайна семьи Безруковых / Пахомова А., Смоляков А. // Жизнь. - 2008. - 23-29 июля (№30). - С.29.)

просьба о прощении может быть не удовлетворена

«Лера отказалась от приглашения подружки, и хотя она извинилась перед Дашей, та не пожелала с ней больше разговаривать». (Груздева М. Подруга моя.../ Груздева М. // Веста. - 2002. - январь (№1(80)).

извинение снимает обиду

«Методично задавая вопросы, вы вскоре заметите, как обида перерастает в легкое раздражение, а затем последует небольшой взрыв. Потом просто извинитесь, и только потом человек оттаит, и обида уйдет». (Уварова М. Обиделись / Уварова М. // Жизнь. - 2007. - август.)

просьба о прощении может быть неискренней

«Простить ли изменника? Он просит прощения, он так жалок, просто раздавлен ужасной ситуацией, он старается предугадать все ваши желания, он искренне раскаивается...» (Переславцева Н. Жизнь вдребезги? / Переславцева Н. // Веста. - 2001. - январь (№1(68)).

«Он сказал: «Прости меня». Но я ему не поверила». (Ананьева Т.В. Роман / Ананьева Т.В. // Севастопольские зори. -2008. - 28 марта (№12))

просьба о прощении может быть адресована всем окружающим

«АБДУЛОВ: Хочу у всех попросить прощения. И всех простить» (Велигжанина А. Хочу у всех попросить прощения. И всех простить. / Велигжанина А. // Комсомольская правда. - 2008. - 10-17 января (№2- т/2(24029-т)-С. 7.).

необходимостью просить прощения можно сознательно пренебречь
- Попроси у неё прощения, такие вещи не забываются.

Да ну! - ответил Дима. - Обойдется. Кофе будешь? (Кнорре К. Кнут и пряник / Кнорре К. // Добрые советы. - 2005. - №8 (август). - С. 93-95.)

может вызываться смущением адресанта

«На другом конце провода смутились: «Тогда извините» (Костина Е. Екатерина Семенова: бабушкой меня сделали обманом / Костина Е. // Теленеделя. - 2008. - (№10))

является необходимым с точки зрения общественного мнения

«Вы ждали от него извинений? Да уж мог бы извиниться за прошлое!» (Дадыгин С. Людмила Белоусова и Олег Протопопов / Дадыгин С. Экспресс газета. - 2008. - (№26 (647)).)

Анализ объективации концепта *извинение* в современном публицистическом тексте показывает, что наиболее коммуникативно релевантными (рекуррентными) когнитивными признаками концепта, то есть наиболее часто объективирующимися в тексте, являются : *обращено к субъекту, выражает сожаление говорящего по какому-либо конкретному поводу, вежливо привлекает внимание, может быть недостижимым, может проявляться в отношении адресата постоянно, выражает подозрение.*

Остальные признаки: *выражение готовности примириться с чем-либо, выражение корыстолобивого интереса, наличие корыстолобивого мотива в отношении адресата, можно просить прощения в письменной форме, возможно обращение с просьбой простить за провинившегося, есть предел нарушений, которые можно простить, извинение необходимо приносить вовремя, может быть произнесено тихо, может растрогать адресата, вызвать у него сильные эмоции, требует мужества, адресат ожидает извинения, может быть вынужденным, в нарушение этикета может не быть принесено, могут просить прощения невиновные люди, может быть попутным, может приноситься многократно, может сопровождаться недоговоренностью, растерянностью, является условием продолжения общения, можно просить прощения часто, надо просить за грехи прощения у бога, просьба о прощении может быть не удовлетворена, извинение снимает обиду, просьба о прощении может быть неискренней, просьба о прощении может быть адресована всем окружающим, необходимостью просить прощения можно сознательно пренебречь, может вызываться смущением адресанта, является необходимым с точки зрения общественного мнения – объективируются в обследованном материале 1-2 раза и составляют низко-рекуррентную зону концепта.*

Анализ объективации концепта в публицистическом тексте пополняет преимущественно энциклопедическую зону описываемого концепта.

Медицинский дискурс

Л.С. Бейлинсон

Ценности логопедического дискурса (медицинский аспект)

Социолингвистический подход к изучению институционального дискурса предполагает рассмотрение целей, участников, ценностей, хронотопа, жанров, стратегий и прецедентных текстов соответствующего дискурса (Карасик, 2002). Ценности логопедического дискурса представляют собой органическое сочетание высших профессионально значимых ориентиров поведения в сферах медицинской и педагогической деятельности (Бейлинсон, 2005). В данной работе рассматриваются ценности медицинского дискурса. Такие ценности эксплицитно выражены в известной Клятве Гиппократата – торжественном ритуальном обещании всех, собирающихся стать медиками.

Клятва Гиппократата (V в. до н.э.) в переводе на русский язык:

Клянусь Аполлоном, врачом Асклепием, Гигеей и Панахеей, всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению следующую присягу и письменное обязательство: считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими достоинствами и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями. Это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и все остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому. Я направляю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всякого намеренного, несправедливого и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами. Что бы при лечении - а также и без лечения - я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и славе у всех людей на вечные времена, преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому (<http://ru.wikipedia.org>).

Суть этого сакрального обещания составляют обязательства оказывать профессиональную помощь больным, не причинять им вреда, не способствовать их смерти, хранить медицинскую тайну. В первоначальном варианте врачебной клятвы содержатся элементы, которые в дальнейшем были устранены из текста: 1) призыв в свидетели богов из древнегреческого пантеона, 2) обязательство перед учителями и их детьми, 3) запрет на сообщение медицинских знаний посторонним, 4) запрет на участие в совершении аборта, 5) запрет на злоупотребление медицинским искусством ради получения удовольствия от пациентов, 5) противопоставление свободных и рабов, 6) магическое заклинание с выражением готовности принять наказание от богов за нарушение клятвы.

В нашей стране существовала «Присяга врача Советского Союза», утвержденная в 1971 г., которая в середине 90-х сменилась на «Клятву российского врача». В 1999 г. Государственной думой был принят новый текст «Клятвы врача», которую дают в торжественной обстановке новоиспеченные медики при получении диплома:

Получая высокое звание врача и приступая к профессиональной деятельности, я торжественно клянусь:

- *честно исполнять свой врачебный долг, посвятить свои знания и умения предупреждению и лечению заболеваний, сохранению и укреплению здоровья человека;*
- *быть всегда готовым оказать медицинскую помощь, хранить врачебную тайну, внимательно и заботливо относиться к больному, действовать исключительно в его интересах независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств;*
- *проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии;*
- *хранить благодарность и уважение к своим учителям, быть требовательным и справедливым к своим ученикам, способствовать их профессиональному росту;*
- *доброжелательно относиться к коллегам, обращаться к ним за помощью и советом, если этого требуют интересы больного, и самому никогда не отказывать коллегам в помощи и совете;*
- *постоянно совершенствовать свое профессиональное мастерство, беречь и развивать благородные традиции медицины*
– клянусь (<http://ru.wikipedia.org>).

В этом медицинском кодексе конкретизируется обязательство по оказанию медицинской помощи (не только лечение, но и профилактика заболеваний), акцентируется непредвзятость врача по отношению к пациенту независимо от статусных признаков больного, формулируется обязанность передавать профессиональные знания ученикам и коллегам и повышать свою квалификацию. В современной западной медицинской

деонтологии (этике долженствования) активно обсуждаются вопросы о допустимости либо недопустимости эвтаназии для неизлечимо больных, о предупреждении возможных сексуальных и финансовых домогательств со стороны врача по отношению к пациентам.

Наиболее важные этические нормы поведения врача закреплены в юридических кодексах. В результате нарушений соответствующих норм здоровью пациента может быть нанесен непоправимый ущерб.

Действующий Уголовный кодекс РФ предусматривает уголовную ответственность медицинских работников за следующие виды профессиональных преступлений:

- причинение смерти по неосторожности (ст. 109);
- принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120);
- заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122);
- незаконное производство аборта (ст. 123);
- неоказание помощи больному (ст. 124);
- незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 128);
- торговля несовершеннолетними (ст. 152);
- подмена ребенка (ст. 153);
- разглашение тайны усыновления (ст. 155);
- незаконное обращение с радиоактивными материалами (ст. 220);
- незаконное изготовление, приобретение, хранение, пересылка, сбыт наркотических средств или психотропных веществ (ст. 228);
- хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229);
- незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233);
- незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта (ст. 234);
- незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью (ст. 235);
- нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236);
- сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ст. 237);
- нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами (ст. 248).

К профессиональным преступлениям медицинских работников необходимо отнести и стерилизацию мужчин и женщин без медицинских показаний, которая рассматривается как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111). Недопустимые эксперименты на людях также следует отнести к профессиональным правонарушениям медицинских работников, так как в случае неблагоприятного исхода речь может пойти о причинении смерти по неосторожности (ст. 109) или умышленном

причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (ст. 111, 112) (www.medtrust.ru).

Приведенный список профессиональных преступлений медиков позволяет выделить важнейшие типы нарушений врачебной деятельности: преступления против жизни, против физического и психического здоровья человека, против здоровья детей и несовершеннолетних, неоказание помощи больному, незаконное занятие медицинской практикой, незаконное использование наркотических, психотропных, радиоактивных и ядовитых веществ, нарушения правил санитарно-эпидемиологической безопасности. Таким образом, с юридической точки зрения, к числу высших ценностей, имеющих отношение к профессиональной сфере медика, относятся следующие: жизнь человека, его здоровье, особенно – здоровье детей, долг врача, образовательный статус врача, санкционированное использование вредных веществ, соблюдение биологической безопасности.

Говоря о ценностях медицинского дискурса, следует отметить, что ключевым концептом этого общения является здоровье, т.е. нормальное состояние организма, при котором правильно действуют все его органы, и вытекающее из этого состояние самочувствия человека (БТС). Хорошее здоровье ассоциируется с активностью, силой, бодростью, хорошим настроением, высокой работоспособностью, правильным образом жизни, отсутствием внешних и внутренних признаков болезни. Во фразеологическом фонде языка наличествует много выражений, характеризующих хорошее и плохое здоровье: *кровь с молоком, здоров, как бык, цел и невредим, кости да кожа, в чем душа держится, заросло как на собаке* и т.д. Обращают на себя внимание собранные В.И.Далем русские пословицы на тему здоровья (около 200 речений):

Здоровье всего дороже; здоровья не купишь; тот здоровья не знает, кто болен не бывает; были бы кости, а мясо будет; что в рот полезло, то и полезно; здоровому все здорово; самого себя лечить, только портить; болезнь входит пудами, а выходит золотниками; больному все горько; не дал бог здоровья – не даст и лекарь; сляжешь, хуже разломает; не лечиться худо, а лечиться еще хуже; береги платье снову, а здоровье смолоду; от старости могила лечит.

Из этих пословиц вытекают определенные ценностные суждения: 1) здоровье является высшей ценностью; 2) следует следить за своим здоровьем; 3) здоровье неподконтрольно человеку; 4) не следует ограничивать здорового человека в питании и поведении; 5) болезни неизбежны; 6) болеть плохо; 7) заболев, нужно лечиться; 8) не следует ждать чудес от лечения (быстрого выздоровления, возвращения молодости, полного исцеления); 9) лечиться лучше у лекаря; 10) нельзя поддаваться болезни. Эти суждения отражают жизненный опыт и мудрость крестьян, которым не оказывалась квалифицированная медицинская помощь.

В афористике тема здоровья и болезни весьма частотна: *Здоровье – это то, что люди больше всего стремятся сохранить и меньше всего берегут (Ж.Лабрюйер); Поддержка здоровья есть долг (Г.Спенсер); Здоровье не ценят, пока не приходит болезнь (Т.Фуллер); Окружи больного любовью и разумным утешением, но, главное, оставь его в неведении того, что ему предстоит, и особенно, того, что ему угрожает (Гиппократ); Кто заражен страхом болезни, тот уже заражен болезнью страха (М.Монтень); Мы причиняем себе больше мучений, лечась от наших болезней, чем перенося их (Ж.Ж.Руссо); Кроме действительных болезней мы подвержены множеству болезней мнимых (Д.Свифт).*

В современном обществе часто повторяют латинскую пословицу *Mens sana in corpore sano* – в здоровом теле – здоровый дух. Ценностные суждения на тему здоровья в современном обществе не выражены в каком-то специальном кодексе, их можно вывести из норм поведения, здравого смысла и естественного порядка вещей. Мы не претендуем на построение исчерпывающего списка таких суждений, но считаем, что определенные ценностные ориентиры выражены в следующих предложениях:

Жизнь является высшей ценностью, для обеспечения жизни нужно нормальное функционирование организма, т.е. здоровье.

Человек должен заботиться о своем здоровье, т.е. стремиться к тому, чтобы соблюдать разумный режим дня, рационально питаться, нормально отдыхать, не рисковать здоровьем, одеваться в соответствии с температурными условиями, обеспечивать себе нормальные для поддержания здоровья жилищные условия.

Человек должен заботиться о здоровье своих близких, в особенности тех, кто нуждается в уходе – детей, стариков, больных.

Человек должен стремиться избегать болезней, а заболев, должен лечиться, чтобы выздороветь, получая квалифицированную помощь у специалистов.

Медики заслуживают уважения, их рекомендации обязательны для исполнения.

Причинение вреда собственному здоровью заслуживает осуждения, нанесение ущерба здоровью других является преступлением.

Чрезмерный страх за свое здоровье является отклонением от нормы и обычно связан с пренебрежением к окружающим.

Демонстрация своего хорошего здоровья уместна не в любой ситуации, констатация своих наблюдений о плохом здоровье другого человека уместна только в определенных случаях.

Насмешки по поводу плохого здоровья, увечья, слабости и старости других людей заслуживают осуждения.

Нужно уметь терпеть боль.

Врач должен в любом случае оказывать помощь больному и не имеет права отказываться.

Эти суждения составляют пресуппозицию естественного поведения людей и вербализуются в тех случаях, когда человек нарушает нормы

поведения либо этому человеку в силу его юного возраста нужно эти нормы разъяснить. Важно отметить, что ценностные суждения о здоровье касаются как здоровья, так и общих норм поведения, утилитарных и моральных, т.е. связанных с недопустимостью причинения вреда себе и другим. Известно, что нормы морали могут вступать в противоречие с утилитарными нормами, и человек бывает вынужден, спасая других, жертвовать в той или иной степени собой.

Приведенные выше суждения выходят за рамки медицинского дискурса и относятся к ежедневному поведению человека. В ряде случаев нанесение ущерба собственному здоровью оправдывается в обществе, например, нормы морали требуют поделиться пищей с близкими, даже если этой пищи мало для одного человека; религиозные нормы в этом отношении еще более категоричны. В обществе выработаны высокие моральные требования к поведению медика: врач не имеет права злоупотреблять доверием пациента, обязан хранить медицинскую тайну, не имеет права унижать пациента, обязан поддерживать в пациенте веру в выздоровление.

Если суммировать ценности медицинского и педагогического дискурса применительно к профессиональной сфере деятельности логопеда, мы придем к следующим ориентирам поведения:

- 1) хорошее произношение является ценностью, а нарушение произношения – недостатком, от которого следует избавиться;
- 2) исправление нарушений речи требует специальной подготовки;
- 3) исправление нарушений речи сопряжено с трудностями, которые следует преодолевать;
- 4) следует поддерживать в пациенте уверенность в том, что дефекты произношения будут преодолены;
- 5) следует убеждать как детей, страдающих нарушениями речи, так и их родителей, что для исправления таких нарушений требуется терпеливая длительная работа;
- 6) следует проявлять тактичность при работе с детьми, страдающими нарушениями речи;
- 7) следует советоваться с коллегами при затруднениях, возникающих в ходе работы по устранению дефектов речи;
- 8) следует повышать свой профессиональный уровень и безвозмездно делиться с коллегами своим опытом по оказанию профессиональной помощи детям, страдающим речевыми дефектами.

Эти ценности логопедического дискурса вербализуются в определенных жанрах общения логопеда с пациентами и их родителями.

Бейлинсон Л.С. Профессиональная речь логопеда: учебно-методическое пособие. М.: Сфера, 2005. 160 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

**Врач – пациент:
основные характеристики и особенности
медицинского диалога**

(на материале анализа ведения приёма семейным врачом в США)

Парадокс языка заключается в том, что он является одновременно инструментом, созидающим человеческое общение, и продуктом человеческого общения. «Язык, - пишет Рут Водак, - создает ситуации, объекты знания, социальные индивидуальности и взаимоотношения, и путем данного творческого созидания, эффективно творит социальный мир, более того, вообще мир, в котором мы живем. Но язык, дискурс также и формируются этим миром и его образом, сложившимся на когнитивном горизонте» (Wodak 1996, с. 5). Если и не избежать полностью, то в какой-то мере обойти этот парадокс позволяют исследования языка и особенностей его реализации в ограниченных, четко определенных контекстах, таких как, например, *медицинский диалог* (диалог между врачом и пациентом). Уменьшив виды и количество возможных вариантов физических и коммуникативных обстоятельств, окружающих коммуникативный акт и его эксплицитные цели, представляется возможным сравнить отдельные моменты речевого общения хотя бы по одной оси – *универсальности коммуникативной ситуации* (хотя не существует двух абсолютно одинаковых коммуникативных актов, они могут быть более или менее типичны).

М. М.Маковский верно определил: «Только изучение внутриязыковой типологии, исследование общих закономерностей социальных и территориальных диалектов, с одной стороны, и литературного стандарта – с другой, может дать возможность вплотную подойти к пониманию специфики языкового механизма, только такой подход может избавить языковедческую науку от поверхностных иллюзий «универсальности», весьма прочно вошедших в практику лингвистического исследования и нередко искажающих истинную природу изучаемых явлений» (Маковский 1974, с. 337). Речедетельность в стандартной ситуации «прием у врача», имеющая общие черты во всём мире, представляется автору одной из возможностей для фундаментального изучения речевого общения и коммуникативного поведения.

Лингвистами признается, что если речь (говорение) может быть продуктом высказывания одного индивидуума, то общение предполагает, по крайней мере, двух участников. Прием у врача требует как минимум присутствия двух принципиальных собеседников (коммуникантов) – врача и пациента – и ведется при постоянном интерактивном вербальном и невербальном взаимодействии двух сторон посредством *медицинского диалога*, являющегося коммуникативным ядром данного общения. А. Э.

Воскобойников верно отмечает: «Диалог специфичен в разных сферах социальной жизни. Своеобразны его связи с основными видами человеческой деятельности – познавательной, производственной, игровой, организационно-управленческой, ценностно ориентированной» (Воскобойников 2006, с. 24).

В работе рассматриваются структура, проблемы, задачи, роли и коммуникативные особенности *медицинского диалога* (диалога между врачом и пациентом) в рамках приема у семейного врача в условиях американской клиники первичной помощи. Медицинский диалог – это один из видов делового диалога, принадлежащего к сфере профессионального коммуникативного поведения. Основными характеристиками, отличающими его от разговорного диалога, являются следующие:

специфический пространственно-временной контекст;

строгий коммуникативный протокол;

монотематичность;

профессиональный диалект;

вертикальная субординация;

коммуникативная асимметричность;

коммуникативное хеджирование.

Пространственно-временной контекст речевой ситуации – время и место общения – имеет немаловажное значение и оказывает влияние на поведение коммуникантов, так как в значительной степени определяет характер общения. Разговор «на приеме у врача» проходит в условиях поликлиники, куда приходит больной. Данное место является естественным коммуникативным окружением для одного из участников (врача) и наполненным отрицательными эмоциями для другого (пациента), так как врач, клиника, больница у последнего ассоциируются с болью, недомоганиями, неуверенностью, болезненными процедурами и пр. Место осуществления диалога для одного из коммуникантов (пациента) является, по нашему мнению, *чужеродным пространственным контекстом*, в результате чего пациент, как правило, в той или иной степени испытывает *ситуативный коммуникативный шок* в течение разговора, что соответственным образом влияет на характер его участия в общении.

Диалог между доктором и пациентом – это каноническая речевая ситуация («face to face interaction»), т.е. такое общение, «в котором говорящий и слушающий присутствуют в контексте сообщения; момент произнесения высказывания говорящим совпадает с моментом его восприятия слушающим; говорящий и слушающий находятся в одном и том же месте, обычно отсюда следует, что они видят друг друга и имеют общее поле зрения» (Падучева 1996, с. 259). Особенность *временного контекста* медицинского диалога состоит в том, что один участник диалога (врач) имеет значительно больший контроль над временем, чем другой: пациент должен записаться на прием, ждать в приемном покое,

когда доктор освободится и вызовет его, прием может задержаться, по желанию доктора диалог может продлиться дольше положенного времени или сократиться и т.д.

Общение между врачом и пациентом всегда подчиняется определенному профессиональному протоколу, который мы определяем как «коммуникативный протокол». *Коммуникативный протокол* – это заданные временные, структурные и нормативные рамки, регламентирующие формат и процедуры коммуникативного поведения. В основе общения «врач-пациент» лежат определенные цели – жалобы пациента, опрос и осмотр пациента, оценка его состояния, постановка диагноза и назначение лечения. В американской практике семейного врача на прием необходимо записываться заранее, приему отводится обычно (+/-) 10-25 минут, и он ведется в соответствии с требованиями *коммуникативного протокола* по стандартной схеме, где каждый этап имеет свои ключевые задачи и результаты (если со временем между врачом и пациентом установились дружеские взаимоотношения, структура диалога может слегка, но незначительно отличаться):

ТАБЛИЦА 1.

Базовая структура и задачи медицинского диалога (семейный врач США) ДОКТОР (Д.) ↔ ПАЦИЕНТ (П.)		
Этапы диалога		Задачи
I. Приветствие, представление		Установление контакта
II. Опрос в форме диалога	1. Жалобы пациента	Выяснение причины визита
	2. История настоящего заболевания	Распрос пациента о его состоянии и симптомах
	3. Прошлая медицинская история, семейные заболевания и социальная история*	Понимание заболевания пациента в контексте его здоровья и его жизни в целом.
	4. Обзор систем и органов	Сбор информации по симптоматике заболевания

	5. Медосмотр	Врач осматривает больного, меряет температуру, давление, слушает и др. – <i>физически</i> прикасается к пациенту. <i>Одностороннее физическое прикосновение, пальпация</i> – уникальный аспект коммуникативного поведения, характерный только для ситуации врач-пациент.
	6. План лечения	Составление и обсуждение с пациентом плана лечения, выписка лекарств, направление к специалисту и т.д.
III. Заключение		Прощание, запись на следующий приём.

* этап не обязательный для каждого обычного приема

Исходя из задач медицинского общения, можно утверждать, что это преимущественно *монотематическое* речевое действие информативного характера, т.е. в фокусе беседы находятся вопросы, связанные со здоровьем, лечением и выздоровлением, с незначительными проявлениями фатического речевого поведения (особенно **этапы I и III**) – на уровне поддержания разговора («small talk») и обмена ритуальными (этикетными) формулами. Т.В. Матвеева описала этот феномен следующим образом: «В деловом диалоге коммуникант имеет право на тематическое движение лишь в рамках заданного предметно-понятийного пласта, диктуемого практической и прагматической целью общения. Произвольное же предложение посторонней темы не принято (хотя может свидетельствовать о дополнительной скрытой стратегии инициатора)» (Матвеева, 2000).

В этом состоит одно из наиболее существенных отличий медицинского (как делового, профессионального) диалога от разговорного, так как «тематическое развитие спонтанного диалога не дано заранее, и поэтому говорящий в принципе может ввести в разговор любую, возникшую у него по свободной ассоциации тему» (Микута 2000), тематика же медицинского диалога задана в его самом названии, и обе стороны стараются не выходить за ее рамки.

Коммуникативные барьеры в диалоге между пациентом и врачом могут также вызываться наличием, относящейся к теме диалога, *профессиональной лексики* (специальных терминов) и *жаргона* – совокупностью «профессиональных слов, обладающих сниженностью и

экспрессивностью и используемых представителями определенных профессий» (Попова, Стернин 2007, с.73).

Профессиональный диалект, включая сленг и жаргон, американских медиков подробно описан автором в нескольких статьях, посвященных этому вопросу, и хотя «в сфере здравоохранения профессиональный жаргон, акронимы и аббревиатуры особенно развиты и являются составной частью разговорного языка современного доктора, в том числе и американского» (Сметанина-Болдвин 2008, с. 43), в практике семейного врача, однако же, употребляется небольшое количество профессиональных аббревиатур и, в основном, только необходимая профессиональная лексика, обычно доступная пониманию пациента.

Еще одной особенностью медицинского диалога является *вертикальная субординация* (авторитетность и подчиненность) участников, которая выражается в том, что только один из коммуникантов (врач) контролирует ситуацию и направляет общение. «Категория авторитетности является одной из важнейших для коммуникационного процесса. Ее содержание связано с лингвоэкономическим и властным статусом коммуникантов» (Болдырева и др. 2001). *Коммуникативная подчиненность* – это положение пациента как лица, полностью зависящего от врача в плане решения своей проблемы и подчиняющегося условиям, диктуемым врачом. Однако следует отметить, что в американском здравоохранении становится все более популярной коммуникативная модель, направленная на уменьшение авторитетности и контроля со стороны врача, получившая название «*patient-oriented*» (ориентированная на пациента), которая предполагает отношение к пациенту как «равному» участнику диалога, привлечение его к обсуждению диагноза и процесса лечения и т.д.

Л. П. Якубинский справедливо указывал: «При построении разговорных текстов вообще и особенно диалогических широко используется объединяющая адресанта и адресата предельно насыщенная и конкретная их апперцепционная база» (Якубинский 1986, с. 9). Е. Н. Ширяев вслед за Л. П. Якубинским определяет апперцепционную базу как «те знания, тот опыт говорящих, которые так или иначе могут входить при разговорном общении в коммуникацию, прямо взаимодействуя с ее вербальной семантико-синтаксической структурой» (Ширяев, 2001) Именно разницей в *общей апперцепционной базе* коммуникантов – *частно-апперцепционной базе* врача в области медицины, здоровья и пр. намного шире, чем у пациента – ведет к явлению *коммуникативной асимметричности* в медицинском диалоге. По большому счету, пациент находится у врача, чтобы «воспользоваться» этой конкретной уникальной *частно-апперцепционной* массой знаний и опыта, и, как результат, получить необходимую ему помощь. И в решении этой задачи – лечения пациента – помимо физических показателей, важную роль играет эффективный диалог между врачом и пациентом.

В медицинской речевой деятельности особое внимание необходимо уделить явлению *коммуникативного хеджирования*. Хеджирование напрямую

связано с непрямым стилем общения, описанным Дж. Лакоффом в 1970-х годах. Он же дает определение термина: «Хеджи (hedges) – это слова или фразы, присутствие которых делает неясным соответствие между языком и идеей, которую он должен выражать» (Lakoff, 1972).

Коммуникативные хеджи (дефиниционное содержание концепта «хедж», расширенное атрибутивом «коммуникативный», по нашему мнению, более точно определяет современные связи между лингвистикой, социологией и культурологией) – это коммуникативные стратегии, намеренно используемые коммуникантами, целью которых является создание коммуникативной семантической неопределенности путем: а) *кодировки семантического контента*, т.е. затуманивания и диффузии значения высказывания (*fuzziness*, Лакофф), ведущего к неоднозначному истолкованию текста, или б) путем *уклонения* от истины либо даже ее *искажения* коммуникантом с целью вызвать у адресанта выгодные ему результаты.

Типология *хеджирования* была предложена Эллен Принц (Prince 1982), она же выделила два основных класса: *хедж-аппроксиматоры* (approximators) – *приблизители*, затуманивающие и размывающие пропозициональный (истинный) контент высказывания, и *хедж-щиты* (shields) – *оградители*, создаваемые желанием уклониться от правды, скрыть от адресата или сказать не всю правду, или иногда вызванные незнанием правды.

Ниже приводятся примеры использования коммуникативных *хедж-аппроксиматоров* и *хедж-щитов* в медицинских диалогах.

ПРИМЕР 1.

Больной жалуется на кашель и отхаркивание мокроты по утрам. Врач пытается определить физические показатели мокроты, в частности, нет ли в ней крови.

В.	а. What's is, what does it look like?	<i>Какая она? Как выглядит?</i>
П.	б. It's <u>sort of</u> clear.	<u><i>Вроде бы</i></u> чистая (без примесей).
В.	в. Clear stuff, umhmm ... г. Never never blood tinged at all?	<i>Чистая мокрота, хммм. И ни разу, ни разу не было следов крови?</i>

Реплика пациента (1б) содержит *хедж-аппроксиматор* **sort of (вроде, как бы, отчасти)**, затуманивающий семантический контент однозначного ответа «It's clear» (Чистая.) Больной имеет в виду, что мокрота без примесей, как ему представляется при визуальном осмотре, и честно говорит об этом, но в то же время страхует себя хеджем **sort of (вроде бы)**, тем самым вызывая наводящие вопросы со стороны доктора – высказывания (1в) и (1г).

Хедж-аппроксиматоры – это готовые лексические единицы (*somewhat, sort of, kind of, about, approximately* – **отчасти, типа, как бы, около, приблизительно**), так называемые «слова-определители с «диффузной»

семантикой: *некоторый, известный, определенный* и некоторые другие» (Крысин 1994) или слова, образованные при помощи определенных суффиксов, например, - *ish* (-оват/еват-) (*yellowish, bluish* - желтоватый, синеватый).

ПРИМЕР 2.

Доктор, не уверенный в своих предположениях и наличии проблемы на данном этапе, использует аппроксиматоры somewhat, - ish для подведения итога в конце медосмотра ребенка:

Д.	The skin looks somewhat yellowish . Let's wait a day or two and see if it changes at all. In case it gets worse, we might order some blood tests.	Цвет кожи выглядит слегка желтоватым . Давайте подождем день-другой и посмотрим, будут ли изменения. В случае, если состояние ухудшится, нужно будет делать анализ крови.
----	--	--

В статье «Семантика неопределенности» верно отмечается: «Языковая (виртуальная) семантическая диффузность принадлежит области семантической неопределенности, пересекающейся, соседствующей, вероятно, с рядом скрытых явлений и процессов, потенциально склонных к развитию полисемии, энантиосемии, оттеночности и т. д., но пока не обнаруживающих себя с необходимой и достаточной мерой идентичности» (Жуков и др. 2003, с. 107).

Коммуникативные *хедж-щиты*, в противоположность аппроксиматорам, призваны не «затуманивать» само высказывание, а скорее манипулировать истиной по причине либо 1) отсутствия точного знания, либо 2) степени приверженности коммуниканта к достоверности высказывания (желания/нежелания сказать правду, уклонение от прямого ответа и др.).

ПРИМЕР 3.

Больной жалуется на сухой кашель, «свист» и хрипы в груди. Один из вопросов врача к пациенту – продолжает ли он курить.

Д.	a. Have you quit smoking?	<i>Вы бросили курить?</i>
П.	б. <u>I guess</u> I did....	<u>Думаю</u> , что да
Д.	в. What do you mean 'I guess'?	<i>Что значит «думаю»?</i>
П.	г. Well not more than two... perhaps three ...	<i>Ну там ... не больше двух, ... возможно, трех...</i>
Д.	д. A day?	<i>В день?</i>
П.	е. half a day, may be.	<i>Ну, может, за полдня ...</i>

Если бы пациент ответил «да, бросил» или «нет, не бросил», то семантический контент отразил бы истинность положения вещей, не допуская сомнений. Коммуникативный *хедж-щит* (3б) **I guess**

используется здесь сознательно в качестве попытки скрыть правду или не говорить всю правду. Далее идут аппроксиматоры, добавляющие еще больше расплывчатости и неясности в ответы пациента: (3г) **well** (ну там), **perhaps** (возможно); (3е) **may be** (может).

ПРИМЕР 4.

*Пациент и доктор обсуждают возможный диагноз, где пациент «тестирует» доктора, скрывая свое незнание за предположением (4а) **I suppose**, валидируя его достоверным, с его точки зрения, источником информации (4б) **I read**. Врач в свою очередь, избегает конкретности, уходит от ответственности за свои слова, прикрывая свой ответ хедж-щитами (4в) **One cannot exclude** и (4г) **it's hard to say**:*

П .	<p>а. I suppose I have an ulcer, right, Doc?</p> <p>б. I read the symptoms on-line</p> <p>....</p>	<p>Я думаю, что это язва, да, доктор?</p> <p>Я читал симптомы по Интернету</p> <p>....</p>
Д .	<p>в. One cannot exclude this possibility, but</p> <p>г. it's hard to say exactly at this point.</p>	<p>Нельзя исключить такую возможность, но пока трудно сказать точно.</p>

Используя *хедж-щиты* коммуникант словно «ограждает», страхует себя от ответственности за сказанное. Со стороны медперсонала и врачей хедж-щиты применяются довольно часто, что вызвано несколькими причинами, многие из которых, связаны с профессиональной этикой, конфиденциальностью и универсальны среди врачей всего мира. Американские медработники вынуждены пользоваться хеджированием чаще, чем другие, в связи с высокой юридической ответственностью и постоянной угрозой судебного иска со стороны пациента.

Не вызывает сомнения, что эффективное общение между врачом и пациентом – это один из важных факторов, влияющих на правильную постановку диагноза и лечение больного. Однако не менее существенным является установление контакта между доктором и пациентом, так как независимо от профессиональной подготовки врача отсутствие успешной коммуникации с пациентом может привести к отрицательным последствиям, в том числе нанесению вреда здоровью человека. «Юридические иски против врачей чаще всего случаются, когда последние не обладают достаточными навыками просвещения пациента по поводу его болезни и лечения, когда они не побуждают пациента поделиться своими тревогами и выразить свое мнение, когда отсутствуют юмор и смех при общении между врачом и пациентом» (Ambady, LaPlante 2000).

Медицинский диалог – одно из интереснейших комплексных лингвистических и коммуникативных явлений в современном обществе, открывающее широкие возможности как для изучения языка, общения, так и культуры. Взаимодействие доктора и пациента в режиме «face to face

interaction» является уникальным по своей сути коммуникативным контактом, представляющим в рамках стандартной ситуации *микropolitический срез общества и динамику человеческого неравенства* – социального, этнического, расового, языкового и пр. «Пациенты» – это представители всех социальных слоев, разнообразных этнических групп, профессий, различного уровня образования, белые и черные, бедные и обеспеченные, дети и старики, женщины и мужчины, с физическими и умственными недостатками и т.д. «Врачи» – это, как правило, уважаемые, образованные, интеллигентные, белые в большинстве европейских стран, среднего и выше среднего достатка люди, в целом, здоровые (в США – богатые и очень богатые, белые, преимущественно мужчины). Но это вопрос, требующий отдельного исследования.

Gubrium Jaber F. и Holstein James A. Handbook of Interview Research: Context & Method. - CA: SAGE, 2001. - стр. 981.

Lakoff George A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. - Chicago : Chicago Linguistic Society, 1972. - Papers from the 8th annual meeting of the Chicago Linguistic Society.

Prince Ellen F. Hedging in Physicians' Discourse // Linguistics and the Professions / ред. Di Pietro R.J. - New Jersey: Norwood, 1982. - стр. 83-97.

Wodak Ruth Disorders of discourse. - London and New-York: Longman, 1996. - стр. 216.

Болдырева А.А., Кашкин В.Б. Категория авторитетности в научном дискурсе // Язык, коммуникация и социальная среда. - Воронеж: Межвузовский сборник научных трудов, 2001. - Вып. 1.

Воскобойников А.Э. Монолог о диалоге и понимании // Электронный журнал "Знание. Понимание. Умение." - Московский гуманитарный университет, 2006. - №1. - <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/>.

Жуков А.В., Жуков К.А Семантика неопределенности (о словах и фразеологизмах с широким значением) // Вестник Новгородского государственного университета. - Новгород : Вестник НовГУ, 2003. - № 25. - стр. 106-110.

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. - Берлин: Philology.ru, 1994. - № 1-2. - стр. 28-49.

Маковский М.М. Универсалии в социолингвистике (Опыт социальной типологии лексико-семантических систем). - Москва : Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1974. - Вып. 4: Т. 33. - стр. 331-340.

Матвеева Т.В. Нормы речевого общения как личностные права и обязанности. - Барнаул: Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии, 2000. - № 2. - стр. 40-49.

Микута И.В. О правилах смены темы в спонтанном диалоге // Квантитативная лингвистика и семантика. - Новосибирск: НГУ, 2000. - Вып. 2. - стр. 150-155.

Падучева Е.В. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. - Москва: Языки русской культуры, 1996.

Попова З.Д. Стернин И.А. Общее языкознание. - Москва: "Восток-Запад", 2007. - стр. 408.

Русский Язык Русский язык. Энциклопедия. / ред. Караулов Ю.Н.. - Москва : Большая Рос. Энциклопедия, 1997. - стр. 704.

Сметанина-Болдвин Ю.В. Базар фильтруйте, доктор! // СПР «Мир перевода». – СПб : Издания Союза Переводчиков России, 2008. - № 20. - стр. 41-44.

Ширяев Е.Н. Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. - Москва: РАН, 2001. - № 1. - стр. 132-147.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование / Отв. ред. Леонтьев А. А. - Москва: Наука, 1986.

Деловой дискурс

А.О. Стеблецова

Дискурсивные особенности англоязычного делового стиля

Исследование национальной специфики коммуникативного поведения представителей англоязычной деловой культуры тесно связано с выявлением особенностей ее (этой культуры) коммуникативного стиля. По мнению ряда ученых (Куликова 2004), (Стернин 1996), национальный коммуникативный стиль реализуется во всех типах дискурса коммуникативной культуры, следовательно, можно проследить некоторые дискурсивные особенности англоязычного делового стиля, что и будет сделано в данной статье.

Англоязычный стиль делового общения можно охарактеризовать как *прямой* и *лично-ориентированный* (Hall 1976). Под прямым коммуникативным стилем подразумевается использование таких речевых средств и дискурсивных стратегий, которые ясно и недвусмысленно позволяют понять коммуникативные намерения адресанта. Адресат может легко декодировать высказывание адресанта без привлечения дополнительного контекста. *Лично-ориентированный стиль* (Hall 1976) подразумевает использование речевых средств и дискурсивных стратегий, направленных на сокращение дистанции между адресатом и адресантом, создание дружеской тональности общения, подчеркивание личных качеств, достоинств, заслуг адресата. Такой стиль обычно противопоставляется *статусно-ориентированному стилю*, в котором подчеркиваются статусные достижения (должность, звание и т.п.) адресата.

Прямой и лично-ориентированный стиль англоязычной деловой коммуникации создается широким спектром речевых средств дискурсивных стратегий. К речевым средствам относится использование определенных видов речевых актов, лексики, синтаксических конструкций. Под дискурсивными стратегиями понимаются индуктивный или дедуктивный способ организации содержания, использование определенных стратегий вежливости.

Как правило, уже из первого абзаца англоязычного ДП ясно, какова цель письма, а перформативная фраза недвусмысленно указывает, какое речевое действие совершает автор: I am writing to **inform** you (Пишу, чтобы сообщить вам); I am delighted to **tell** you (Я рад сообщить вам); I am writing to **complain** about (Обращаюсь с жалобой), We can **confirm** that (Мы можем

подтвердить, что), We are delighted to **announce** (С радостью сообщаем), We must **apologise** for (Мы вынуждены извиниться за). Таким образом, использование перформативной фразы (перформативный глагол + этикетный оборот, перформативный глагол + модальный глагол, перформативный глагол + ссылка на канал связи) для совершения эксплицитного речевого акта является проявлением прямого коммуникативного стиля.

Англоязычные ДП демонстрируют широкое использование стилистически нейтральной лексики. Современные тенденции в англоязычной деловой коммуникации обнаруживают стремление авторов к отходу от традиционных шаблонных оборотов (лексических маркеров официально-делового стиля) и замене их на стилистически нейтральные эквиваленты. Например (Gentle 2002):

Традиционные официально-деловые клише	Стилистически нейтральные эквиваленты
having regard to (относительно)	about, for (о)
in the majority of instances (в большинстве случаев)	usually (обычно)
as a consequence of (как следствие того, что)	because (потому что)
prior to(прежде)	before (до)
subsequent to (в последствии)	after(после)

Англоязычные ДП демонстрируют широкое использование синтаксических конструкций активного залога. Безусловно, выполнение определенных коммуникативных задач (например, описание производственных процессов или прагматически значимое выведение агента из фокуса внимания адресата) требуют использования страдательного залога. Однако он постепенно перестает быть обязательным маркером официально-делового стиля. Предпочтительное использование конструкций активного залога, возможно, свидетельствует о более активной и ответственной позиции автора. Сравним (Taylor 2004):

Passive Voice	Active Voice
Please be informed that the cause of your complaint has been investigated... (Сообщаем Вам, что по Вашей жалобе было проведено расследование)	I have looked into this.... (Я провел расследование ...)
Arrangements have been made for a repeat order to be dispatched to	I have arranged for a repeat order to be sent to you today. (Я

you immediately... (Были проведены необходимые мероприятия по отправке Вам повторного заказа)

организовал отправку Вашего заказа сегодня)

Среди дискурсивных стратегий, направленных на создание прямого коммуникативного стиля, в текстах англоязычного ДП наблюдается использование дедуктивного (topic-comment) способа (Scollon R., Scollon S. 2001) композиционного построения текста. Для представителей англоязычной ДК свойственно использование именно этой стратегии, что культурологически обусловлено желанием сэкономить время партнера (time is money), сразу добраться до сути дела (get straight to the point), не ходить вокруг да около (not to beat about the bush). Использование дедуктивной дискурсивной стратегии характерно для информационных писем, писем-запросов, просьб, требований, извинений, заказов, предложений, отчетов, меморандумов и др.

Еще одной дискурсивной стратегией, формирующей прямой коммуникативный стиль англоязычного ДП, является использование дескриптивных заголовков. Так, дескриптивный заголовок, который предваряет текст письма неполным предложением, содержащим тему «Заявка на участие в тендере на поставку кокса», позволяет адресату понять, о чем пойдет речь, например:

Dear Mr Braden (Уважаемый господин Брейден)

TENDER FOR FURNACE COKE

(тендер на поставку отопительного кокса)

Having read the terms and conditions in the official form supplied by you, I enclose my tender for the supply of coke to the Bamford power station during 2005. I hope to learn that it has been accepted. (Ознакомившись с официальными условиями, прилагаю свою заявку на участие в тендере на поставку отопительного кокса...)

Yours sincerely

(С уважением)

Таким образом, использование дискурсивных стратегий дедуктивного способа композиционного построения текста и дескриптивного заголовка позволяет определить коммуникативный стиль англоязычного ДП как прямой.

Англоязычное ДП демонстрирует широкий спектр дискурсивных стратегий вежливости, отражающих личностно-ориентированный подход к адресату.

Так, в разнообразных рекламных письмах (Sales Letters), рассылаемых множеству клиентов, часто использует обращение по имени Dear Mrs Walker (Уважаемая г-жа Уолкер), а при использовании

неперсонифицированного обращения личностный подход проявляется в использовании единственного числа Dear Homeowner (Уважаемый домовладелец), Dear Cardholder (Уважаемый владелец карты), Dear Reader (Дорогой читатель).

Дискурсивная стратегия солидарности позволяет автору объединить себя с адресатом, подчеркнув некие общие знания, чувства или эмоции, которые обе стороны разделяют, например:

Dear Mrs Linaker

(Уважаемая г-жа Линакер)

£ 1, 000 of Accidental Death Insurance – free of charge

(Страховой полис... стоимостью 1000 фунтов стерлингов – бесплатно)

We are all aware that accidents are a part of everyday life. And we all know we should take precautions against them.

(Все мы знаем, что трагические происшествия – это часть нашей жизни. И мы также знаем, что должны принять меры предосторожности)

Особенно ярко дискурсивные стратегии вежливости проявляются в ДП, совершающих небенефактивные по отношению к адресату действия, например, отказы или требования. Такие письма, требующие особого такта и дипломатичности, демонстрируют проявления личностного подхода к адресату. Так, в письмах – требованиях погашения просроченных платежей автор формулирует напоминание таким образом, что негативный акцент переносится с адресата на автора, а также проявляет заботу о репутации адресата, например:

It is very difficult it understand why we have not heard from you in reply to our two letters of 18 February and 2 March about the sum of £105.67 due on our December statement... (Не понятно, почему мы до сих пор не получили от Вас ответа на наши письма от 18 февраля и 2 марта относительно просрочки платежа...)

We are most anxious to avoid doing anything through which your credit and reputation might suffer. (Нам ни в коем случае не хотелось бы прибегать к мерам, в результате которых может пострадать Ваш кредит и репутация)

Используя подобные стратегии солидарности, автор всегда дает адресату шанс «сохранить лицо». Таким образом, дискурсивная стратегия солидарности способствует созданию личностно-ориентированного стиля англоязычной деловой коммуникации.

Таким образом, анализ показал, что в англоязычной письменной деловой коммуникации преобладают следующие *речевые средства*:

- перформативные фразы, эксплицирующие коммуникативное намерение автора;

- стилистически нейтральные лексические единицы;

- синтаксические конструкции активного залога;

- относительно короткие предложения (7-14 слов);

и дискурсивные стратегии:

- дедуктивный способ композиционного построения текста;

- дескриптивный заголовок;

- стратегии солидарности.

Данные речевые средства и дискурсивные стратегии способствуют формированию прямого, лично-ориентированного коммуникативного стиля, характерного для низкоконтекстных культур, к числу которых относится и англоязычная деловая культура.

Куликова Л.В. Тип культуры и национальный коммуникативный стиль // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология и журналистика. Воронеж, 2004. № 2.- С. 62-70.

Стернин И.А. Коммуникативное поведение и национальная культура // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1, Гуманитарные науки. Воронеж, 1996. № 2. - С. 45 – 64.

Gentle R. Business Writing that Works. – London: Prentice Hall, 2002.

Hall E.T. Beyond Culture. – New York: Doubleday, 1976

Scollon R., Scollon S. W. Intercultural Communication. A Discourse Approach. Sec. ed. Oxford: Blackwell Publishing, 2001.

Taylor Shirley. Model Business Letters, E-mails and Other Business Documents. / Sixth ed. – Prentice Hall, 2004.

Педагогический дискурс

Т.Г.Паймурзина

Причины возникновения коммуникативных промахов и неудач в детской речи и пути их преодоления

В современном российском обществе коммуникативная агрессия становится закономерным явлением, требующим точного выявления тех причин и последствий, которые разрушают гармоничное общение людей в актуальных для них речевых ситуациях. Коммуникативные неудачи становятся постоянными спутниками человеческого общения. Наиболее опасные последствия могут иметь проблемы, возникающие в общении между школьниками, что объясняется несформированностью их риторического идеала, отсутствием специальных знаний и коммуникативных умений по предупреждению и преодолению подобных неудач.

В научной литературе, посвященной анализу речевого поведения человека, нерезультативное общение обозначается терминами «коммуникативная неудача», «коммуникативный промах». Если успешным считается такой диалог, когда осуществляется коммуникативная цель говорящего и собеседниками достигается согласие (Культура русской речи 1998, с. 59), то *речевая (коммуникативная) неудача* – это отрицательный результат общения, недостижение говорящим собственной интенции (Б.Ю. Городецкий, О.Н. Ермакова, Е.А.

Земская, М.Н.Смирнова, И.А. Стернин, Е.К. Теплякова); возникший в процессе общения незапланированный негативный эмоциональный эффект (О.Н.Ермакова, Е.А.Земская), стратегия речевого поведения, приводящая к конфликту.

В отличие от неудач, «коммуникативные помехи, шероховатости, промахи лишь замедляют процесс достижения результата (из-за сбивчивости, непоследовательности изложения, растянутости, многословия... и т.д.), но не препятствуют этому» (Ладыженская 2002, с. 20-21). Следовательно, речевые промахи – частная реализация коммуникативной неудачи, при которой речевое произведение выполняет свою интенцию и контакт между собеседниками в целом не нарушается. Поясним на примерах.

Пример 1

В рассказе Ю.Яковлева "Мальчик с коньками" описывается ситуация, когда шедшему по улице мужчине вдруг стало плохо. На помощь к нему поспешил школьник...

«- Зашевелился осколочек. Сколько лет не беспокоил – и вот на тебе!

Вероятно, он чувствовал себя виноватым перед мальчиком и решил часть вины переложить на «зашевелившийся осколочек».

Мальчик насторожился и с недоверием поднял глаза на мужчину:

- Какой осколочек?

- Обыкновенный, брат, от снаряда... Вот ведь война когда кончилась, а осколочек остался, - сказал мужчина и показал пальцем на грудь».

(Яковлев, «Мальчик с коньками» // Последний фейерверк, с. 7)

В приведенном примере очевиден коммуникативный промах, совершаемый мальчиком (жирным шрифтом выделено высказывание, сигнализирующее о возникновении помехи в общении): он не догадался, о чем говорит собеседник. Но контакт между собеседниками в целом не нарушается, поскольку мужчина поясняет ребенку значение слова и говорящие продолжают общение.

Пример 2

В.Распутин, автор повести «Уроки французского», описывает поведение школьника на уроке...

«Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазенками мальчишка, любивший на уроках поднимать руку. Знает, не знает – все равно тянет. Вызовут – молчит.

- Что ж ты руку поднимал? – спрашивают Тишкина.

Он шлепал своими глазенками:

- Я помнил, а пока вставал, забыл».

(В. Распутин)

В данном случае можно предположить, что Тишкин потерпел коммуникативную неудачу в диалоге с учителем, потому что реализовать свою интенцию – ответить на вопрос учителя – ему не удастся.

Проанализировав образцы реальной речевой практики школьников старшего звена (всего более ста) и фрагменты произведений, взятых из художественной литературы (около 300), мы выявили несколько *основных* причин возникновения промахов и неудач в непосредственном общении подростков:

- неправильно подобранные слова для выражения своих мыслей, например: резкая, негативная оценка слов или поступков говорящего, демонстрация агрессии, нарушение этикетных канонов общения, пренебрежение правилами речевого этикета;

- резкая интонация, недоброжелательная тональность общения в целом;
- несоответствующая речевой ситуации мимика, выражающая недовольство, презрение и пр.;

- причинами промахов могут также служить дефекты речи, невнимание к адресату речи, слишком тихий или громкий голос и пр.

Инициаторами промахов и неудач в общении подростков могут быть как адресант – отправитель сообщения, так и адресат – слушатель, принимающие данное сообщение.

Проведенные нами исследование доказывает, что обучение речевым умениям в средней школе не вполне учитывает необходимость обучения детей способам предупреждения и преодоления коммуникативных неудач и промахов. Потребность в таких знаниях, на наш взгляд, чрезвычайно высока. В программе нового речевого курса, разработанного под руководством д.п.н., профессора Т.А. Ладыженской, заложены идеи такого коммуникативного образования школьников, которое не только создаст условия для формирования качественной письменной речи, но и позволит моделировать успешное, ситуативно обусловленное устно-речевое поведение.

Наш опыт изучения этой проблемы позволяет предположить, что школьников необходимо познакомить с понятиями «коммуникативный промах», «коммуникативная неудача» и научить анализировать ситуации, содержащие речевые сбои, начиная с 7 класса. Продолжать эту работу следует на протяжении последующих лет обучения русскому языку, литературе, риторике, потому что, по нашим данным, 99% старшеклассников сталкиваются с проблемой коммуникативных неудач в общении, причем такое же количество опрошенных указали, что «испытывают затруднения по преодолению подобных проблем в общении», не знают, какими речевыми средствами можно нейтрализовать такие ситуации.

Умения предупреждать и нейтрализовывать коммуникативные проблемы следует формировать в процессе выполнения продуктивных заданий: риторических задач и игр. Основой работы учителя может стать система заданий аналитического (напр., *анализ образца, содержащего пример неудачного общения, по вопросам: оцените общение в данной ситуации; подумайте, какое из правил общения нарушено и кем: говорящим или слушающим и др.*), аналитико-конструктивного (напр., *риторический анализ образца, содержащего пример коммуникативной неудачи или промаха, и последующая его корректировка*) и творческого характера (напр., *риторическая (ролевая) игра, где требуется разыграть диалог в соответствии с заданными условиями. Выбранное жюри оценит,*

успешным ли является общение, уместные ли жесты, интонацию, слова подбирают говорящие, соблюдают ли нормы речевого этикета и пр.).

В комплекс речевых ситуаций, на основе которых будут выполняться эти задания, могут быть включены эпизоды из произведений Л. Нечаева (повесть «Ожидание друга, или признания подростка», сцена ответа у доски); Н.Соломко (повесть «Белая лошадь - горе не мое», описание диалога Жени и Бори о жизни); В. Токаревой (рассказ «Неромантичный человек», описание беседы Таньки и Мишки) и др.

Неоценимую помощь учителю могут оказать видеообразцы (например, фрагменты киножурнала «Ералаш», художественного фильма «Чучело», реж. Р. Быков, сцена знакомства Лены Бессольцевой с классом и др.). В этом случае учитель может организовать комплексный риторический анализ вербального, ритмико-интонационного и пантомимического поведения героев видеосюжетов, создать полное представление о речевом поведении человека.

Подобные продуктивные задания могут включаться в отдельные уроки в рамках курса «Школьная риторика» или являться элементами дидактической системы уроков русского языка и литературы. Это позволит сформировать у школьников представление о том, что знания, полученные на таких уроках, помогут избежать неудач в непосредственном общении со своими друзьями, педагогами т.д.

Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: Сб.ст. – Новосибирск, 1985. – с. 64-78.

Гудман Б.А. Идентификация референта и связанные с ней коммуникативные неудачи // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIV: компьютерная лингвистика / сост., ред. и вступ. ст. Б.Ю. Городецкого. – Москва: «Прогресс», 1989. – с. 209-258.

Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – с. 30-64.

Культура русской речи. Учебник для вузов [Текст] / под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА/М, 1998. – 560 с.

Риторика 8-й класс: Методические рекомендации [Текст] / Под ред. Т.А. Ладыженской. – М.: «С-инфо», «Баласс», 2002. – 128 с.

Смирнова М.Н. Коммуникативные неудачи в неофициальном диалоге (на материале английского языка): автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.04 / Смирнова Марина Николаевна. – М., 2003. – 24 с.

Стернин И.А. Практическая риторика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений // М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 272 с.

Теплякова Е.К. Коммуникативные неудачи при реализации речевых актов побуждения в диалогическом дискурсе (на материале современного немецкого языка): автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.04 / Теплякова Елена Константиновна. – Тамбов, 1998. – 17 с.

Дискуссии

Е.П.Чечикова

Тропеические стилеобразующие средства

(на материале поэтических текстов А.Н.Майкова)

Как известно, в теории текста принято разграничивать следующие аспекты: герменевтику, которая изучает смыслы текста; лингвистику текста, изучающую его семантику и структуру, т.е. модели вертикального развёртывания; стилистику текста, исследующую его со стороны стиля языка (наджанровая величина), стиля речи (внутрижанровая величина) и индивидуально-авторского стиля (уникальное в тексте) (Виноградов 1981, с.10 – 176); прагматику текста – изучение его целевой установки – и восприятие текста – изучение моделей его понимания.

В конце XX – начале XXI века при изучении текста на первый план выходит лингвистика языка и две части внутренней лингвистики: теория языка и теория речи (Припадчев 2008, с.13 – 15). Целостный анализ художественного текста, в том числе поэтического, требует обращения к теории речи, так как объектом её исследования являются тексты разной временной, жанровой и стилистической отнесённости. С другой стороны, в теории речи акцентируется картина мира (Попова 2005, с.35 – 39), что позволяет выйти на уровень прагматики текста.

В данной работе тропеические стилеобразующие средства исследуются в плане стиля языка, стиля речи и индивидуально-авторского стиля, то есть выявляются их частные и общие стилистические функции. На основе выделенных смыслов выявляется когнитивно-универсальная, когнитивно-национальная и уникальная картины мира.

На протяжении развития литературы в любой исторический период существовали излюбленные жанры, стихотворные размеры, строфы и т.д. – то, что Г.А.Гуковский метко назвал «стилем эпохи». Этот стиль всегда основывался на требованиях поэтики господствующего художественного метода о единстве жанра и стилеобразующих единиц. Но лучшие поэты постоянно искали новые изобразительные средства, новые способы воссоздания действительности в художественном произведении. Однако поэтический эталон классицизма в конце XV111 – начале X1X века всё ещё сковывал авторское начало в формировании как образов, так и средств их обозначения. Поэтому функциональный художественный стиль этой эпохи во многом оставался под давлением жанра.

Изобразительные средства (в узком смысле) – это обозначение известного круга художественно-речевых явлений, создающих словесную образность повествования, прежде всего тропов, фигур, различных форм инструментовки и ритмико-интонационной организации.

В данном исследовании при характеристике тропов используется классификация А.Ф. Лосева (Лосев 1982, с.13 – 178).

Троп (от греч. *troros* – оборот) – это употребление слова (высказывания) в переносном значении, в нём совмещается буквальное значение и значение ситуативное, относящееся к данному случаю, что и создаёт образ. С помощью авторских тропов достигается эстетический эффект выразительности; слова в художественной речи становятся нестандартными. Эмоциональные, индивидуализирующие и познавательные особенности тропов определяют их место в языке художественной литературы и необходимость особого внимания к ним при исследовании литературного творчества. К тропам относятся: эпитет, метафора, сравнение и т. д. При помощи этих средств писатели имеют возможность выделить те или иные признаки или стороны представляемых предметов, которые являются важными для их мировосприятия. Тропы являются показателями авторского начала (Словарь литературоведческих терминов 1999, с.245). Рассмотрим особенности употребления тропеических средств в текстах А.Н.Майкова.

Образ-олицетворение – это особый вид метафоры: перенесение человеческих черт на неодушевлённые предметы или явления (дар речи, способность мыслить и чувствовать). В основе олицетворения лежат уподобления природного человеческого и сказочному мышлению. Оно являет собой обнаружение нового признака реалии или понятия через приписывание ему того или иного действия (Словарь литературоведческих терминов 1999, с.197).

Приведём пример олицетворения из текстов А.Н.Майкова.

Чертоги вымысла:

О! молодая мысль с презреньем и тоскою
 Глядит на жизни тёмной даль,
 На труд, лелеемый пурпурною зарёю,
 На скорбь, на радость, на печаль...
 Питая свой восторг, бездумный и строптивый,
 Мятежно рвётся ввысь она...
 В чертоги вымысла влекут её порывы...
 («Безветрие», 78)

Семантическая структура этого тропа демонстрирует динамику речемысли автора от абстрактной семы «вымысел» к более конкретной семе: «место вымысла – чертоги, где он обитает», что и создаёт образ-олицетворение (создание атмосферы *мечтательности*).

Метафора (от греч. *metaphora* – перенос) – это вид тропа, характеризующийся перенесением свойств одного предмета на другой по принципу сходства в каком-либо отношении или по контрасту. Из всех тропов отличается особой экспрессивностью. Метафора способна вскрыть, обнаружить внутреннюю природу явления. Она даёт речи особую, высшую прозрачность, облекая даже отвлечённые понятия в живые формы и делая

их доступными созерцанию. Метафорическому образу ещё в большей степени свойственна абстрактность семантики (по сравнению с олицетворением). Он отражает установление новых функций и новых реалий (Словарь литературоведческих терминов 1999, с.170 – 171).

Приведём примеры метафорического образа из поэтических произведений А.Н.Майкова.

Дремлющие воды, обрывы в молчании угрюмом :

Рассеянно гляжу на дремлющие воды
Лесного озера и верхи сосн густых,
Обрывы жёлтые в молчании угрюмом...
(«Е.П.М.», 61-62)

Семантическая структура тропа обнаруживает динамику речемысли автора от конкретной семы «человек» с его конкретными действиями «дремать», «угрюмо молчать» к более абстрактным семам по признаку неодушевлённости «воды», «обрывы», что и создаёт абстрагированный образ-метафору (создание атмосферы медитативного *созерцания* природы).

Встают виденья, живут и движутся:

Но после, далеко от милых сих явлений,
В ночи, я чувствую, передо мной встают
Виденья милые, пестреют и живут,
И движутся...
(«Е.П.М.», 61-62)

Семантическая структура метафоры демонстрирует динамику речемысли автора от конкретной семы «человек» с его конкретными функциями «встает», «живет» и «движется» к более абстрактной семе по признаку неодушевлённости «виденья» с приписанными им автором поэтическими новыми функциями «встают», «живут» и «движутся» (создание эффекта чередования воспоминаний в *памяти*).

День торжествен, светел и румян:

Торжествен, светел и румян
Рождался день под небесами.
(«Еврейские песни», 72)

Семантическая структура тропа фиксирует движение речемысли автора от конкретной семы «человек» с его конкретными признаками «торжественность», «светлость» и «румянность» к более абстрактной семе по признаку неодушевлённости «день» с приписанными ему поэтическими новыми качествами «торжествен», «светел» и «румян» (создание картины рассвета).

Сеять слезами, собирать жатву радости:

Но ты, господь, в завет с отцами
Ты рек: «Не кину свой народ!

Кто сеет горькими слезами,
Тот жатву радости сберет».
(«Еврейские песни», 72)

Семантическая структура тропа такого рода фиксирует движение речемысли автора от конкретных сем «сеять», «собирать жатву» к новым функциям реалии (сеять семенами – сеять слезами, собирать жатву урожая – собирать жатву радости) и, наконец, к абстрагированному значению (период переживаний и слёз сменяется периодом радости).

Символ (от греч. *simbolon* – условный знак) – это самостоятельный художественный образ, который имеет эмоционально-иносказательный смысл, основанный на сходстве явлений жизни. В художественной литературе символичность таится в любом сравнении, метафоре, параллели (Словарь литературоведческих терминов 1999, с.230). Его семантике присуща максимальная абстрактность по сравнению с рассмотренными тропами. Символические образы представляют вторую, не реальную, а художественную картину мира.

Обратимся к символам в поэзии А.Н.Майкова.

Ангел, демон:

Господень ангел тих и ясен:
Его живит смиренья луч,
Но гордый демон так прекрасен,
Так лучезарен и могуч!

(«Ангел и демон», 75)

Семантическая структура тропа отражает динамику речемысли автора от конкретных сем «тихий и ясный человек» и «гордый, прекрасный, лучезарный и могучий человек» к абстрактным – «ангел» и «демон», которые становятся символами смирения и гордости соответственно (создание образов всемирного зла и всемирного добра).

Мифологический образ от названного выше отличается конкретностью. Такие тропы формируют тоже вторую, но уже как бы реальную художественную картину мира.

Примеры мифологем в текстах А.Н.Майкова единичны.

Стыдливая Аврора:

Восток пурпуровым ковром
Зажгла стыдливая Аврора.
(«Призыв», 48)

Семантическая структура мифологемы показывает движение речемысли автора от конкретного – «девушка» - к абстрактному – «Аврора – богиня утренней зари», и снова к более конкретному признаку «стыдливая» – качеству, присущему богине как реальному лицу (выражение *трепетного отношения* к природе).

Зевс, хмуря грозные черты, зрит:

Зевс, от дум миродержанья
 Хмуря грозные черты,
 Вдруг – средь волн и всю в сиянье
 Зрит богиню красоты.
 («Рождение Киприды», т.2, 298)

Семантическая структура мифологемы демонстрирует движение речемыслительной деятельности автора от конкретного – «человек» – к абстрактному (Зевс – в греческой мифологии бог грома и молнии»), и снова к более конкретному признаку «хмурит грозные черты» и «зрит» – качествам, присущим богу как реальному лицу (выражение *всесилия красоты*, перед которой отступают даже стихии).

Тропеические стилеобразующие средства поэтических текстов А.Н. Майкова полифункциональны. Наличие тропа маркирует тексты по образности и ритмичности в аспекте стиля языка художественной литературы. Тип тропа маркирует тексты в плане стиля речи именно данной жанровой принадлежности (метафора со слабой образной насыщенностью – жанр элегии; метафоры и мифологемы – жанр оды; многоступенчатость тропов, переход от аллегии к символу, метафоры, мифологемы – жанр эклоги; однообразные метафоры – жанр песни). Значение тропа (например, влюблённому кажется, что природа затихла без его возлюбленной) маркирует тексты в аспекте индивидуально-авторского стиля (Припадчев 2005, с.77).

Художественный текст отражает не только множественность стилистик, но и множественность картин мира. На основе универсальных смыслов (всемирные добро и зло, всесилие красоты) выявляется когнитивно-универсальная картина мира. На основе национальных смыслов (трепетное отношение к русской природе) выявляется когнитивно-национальная картина мира. На основе уникальных смыслов (чередование воспоминаний в памяти) выявляется когнитивно-индивидуальная картина мира. В поэтических произведениях А. Н. Майкова доминирующей является когнитивно-универсальная картина мира.

Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики / В.В. Виноградов. – М., 1981. – С. 10 – 171.

Лосев А.Ф. Знак, символ, миф / А.Ф. Лосев М., 1982. – 540 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ / З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. – 121с.

Припадчев А.А. История русского литературного языка / А.А. Припадчев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. – 121с.

Словарь литературоведческих терминов / Под ред. В. И. Тимофеева. – СПб, 1999. – 453 с.

Припадчев А.А. Модели речи / А.А. Припадчев // Коммуникативные исследования 2008 / Воронеж. гос. ун-т. – 2008. – С.3 – 15.

Припадчев А.А. Речевая картина мира / А.А. Припадчев // Культура общения и её формирование / Воронеж. гос. ун-т. – 2008. – Вып. 20. – С.13 – 23.

Припадчев А.А. Системный аспект речи / А.А. Припадчев // Идеи Фердинанда де Соссюра в современной лингвистике: Сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та. – 2008. – С.66 – 76.

Припадчев А.А. Семиотический аспект речи / А.А. Припадчев // Текст – дискурс – картина мира / Воронеж. гос. ун-т. – 2008. – С.58 – 67.

Содержание

От редколлегии с.3

Вопросы теории

Влавацкая М.В. (Новосибирск) О терминологической базе комбинаторной лексикологии	с.4
Припадчев А.А. (Воронеж) Речевая системность текстов в данных смыслов (на материале жанровой формы «житие»)	с.11
Стернин И.А. (Воронеж) Когнитивная картина мира и тип сознания	с.21
Чарыкова О.Н. (Воронеж) Имплицитные категории в языковой картине мира	с.26

Национальная картина мира и её языковая репрезентация

Быкова С.А. (Воронеж) Символические значения паремий в лингвокультурной картине мира (русские и немецкие паремии с наименованиями одежды)	с.32
Вахтель Н.М., Хади Али (Воронеж, Ирак) Русская и арабская картины мира в устойчивых сравнениях	с.37
Драчевская Е.Г. (Воронеж) Лакуны и картина мира	с.41
Ермакова А.С. (Воронеж) Глаголы с семантикой «свечение» в английской языковой картине мира	с.46
Кабина Е.С. (Санкт-Петербург) Сфера посессивности в картине мира англофона и носителя русского языка	с.51
Павлова С.В. (Воронеж) Семантический анализ текстовых событий	с.55
Панкова Т.Н. (Воронеж) Метафорические значения лексемы seed и её производных в английской языковой картине мира	с.58
Чубур Т.А. (Воронеж) Контрастивные исследования и картина мира	с.63

Художественный текст

Грачёва Ж.В. (Воронеж) Функции ассоциаций по контрасту в языке и в художественном тексте	с.67
Дионк Камель М. (Ирак – Воронеж) Роль лексики, называющей представителей животного мира, в повести М.Ю. Лермонтова «Бэла»	с.70
Довбня М.Л. (Воронеж) Экспериментальный анализ текста музыкального произведения	с.73
Дюжакова С.Г. (Липецк) Лексика нравственного содержания в трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность»	с.78
Камаль Зейнаб А. (Ирак – Воронеж) Метафорические значения наименований деревьев в произведениях С. Есенина	с.85
Селезнёва Е.В. (Воронеж) Употребление союзов в сложноподчинённых предложениях с придаточным условным (на материале художественного текста)	с.88
Сердюк М.А. (Борисоглебск) Коннотативные аспекты семантики фольклорного слова	с.92
Соловьёва И.Ю. (Воронеж) Идеино-художественная функция пейзажа и образов цветов в романе Д.Г. Лоуренса «Сыновья и любовники»	с.97
Чечикова Е.П. (Воронеж) Рифмические стилеобразующие средства (на материале поэтических текстов А.Н. Майкова)	с.101

Художественный дискурс

Борисова Л.М. (Воронеж) Функционально-прагматический потенциал текстоформирующих метакоммуникативных речевых действий в повести Э. Шриттматтера «Зелёный июнь»	с.106
Заки Синан (Ирак – Воронеж) Существительные, называющие насекомых, в русском художественном дискурсе	с.114
Лапшина Т.И. (Воронеж) Особенности диалогических единств в романной прозе Зигфрида Ленца	с.116
Морозова Т.В. (Воронеж) Вечный образ в дискурсе испанского модернизма (на материале «Воспоминаний маркиза де Брадомина» Рамона дель Валье-Инклана)	с.120
Тихонова О.В. (Воронеж) Гендерный диалог в произведениях современных немецкоязычных писателей	с.125

Художественная картина мира

Бавыкина Е.В. (Воронеж) Образы мира в текстах научной фантастики	с.130
Зиновьева О.А. (Воронеж) Лексико-фразеологическое представление концепта «Франция» в русской поэзии второй половины XIX века	с.133
Сычёва О.А. (Воронеж) Концепт «убеждать» в русском художественном тексте	с.138
Тимошина Т.В. (Воронеж) Соотношение национальных и индивидуальных когнитивных признаков в художественном концепте (на примере концепта «родина»)	с.143

Медиадискурс

Абдулла Валид Л. (Ирак – Воронеж) Экономическая терминология концептуальной области «финансы» в современных СМИ	с.147
Гирчева А.О. (Воронеж) Социальная реклама как тип дискурса	с.149
Лысенко С.А. (Воронеж) Особенности сетевого диалога	с.155
Стегачёва Е.И. (Воронеж) Эволюция жанров в современных печатных СМИ (на материале публикаций в газете «Коммерсант»)	с.160
Щербакова И.А. (Борисоглебск) Репрезентация концепта «извинение» в публицистических текстах	с.166

Медицинский дискурс

Бейлинсон Л.С. (Волгоград) Ценности логопедического дискурса (медицинский аспект)	с.177
Сметанина-Болдвин Ю.В. (США) Врач – пациент: основные характеристики и особенности медицинского диалога (на материале анализа ведения приёма семейным врачом в США)	с.183

Деловой дискурс

Стеблецова А.О. (Воронеж) Дискурсивные особенности англоязычного делового стиля	с.192
---	-------

Педагогический дискурс

Паймурзина Т.Г. (Новокузнецк) Причины возникновения коммуникативных промахов и неудач в детской речи и пути их преодоления	с.196
--	-------

Дискуссии

Чечикова Е.П.(Воронеж) Тропеические стилеобразующие средства (на с.200
материале поэтических текстов А.Н. Майкова)

Содержание

с.206